

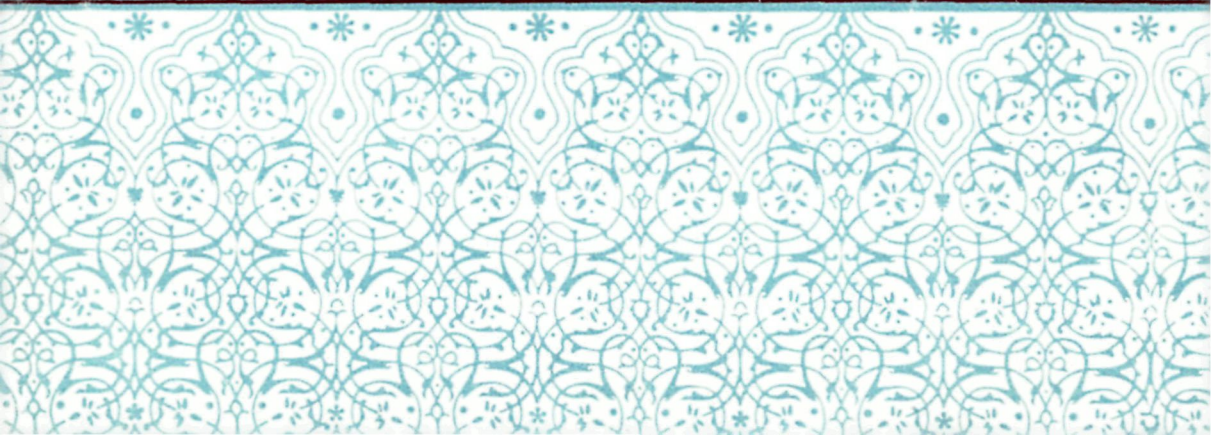
ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР



ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1980

3



ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

3

1980

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года



Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИС-КАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУР-МУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХ-МАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БА-РАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУН-МУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор юр. наук М. Х. ХАКИМОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *В. М. Тарахович*

Сдано в набор 5.III.80. Подписано к печати 7. IV.80. P08146. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 2587. Заказ 63. Цена 40 к.

Адрес Издательства: 700047, г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1980 г.

РЕШЕНИЕ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В УЗБЕКИСТАНЕ И ЕГО МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Наша эпоха характеризуется мощным ростом борьбы народных масс против всех форм социального и национального гнета. В первых рядах борцов за мир, социальный прогресс и сотрудничество между народами идут и участницы международного демократического женского движения. Их вдохновляют блестящее решение женского вопроса в странах социализма, прежде всего в СССР, замечательные достижения советских женщин на всех участках социалистического и коммунистического строительства.

Путь к раскрепощению женщины-труженицы, обеспечению ее подлинного равноправия во всех сферах жизни указал великий Ленин, раскрывший роль и место женского вопроса как составной части общего вопроса о социалистической революции.

Женскому вопросу В. И. Ленин посвятил ряд специальных статей и речей, таких как «О задачах женского рабочего движения в Советской республике»¹, «К международному дню работниц»², «Советская власть и положение женщины»³, «К женщинам-работницам»⁴ и др., в которых раскрываются роль и значение женских резервов рабочего класса в деле победы и укрепления диктатуры пролетариата, развитии советской демократии, указываются пути ликвидации социального неравенства женщин, их фактического раскрепощения.

В других ленинских произведениях также имеются многочисленные высказывания по женскому вопросу, связанные с различными аспектами международного рабочего движения, подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции, задачами социалистического строительства в нашей стране и т. д.

Неутомимо борясь за равноправие женщин, В. И. Ленин подчеркивал: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия»⁵.

С особым интересом следил В. И. Ленин за пробуждением веками угнетенной и забитой женщины Советского Востока. «Кто может теперь еще сомневаться в победе мировой пролетарской революции,— говорил он в 1921 г.,— если даже самые поработанные из поработанных, самые угнетенные из угнетенных поднимаются для борьбы за свое освобождение на путях социализма»⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 198—205.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 192—193.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 285—288.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 157—158.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 185.

⁶ См.: Цеткин К. Заветы Ленина женщинам всего мира. М., 1934, с. 24.

И действительно, в дореволюционном Туркестане, например, женщина была трижды рабыней — она подвергалась социальному, национальному гнету и в то же время являлась жертвой шарната и адата — религиозного и «обычного» права, требовавшего ее беспрекословного подчинения мужчине.

Советская власть не могла мириться с таким положением миллионов женских масс. Уже «Декларация прав народов России» торжественно провозгласила равноправие граждан без различия пола, расы, национальной принадлежности, религиозных убеждений и социального положения. Объявленное в этом историческом документе равноправие женщин было законодательно закреплено первой Советской Конституцией 1918 г., ст. 64 которой предоставила им право избираться и быть избранными во все органы государственной власти. Изданные в тот же период декреты «О введении равной платы за равный труд для женщин и мужчин» и «Об охране материнства и детства»⁷ не оставили камня на камне от старых царских законов, которые унижали и закабалили женщину и которые В. И. Ленин назвал «неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми».

Несмотря на огромные трудности первых лет Советской власти, партия и правительство приступили к практическому выполнению программы РКП(б) по женскому вопросу.

С осени 1919 г. по всей стране, в том числе в Туркестане, начали создаваться специальные женотделы, задача которых заключалась в проведении политической работы среди женщин, создании женского актива, подготовке и осуществлении различных мероприятий, направленных на обеспечение не только юридического, но и фактического равноправия женщин.

Декретом ТуркЦИКа в 1921 г. был установлен брачный возраст для девушки в 16 лет, в противовес брачному возрасту по шарнату в 9 лет, запрещены многоженство, калым, принудительная выдача замуж. Были подтверждены законоположения Советской власти, предоставившие женщине равные права с мужчиной во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни.

Большую роль в борьбе за раскрепощение женщин сыграли делегатские собрания, активно способствовавшие вовлечению женских масс в работу советских органов, кооперации, профсоюзов.

Своеобразной формой организационно-политической и культурно-воспитательной работы среди женщин коренных национальностей явились женские клубы, уголки, красные юрты, дома дехканок, в которых проводились митинги, собрания, беседы, юридические консультации, действовали различные кружки. Клубы готовили для промышленности первых работниц-узбечек, учительниц для школ ликбеза, воспитательниц для детских садов и яслей, организовывали первые промышленные артели, прививали женщинам культурные навыки, помогали ликвидировать их неграмотность. В клубах создавались первые учреждения по охране материнства и младенчества, женские, детские консультации, детские ясли и сады.

Решающим этапом борьбы за равноправие женщины местных национальностей стал «Худжум» («наступление»), развернувшийся в 1927 г. по инициативе Средазбюро ЦК ВКП(б), Коммунистических партий и правительств Узбекистана и других среднеазиатских республик.

Раскрепощение женщин велось в условиях острой классовой борьбы. Эксплуататорские элементы всячески препятствовали решению

⁷ Декреты Советской власти. Т I, М., 1957, с. 14; т. II, 1960, с. 21.

женского вопроса, пуская в ход клевету, угрозы и открытый террор. Но ничто не могло остановить растущей тяги женских масс к новой, светлой жизни.

Фактическое раскрепощение женщин-узбечек было закреплено в период первых пятилеток, когда в республике успешно осуществлялись социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция. В эти годы десятки и сотни тысяч узбекских женщин были вовлечены на работу в промышленные предприятия, колхозы, совхозы, культурные учреждения. Неуклонно росла творческая активность тружениц города и села. Лучшие из них вступали в партию и комсомол, выдвигались на ответственную партийную, государственную, хозяйственную, общественную работу.

Так в ходе строительства социализма наряду с другими важнейшими социальными вопросами был решен и женский вопрос.

В суровые дни Великой Отечественной войны с особой силой проявились воспитанные партией величие духа и негибаемость воли наших женщин, их преданность, верность, любовь к Отчизне, безграничное упорство в труде и героизм на фронте.

Среди тех, кто с оружием в руках защищал свободу и независимость Родины, были и 6 тыс. женщин из Узбекистана. Навсегда запомнились имена славных дочерей Узбекистана — снайперов Зебо Ганиевой и Розы Ибрагимовой, легендарных радисток Елены Степиковской и М. Щербаченко, Рахимы Алимовой, Хасият Усмановой, Сары Шукуровой и многих других, чьи ратные дела отмечены боевыми орденами и медалями, высоким званием Героев Советского Союза.

Сотни тысяч женщин Узбекистана героически трудились на заводах и фабриках, на хлопковых полях и животноводческих фермах, самоотверженно ковали победу над врагом.

Душевная красота узбекской женщины ярко проявилась в заботе о воспитании эвакуированных детей, обездоленных войной. В этом всенародном движении отразились лучшие черты советской труженицы, патриотки-интернационалистки.

Прошло 35 лет со времени нашей Победы. За эти годы в СССР, в том числе в Узбекистане, построено общество развитого социализма, сформировалась качественно новая историческая общность людей — советский народ. Дальнейшего расцвета достигли наша экономика и культура, неизмеримо возросло благосостояние советских людей. И во все эти замечательные свершения, осуществленные советским народом под водительством ленинской партии коммунистов, достойный вклад внесли и вносят советские женщины, в том числе славные дочери Узбекистана.

Только в народном хозяйстве Узбекской ССР, по данным 1978 г., было занято 1597 тыс. женщин, или 43% общей численности рабочих и служащих республики⁸.

Сотни тысяч тружениц являются ударниками коммунистического труда, изобретателями, рационализаторами, новаторами производства.

Большую силу представляют женщины Узбекистана в колхозном и совхозном производстве. Более 3 тыс. женщин работают трактористами и механиками-водителями хлопкоуборочных машин, 3200 женщин — агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи. Многие успешно руководят колхозами и совхозами. Широко известны имена прославленных капитанов «голубых кораблей» Турсуной Ахуновой, Светланы Продан, Чиннихол Худояровой, Марии Ковалевой и многих других.

⁸ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1978 году. Ежегодник. Ташкент, 1979, с. 203.

Крупные успехи достигнуты в приобщении женщин местных национальностей к культурному строительству, в формировании их нового, богатого по содержанию духовного облика. Навсегда исчезли их былая неграмотность и невежество.

Сегодня женщины представляют большую силу в науке. Среди научных сотрудников Узбекистана свыше 12 тыс. женщин, в их числе 110 докторов и свыше 3 тыс. кандидатов наук. Из общего числа женщин — научных работников 69 имеют ученые звания академиков, членов-корреспондентов и профессоров, 761 — доцентов⁹.

В условиях развитого социалистического общества все более широким становится участие женщин в органах государственного управления. Так, в Совет Союза Верховного Совета СССР десятого созыва от УзССР было избрано 26 женщин. Среди них Н. М. Махмудова — председатель Узсовпрофа, Т. Д. Маклсева — электрик Ташкентского авиационного объединения им. В. П. Чкалова, Т. Киргизбаева — механизатор колхоза «Малик» Сырдарьинского района и др.¹⁰

Среди депутатов Верховного Совета УзССР X созыва 34,9% женщин, а в Верховном Совете Каракалпакской АССР — 36,8%. В местных Советах УзССР теперь насчитывается свыше 49,4 тыс. женщин, или 48,4% депутатов.

Придавая огромное значение активному участию женщин в строительстве коммунизма, управлении всеми делами общества, Коммунистическая партия поднимает роль женщины в семье, женщины-матери, воспитывающей поколения созидателей нового общества, патриотов, мужественных защитников социалистической Родины.

Почетное звание «Мать-героиня» присвоено 44,6 тыс. женщин республики. Общая сумма пособий многодетным и одиноким матерям составляет 98 млн. руб. в год. Созданная за годы Советской власти система охраны материнства и детства обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание матерей и детей, как и всех трудящихся страны. С 1 декабря 1973 г. в стране введена 100% оплата отпусков по беременности и родам всем работающим женщинам независимо от их трудового стажа. Увеличилось число оплачиваемых дней по уходу за больным ребенком.

Неуклонно развивается сеть женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий. В 1976 г. в республике их насчитывалось 1001 против 618 в 1965 г.¹¹

На огромную заботу КПСС и Советского государства наши женщины отвечают дальнейшим ростом трудовой и общественно-политической активности, умножением своего вклада в общее дело строительства коммунизма.

Светлая, творческая жизнь, счастливая судьба советских женщин наглядно свидетельствуют о преимуществах социалистического, единственно верного пути решения женского вопроса. Опыт раскрепощения, обеспечения подлинного равноправия женщин в СССР, прежде всего в республиках Советского Востока, имеет огромное международное значение. Он служит верным компасом для сотен миллионов женщин капиталистических стран.

Положение женщин в Узбекской ССР, других братских союзных республиках является разительным контрастом тяжелой доле трудя-

⁹ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1978 году, с. 23.

¹⁰ «Правда Востока», 1979 г., 7 марта.

¹¹ Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1977, с. 310.

шихся женщин в так называемом «свободном мире», где женщины находятся на положении «граждан второго сорта» и подвергаются всякого рода дискриминации. Так, в Англии средняя заработная плата работающих женщин более чем на 40% ниже, чем у мужчин, выполняющих ту же работу. В Японии этот разрыв достигает 50%.

В США капиталисты, выплачивая женщинам более низкую зарплату, чем мужчинам, наживают на этом 63 млрд. долларов в год, в Англии — 1200 млн. стерлингов. Особенно тяжело положение женщин из национальных меньшинств. Они, как правило, заняты на черной, наиболее низко оплачиваемой работе.

В странах капитала женщины составляют ничтожный процент инженерно-технических работников, врачей, государственных служащих высоких рангов, юристов, архитекторов и т. д. Например, в США на долю женщин приходится всего около 2% инженеров, 6% научных работников, 3,4% высших государственных служащих.

Пожилые женщины также подвергаются открытой дискриминации. В ряде стран Запада они получают значительно меньшую пенсию, чем мужчины. Пенсионерка из Нью-Йорка Лилиан Гинзбург сказала корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс»: «Быть старым в этом городе — все равно, что быть мертвым».

Женщины капиталистических стран фактически ограничены в политических правах. Показателен следующий факт: во всех буржуазных парламентах, вместе взятых, женщин меньше, чем в Верховном Совете СССР. В палате представителей — нижней палате американского конгресса — женщины составляют всего 4% депутатов, а в верхней палате их вообще нет. Доля женщины среди японских парламентариев составляет 3%, среди французских — 3,68%¹².

Прогрессивные политические деятели, писатели, журналисты, ученые и другие представители зарубежной общественности отмечают, что нигде в мире женщина не имеет таких широких прав и льгот, как в СССР, и особенно выделяют прогресс, достигнутый в этом отношении в республиках Советского Востока, в том числе в Узбекской ССР.

Известный канадский писатель и публицист Дайсон Картер, посетив Советский Узбекистан, заявил: «...Ни в одной западной стране женщины не достигли таких высот в своем общественном положении, как здесь в Узбекистане»¹³. Английская журналистка Тиллет так описала положение женщин в своей стране и в Узбекской ССР: «Из того, что я видела здесь, я поняла, что у ваших женщин больше возможностей участвовать в общественной жизни республики и приобретать профессию. В Англии женщины всегда имеют возможность получить образование, но им очень трудно найти работу, применить свои знания. В случае замужества английским женщинам почти невозможно работать по специальности. В вашей республике имеется широкая сеть детских учреждений, и это дает возможность женщинам заниматься общественно полезным трудом»¹⁴.

В конце 1979 г. в четырех городах США проходила выставка «Советская женщина». Ее посетило около 250 тыс. человек. Они видели тысячи экспонатов, наглядно свидетельствующих об успешном решении женского вопроса в СССР. Особый интерес вызывали материалы, характеризующие огромные изменения, происшедшие за годы Совет-

¹² «Работница», 1979, № 3, с. 14—15.

¹³ Континенты мира говорят об Узбекистане. Ташкент, 1975, с. 96.

¹⁴ Текущий архив Главного управления вещания на зарубежные страны Госкомитета по телевидению и радиовещанию Совета Министров УзССР.

ской власти в положении женщин Средней Азии, в том числе Узбекистана¹⁵.

Опираясь на советский опыт решения женского вопроса, широкие мероприятия по фактическому раскрепощению женщин осуществили другие страны социализма. Их достижения в этой области убедительно подтверждают закономерность коренного изменения положения женщин, их роли и места в обществе в условиях социализма.

Блестящее решение женского вопроса в СССР и других странах социализма вдохновляет на борьбу за раскрепощение женщин широкую общественность развивающихся стран, особенно избравших путь социалистической ориентации. Например, в Гвинее созданы комитеты Революционного союза гвинейских женщин, организована сеть детских учреждений, введена равная оплата труда мужчин и женщин за равный труд и т. д.¹⁶

Аналогичные мероприятия проводятся в других афро-азиатских странах, вставших на путь социалистической ориентации.

Усиливается борьба прогрессивной общественности за женское равноправие и там, где еще правит капитал. И всюду борцы за женские права ссылаются на опыт решения женского вопроса в мире социализма.

Все это убедительно подтверждает огромное международное значение обеспечения подлинного равноправия женщин в СССР, в том числе в Узбекистане. Опыт раскрепощения женщин в нашей стране наглядно показал, что только победа социализма обеспечивает успешное решение сложнейших социальных проблем, в том числе реальное равенство женщин, их счастливую, свободную, творческую жизнь.

¹⁵ «Работница», 1979, № 8, с. 18.

¹⁶ «Работница», 1978, № 4, с. 18.

27 декабря 1979 г. состоялась организованная Академией наук Узбекской ССР и Министерством высшего и среднего специального образования УзССР научная конференция на тему: «Актуальные вопросы идеологической борьбы на современном этапе и задачи общественных наук в Узбекистане». На конференции было сделано 13 докладов, материалы которых положены в основу публикуемых ниже статей.

Э. Ю. ЮСУПОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ И ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВОВЕДОВ УЗБЕКИСТАНА

Коммунистическая партия уделяет самое пристальное внимание идейно-политическому воспитанию советских людей. Это особенно важно сегодня, в условиях обострения идеологической борьбы на международной арене, эскалации «психологической войны» империализма против нашей страны и братских социалистических государств.

Трудно переоценить значение состоявшегося недавно Всесоюзного совещания идеологических работников для духовной жизни нашего общества, для жизни и труда советских людей.

На совещании подводились первые итоги реализации мер, намеченных Центральным Комитетом КПСС в постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», рассматривались пути совершенствования пропаганды и агитации, всех форм и средств идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, отмечалось, что выполнение столь емкого постановления — дело сложное и по-настоящему творческое.

В постановлении особо подчеркивается, что «в наше время как никогда высок авторитет учения Маркса, Энгельса, Ленина, велика мощь его идейного воздействия, сила примера реального социализма». Именно это страшит нашего классового противника, отсюда и бешеные нападки на марксизм-ленинизм, отсюда также значительное оживление всякого рода буржуазных и мелкобуржуазных фальсификаций марксизма-ленинизма, появление все более изощренных ревизионистских и реформистских интерпретаций марксизма.

Известно, что в капиталистических странах созданы своего рода центры по пропаганде идей антикоммунизма. Антинаучные идеи в области «советологии» приобретают статус «научной дисциплины».

Существующая сеть советологических учреждений по своим функциям весьма дифференцирована. Большинство центров осуществляют комплексное изучение социалистических стран по методике так называемых «региональных исследований», т. е. с привлечением специалистов различных отраслей общественных наук: историков, экономистов, социологов, демографов, филологов и др.

В начале 70-х годов стали создаваться учреждения, нацеленные на изучение отдельных регионов Советского Союза, отраслей общественных наук или проблем внутренней политики СССР. Так, при Гарвардском университете и при Университете Южной Калифорнии созданы центры по изучению Советской Азии, в ряде других университетов — центры по изучению других регионов. Всю эту работу координирует созданный при Колумбийском университете центр под названием «Программа исследования советских национальных проблем» во

главе с проф. Эдвардом Оллуорсом. Особое внимание там уделяется теоретическим проблемам национальной политики КПСС, а также развитию тюркоязычных республик СССР.

Эти учреждения призваны давать «научные» рекомендации по борьбе с теорией и практикой мирового коммунизма и национально-освободительного движения. Главным из них является существующий уже 60 лет Гуверовский институт войны, революции и мира. Основная задача была сформулирована его основателем Гербертом Гувером, который заявил: «Исследовательская работа и публикации должны вскрыть зло учения Карла Маркса, будь то коммунизм, социализм или атеизм, чтобы таким образом защитить американский образ жизни от этих идеологий».

Как и требовал Гувер, на протяжении многих десятилетий институт сосредоточивал свои усилия на фальсификации марксизма-ленинизма, истории и практики мирового коммунистического движения.

Аналогичные направления разрабатываются в Институте по исследованию международных отношений, который до 1975 г. именовался Институтом по исследованию коммунизма Колумбийского университета (директор Зб. Бжезинский), Институте марксистской мысли Бостонского колледжа, Институте демократии и коммунизма Колорадского университета и ряде других.

Надо сказать, что, помимо публикации научных работ и составления закрытых документов для правительственных органов, многие советологические центры готовят исследовательские кадры в области изучения СССР и других социалистических стран.

О масштабах подготовки этих кадров могут дать представление следующие далеко не полные сведения: за 20 лет (1950—1970) степень бакалавра в этой области получили 5666, а степень магистра — 2514 человек. С оформлением советологии в самостоятельную дисциплину резко возросло количество защищенных по ней докторских исследований. За 20 лет (1950—1970) было защищено 1900 диссертаций, а за 1971—1976 гг. в общей сложности получили одобрение 1628 докторских диссертаций (данные из журнала «Сервей»).

В «Американской библиографии славянских и восточно-европейских исследований», вышедшей в 1975 г., приводятся данные о том, что из 4009 книг, журнальных статей около 3 тыс. книг и статей были посвящены Советскому Союзу. Статьи были напечатаны в 69 журналах — научных, популярных, женских, религиозных, молодежных и других, издающихся в различных городах США и в других капиталистических странах. Профессиональные организации советологов публикуют свои журналы и бюллетени. Наиболее широко распространяется за пределами США журнал «Проблемы коммунизма».

Имеется ряд периодических изданий отдельных центров и университетов. В частности, Гарвардский университет имеет печатный орган под названием «Критика» (посвящен советской истории); Питсбургский университет издает 4 журнала, среди которых — «Советский Союз», «Русская история», отличающиеся резкой антикоммунистической направленностью.

Американская советология активно сотрудничает в различных печатных изданиях международного антикоммунизма, как «Сервей», «Исследование советской мысли» и др.

Крупнейшей организацией, координирующей работу советологов США, является Американская ассоциация развития славяноведения (ААРС). Ассоциация объединяет примерно 2500 ученых, занятых преподавательской и исследовательской деятельностью, относящейся к

Советскому Союзу и странам Восточной Европы. Среди них специалисты 20 различных отраслей гуманитарных наук, в том числе более 1000 историков, свыше 150 экономистов, около 500 специалистов по международным отношениям, а также юристы, лингвисты, литературоведы.

В состав Ассоциации входит особая организация «Ассоциация по изучению национальностей Советского Союза», созданная в начале 70-х годов. Она объединяет и координирует деятельность 200—250 исследователей американских университетов, разрабатывающих различные проблемы национальных отношений в СССР.

Приведенные далеко не полные сведения дают нам представление о размахе антисоветской и антикоммунистической пропаганды на Западе. Исследования буржуазных идеологов убеждают нас в том, что антикоммунизм и антисоветизм составляют главное идейное содержание их работ.

В идеологической диверсии империализма и пекинских шовинистов значительную роль играют и другие зарубежные антисоветские службы и центры — «Туркестанская редакция радио «Свобода», «Узбекская редакция радиостанции «Голос Америки», «Ассоциация туркестанцев в США и ФРГ», «Федерация тюркских переселенцев и эмигрантов» в Турции.

Необходимо выделить следующие особенности современных идеологических диверсий: во-первых, они являются составной частью политики общего наступления, предпринятого силами империализма и всей международной реакции на позиции стран социалистического содружества; во-вторых, они нацелены на достижение конкретных политических целей путем беспрецедентного вмешательства во внутренние дела социалистических стран и нарушения международного права; в-третьих, вследствие роста технической оснащенности эти идеологические диверсии приобрели глобальный характер и направлены на расширение «психологической войны».

В буржуазных идеологических диверсиях все яснее проступает их дифференцированность. Они пытаются обрабатывать общественное мнение, адресуясь к отдельным национальностям, социально-возрастным группам советских людей.

В первую очередь, буржуазные идеологи апеллируют к молодежи, исходя из того, что в недалеком будущем она займет ключевые посты в партийном, государственном аппарате, в руководстве промышленностью. Буржуазные идеологи рассчитывают воспользоваться недостаточным социальным опытом подрастающего поколения, который проявляется в том, что молодежь относительно менее закалена в идейно-теоретическом отношении, обладает незначительным личным жизненным и политическим опытом. Учитывая эти особенности, буржуазные идеологи и конструируют свои фальшивые концепции, рассчитывая на то, что с их помощью удастся оказать разлагающее влияние на советскую молодежь.

Наши идеологические противники сосредоточивают свои усилия на идейном разоружении молодежи, попытках настроить ее на «оппозиционность» по отношению к внутренней политике, проводимой Коммунистической партией, стремятся вызвать у нее пессимизм и неверие в осуществление коммунистических идеалов, ослабить ее революционный энтузиазм, притупить бдительность, вселить беспечность, посеять в ее среде скептицизм и аполитичность, дух стяжательства, преклонение перед чуждыми нашему обществу буржуазными нравами и моралью.

Особый, дифференцированный подход выработан буржуазными идеологами и в отношении интеллигенции нашей страны — работников науки и культуры.

Анализируя социальную роль советской интеллигенции, буржуазные обществоведы в различных формах протаскивают мысль, якобы она наиболее упорно противится попыткам партии и государства интегрировать ее в систему и установить над ней политический и идеологический контроль. Они пытаются «доказать», будто бы значительная часть представителей интеллигенции недовольна советским строем. Некоторые буржуазные идеологи утверждают (как это делает Зб. Бжезинский), что в СССР среди интеллигенции происходит «открытое политическое брожение».

Но существуют и взгляды, изображающие интеллигенцию в виде «элиты» советского общества. Поэтому, по утверждению другой части буржуазных обществоведов, советской интеллигенции свойственны относительная пассивность и осторожность в критике советской действительности, вызванные якобы боязнью потерять свои привилегии.

Опыт развития национальных отношений в СССР — еще одна горячая точка в идеологической борьбе.

Атакуя национальную политику КПСС, фальсифицируя исторический опыт решения национального вопроса в СССР и характер национальных отношений, буржуазные идеологи пытаются подорвать силу воздействия исторического опыта социалистического строительства в целом. Это и понятно, если учитывать, что огромные преимущества социализма в решении сложных социальных проблем особенно ярко и рельефно проявляются в национальном вопросе.

Извращая действительность, буржуазные идеологи вновь и вновь пускают в ход обветшалые басни о «развитии национализма» в нашей стране, стремясь тем самым отыскать средства подрыва и развала изнутри советской политической и экономической системы. Речь идет о попытках использования национальных отношений в агрессивных замыслах и планах империализма в его борьбе против СССР. Апологеты антикоммунизма откровенно подчеркивают необходимость внести буржуазную идеологию в общественную мысль; они предлагают активно вмешиваться во внутренние дела нашей страны, используя национальные различия, религиозные предрассудки, широко распространять антикоммунистические идеи в кругах национальной интеллигенции с целью подрыва идейно-политического единства социалистических наций.

В планах идеологических диверсий империализма видное место занимает фальсификация политики КПСС и Советского государства по отношению к религии.

Фальсификаторы повторяют избитые вымыслы «об отсутствии свободы совести» в СССР, о «преследовании» верующих; пытаются в самом неблагоприятном свете представить работу партии по атеистическому воспитанию советских людей, извращают историю атеистического движения в нашей стране, методы и средства пропаганды атеизма в массах. Буржуазные идеологи тщатся доказать, будто атеизм противоречит природе человека. Большое внимание в буржуазной литературе уделяется положению религии, антирелигиозной пропаганды в национальных республиках. Особенно много пишется по вопросам положения ислама в СССР.

Критика социализма под прикрытием религии осуществляется в религиозных проповедях и в социально-политической практике ряда

правых мусульманских деятелей. Выступая с осуждением социализма, коммунизма, они искажают политику нашего государства по религиозному и национальному вопросам.

В последние годы значительное место в антикоммунистической, антисоветской пропаганде принадлежит буржуазным спекуляциям по поводу «еврейского вопроса» в СССР.

Все мы хорошо знаем, что Коммунистическая партия в ходе подготовки к социалистической революции, в период строительства социализма накопила большой опыт борьбы с сионизмом и антисемитизмом. КПСС и Советское государство сделали очень многое, чтобы трудящиеся евреи стали по-настоящему равноправными гражданами и обрели новую жизнь в братской семье народов СССР. «Еврейского вопроса», о котором шумят антисоветчики, у нас не существует, этот вопрос давно уже решен.

Предметом пристального внимания буржуазных идеологов было и остается марксистско-ленинское учение о месте и роли коммунистической партии. При этом в их поле зрения прежде всего оказывается деятельность авангарда мирового коммунистического движения — КПСС, практика социалистического строительства в нашей стране.

Основное направление буржуазной фальсификации учения о партии — отрицание объективной необходимости руководящей роли марксистской партии в революционном движении пролетариата и всех трудящихся, в строительстве социализма и коммунизма; извращение места и роли Коммунистической партии в политической системе советского общества с помощью версий о «бесправном положении» государственных и общественных институтов в Советском Союзе, «командном» и «принудительном» характере советской экономики.

Основная идеологическая задача антикоммунистов — поставить под сомнение объективную необходимость существования и деятельности коммунистических партий для борьбы за демократию и прогресс человечества.

Весьма значительную часть своих «исследований» идеологи антикоммунизма посвящают проблемам экономического развития СССР.

Методологическую базу буржуазных теоретических построений о советской экономике составляет фальсификаторская система, сконструированная в советологической литературе версиями об «экономическом волюнтаризме», «тотальном характере социалистического хозяйства», «командной экономике» в СССР. В то же время следует указать, что основное содержание многих последних западных работ о советской экономике составляет идея конвергенции, или «капиталистической эволюции» социалистической экономики. Исходя из этих лживых теорий, буржуазные идеологи фальсифицируют подлинные причины индустриального и сельскохозяйственного прогресса среднеазиатских республик, пытаются протащить в своих «исследованиях» концепцию о том, что высокие темпы экономического подъема могли быть достигнуты при «любом режиме», любой экономической, социальной структуре.

Советскими учеными проделана большая работа по критике советологических концепций.

Однако выходящая у нас литература не дает еще полного, комплексного представления об основных направлениях и тенденциях современной буржуазной идеологии.

Между тем в постановлении ЦК КПСС указывается на необходимость своевременно давать достойный отпор идеологическим диверси-

ям империализма и его приспешников, вести последовательную борьбу против любых форм оппортунизма и ревизионизма.

В этих целях следует, в частности, ярко показывать величие коммунистических идеалов, всепобеждающую силу марксизма-ленинизма, плодотворную, неутомимую деятельность Коммунистической партии по укреплению могущества Советской Родины, исторические преимущества социализма, его подлинный демократизм и гуманизм; убедительно, на конкретных фактах раскрывать сущность советского образа жизни, достижения развитого социалистического общества.

Богатейший материал в этом отношении дают история социалистического строительства в республиках Советского Востока, их замечательные достижения на современном этапе развитого социализма.

Ценнейший опыт перехода республик Средней Азии к социализму, минуя капитализм, показывает общественности развивающихся стран, что угнетенные ранее народы могут под знаменем научного социализма подняться от крайней отсталости к вершинам современной цивилизации. Отсюда растущий интерес широкой общественности стран, сбросивших цепи колониализма, к опыту восточных республик СССР.

Именно это революционизирующее, вдохновляющее влияние примера Советской Средней Азии на народы развивающихся стран и страшит апологетов империализма. Именно поэтому они подвергают злобным нападкам советский опыт, всячески извращают пути и результаты ликвидации экономического и культурного неравенства республик Средней Азии, стремясь доказать «неприемлемость» их опыта для молодых суверенных государств. Интенсивность и размах антикоммунистической пропаганды в этом направлении возрастают по мере усиления национально-освободительного движения народов, расширения зоны некапиталистического развития.

Усиливающиеся наскоки идеологов антикоммунизма получают все более решительный отпор со стороны советских философов, историков, экономистов, литературоведов и др. Гуманитарная наука в республиках Средней Азии, вступившая в пору своей зрелости, располагает теперь многочисленными квалифицированными кадрами, способными вести успешную борьбу с фальсификаторами всех масштабов.

Одно из главных направлений борьбы с буржуазными идеологами — создание на основе марксистско-ленинской методологии глубоко научных исследований об успешной реализации программы преодоления былого экономического и культурного неравенства среднеазиатских народов в ходе строительства социализма. Проведенная советскими обществоведами в этом направлении большая и многоплановая исследовательская работа представляет значительный вклад в арсенал идеологического оружия наших ученых, пропагандистов, ведущих неослабную борьбу за чистоту марксизма-ленинизма, против фальсификации национальной политики КПСС и Советского государства.

Одним из самых эффективных методов ведения наступательной критики буржуазной идеологии, на наш взгляд, является подготовка специальных работ, посвященных разоблачению и опровержению клеветнических измышлений «советологов».

В 1969 г. при Академии наук УзССР был создан научный Совет по проблемам зарубежных идеологических течений, возглавивший и координирующий эту работу. Одновременно был создан Центр научной информации по общественным наукам. Им уже проделана определенная работа: проведен ряд научных конференций, материалы ко-

торых выпущены отдельными сборниками; издан ряд монографий, научно-исследовательских статей; составляются имеющие особую научную ценность научно-аналитические обзоры зарубежной литературы по истории, экономике и другим отраслям знаний республик Средней Азии; накоплен значительный фонд переводов зарубежной литературы, который может явиться ценным пособием в исследованиях.

Основываясь на уже имеющейся материальной базе, ученые-обществоведы раскрывают несостоятельность попыток идеологов антикоммунизма фальсифицировать цели, характер и принципы ленинской национальной политики КПСС, самую идею некапиталистического пути развития ранее отсталых народов.

В советской историографии подвергаются аргументированной критике «труды» советологов-«среднеазиетов», в которых извращаются ленинские принципы решения национального вопроса, их осуществления в восточных республиках СССР, опыт экономических и культурных преобразований в Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, Киргизии.

Решительно вступая в полемику с зарубежными клеветниками, советские историки подробно анализировали их аргументацию, методы и средства подтасовки фактов. Они выявили основные линии фальсификации опыта ликвидации экономического и культурного неравенства народов Средней Азии, разоблачили лживость антикоммунистического тезиса о «советском колониализме», ставшего основным лейтмотивом в клевете на национальную политику КПСС.

В капитальных работах наших ученых подвергнуты обстоятельному анализу инсинуации буржуазной исторической науки об опыте социалистического строительства в республиках Средней Азии, дается убедительная картина приемов и методов провокационной деятельности многочисленных зарубежных антисоветских пропагандистских центров. Работы советских ученых отличают высокий научный и идейно-теоретический уровень, убедительность аргументов в полемике с идеологическими противниками, глубокое знание первоисточников как по вопросам упрочения Советской власти, победы нового общественного строя в Средней Азии, так и по разоблачению новейших концепций буржуазных идеологов по истории промышленного, сельскохозяйственного и культурного подъема в этом регионе.

Советское обществоведение в последние годы добилося определенных успехов. Активно ведутся исследования проблем создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественных отношений, формирования коммунистического мировоззрения трудящихся.

Но жизнь, социальная практика не стоят на месте. Они предъявляют к марксистско-ленинской теории повышенные требования, выдвигают перед ней новые задачи. И общественные науки не должны отставать от жизни.

Главный путь повышения плодотворности обществоведческих наук — еще большая концентрация усилий ученых на исследовании кардинальных проблем, поставленных современным этапом общественно-го прогресса.

Материалистическая диалектика, по определению В. И. Ленина, — это живая душа марксизма. Роль диалектики как общей теории развития, как логики и теории познания определяет особую актуальность ее дальнейшей разработки. В частности, необходимо изучать пути ее конкретного применения к познанию самых сложных явлений и про-

цессов во всех областях знания, а также к материалистическому осмыслению новейших достижений естественных наук.

В области исторического материализма и научного коммунизма ныне на первый план выдвигаются такие проблемы, как дальнейшее нарастание социальной однородности нашего общества при ведущей роли рабочего класса, сближение наций и народностей, укрепление новой исторической общности — советского народа, закономерности и особенности формирования и развития общественного сознания в современных условиях.

В этой связи перед нашими философами, социологами, психологами, педагогами возникает ряд задач, в частности разработка проблем формирования разумных потребностей. Наши партийные кадры, практические работники сферы воспитания ждут от ученых продуманных рекомендаций о путях решения этой важной общественной проблемы.

Все более возрастает потребность в дальнейшей углубленной разработке политической экономии социализма как основы всех экономических наук, теоретической базы экономической политики КПСС.

Особое значение имеет исследование всего комплекса отношений собственности в нашей экономике, структуры хозяйственного механизма и управления, более рационального согласования экономических интересов и действий всех звеньев хозяйств, отраслевого и территориального планирования. Неослабного внимания обществоведов-марксистов требует систематическое изучение процессов, происходящих в современном монополистическом капитализме, проблем мирового революционного движения.

Возрастание роли общественной науки в идеологической работе неразрывно связано с повышением качества и комплексности научных исследований, особенно фундаментальных. Без фундаментальных исследований по всем направлениям общественных наук идеологическая, пропагандистская и воспитательная работа не сможет в полной мере выполнять свои задачи.

Советская критика буржуазной литературы социалистического строительства в Средней Азии вносит весомый вклад в идеологическую борьбу КПСС, международного коммунистического движения против антикоммунизма и оппортунизма. Необходимо и впредь, применяя подлинно научную методологию и теорию общественного процесса, которыми вооружает советских обществоведов марксизм-ленинизм, вскрывать социальные и гносеологические корни антикоммунизма в вопросах истории Средней Азии, показывать реакционную сущность и идейную нищету антимарксистского среднеазиеведения. Попытки буржуазных идеологов противостоять влиянию марксистско-ленинской теории некапиталистического пути развития, ценного опыта советских среднеазиатских народов на трудящиеся массы освободившихся стран необходимо пресекать конструктивной и доказательной критикой, разоблачающей «научную респектабельность» буржуазных фальсификаторов.

У нас еще недостаточно капитальных работ, научно доказывающих тщетность попыток наших идеологических противников фальсифицировать теоретические основы и практическое осуществление ленинской национальной политики в республиках Средней Азии. Необходимо создать специальные исследования, разоблачающие вымыслы клеветников по таким проблемам, как роль и значение интернациональной помощи всех народов СССР трудящимся Средней Азии в ликвидации их фактического неравенства, решение женского вопроса,

борьба с религией и религиозными предрассудками в процессе социалистического строительства.

Решительный отпор апологетам капитализма станет еще более эффективным и действенным, если ученые-обществоведы будут оперативнее отвечать на страницах периодической печати на попытки буржуазных среднеазиеведов исказить исторические факты, реальную советскую действительность. Необходимо зорче следить за новейшими изощренными приемами фальсификации прошлого и настоящего Советской Средней Азии. На это и нацеливает нас постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

М. К. НУРМУХАМЕДОВ

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ СОВЕТОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУР НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (апрель 1979 г.)¹ работники идеологического фронта еще раз призываются распознавать всю фальшь империалистической пропаганды, «в ясной, конкретной и убедительной форме разоблачать ее коварные методы, нести людям земли правду о первой в мире стране победившего социализма». При этом подчеркивается, что «ослабление внимания к освещению актуальных проблем, недостаточная оперативность, вопросы, оставленные без ответа, выгодны лишь нашему классовому противнику».

Исходя из этого, ученые-гуманитарии, как и все бойцы идеологического фронта, не обходят стороной то, что пишут о Советском Союзе за рубежом наши идейные противники. Мало того, они обязаны выявить и аргументированно разоблачать антисоветскую сущность методов и приемов, концепций и прогнозов буржуазной советологии.

Здесь мы остановимся только на некоторых тенденциях современной буржуазной науки, занимающейся вопросами культуры народов Средней Азии, отнюдь не претендуя на освещение всей этой многогранной проблемы.

Когда-то главным методом антисоветизма был метод лобовой атаки на СССР, неприкрытая ложь, клевета. Сейчас этот метод сохраняется в арсенале буржуазной советологии, но не является единственным.

Представителями метода лобовой атаки и огульного очернения коммунизма можно назвать, например, таких явных антисоветчиков, как Джеффри Уилер, английский специалист по Средней Азии, и безызвестный изменник Родины, бывший эсэсовский офицер, ныне западногерманский «профессор» Баймирза Хаит.

Эти люди не скрывают своих антисоветских целей, несмотря на то, что их старый прием клеветы и прямых наскоков в известной мере обанкротился и ныне менее популярен. Не отказываются они и от политической спекуляции.

Баймирза Хаит, например, пишет почти одно и то же, только меняет названия своих книг в зависимости от того, что в цене на буржуазном идеологическом рынке. Так, если ранее он называл свои книги «Туркестан в XX веке», «Закабаленный Туркестан», то после обострения отношений СССР с маоистским руководством Китая, подлаживаясь под международную конъюнктуру, он назвал одну свою книгу «Туркестан между Россией и Китаем». Во всех этих книгах он

¹ «Правда», 1979 г., 6 мая.

чернит современную действительность Средней Азии, противопоставляя ей свой пресловутый лозунг «единого Туркестана».

Однако идею «единого Туркестана» критикуют уже даже представители буржуазной науки. Так, например, американский «советолог» Мануэль Саркисянц называет ошибочным утверждение некоторых зарубежных специалистов (Марсель Эгрето), что национально-территориальное размежевание Средней Азии и Казахстана преследовало цель расколоть «Туркестан», ибо, как он говорит, «среднеазиатские народы имеют давнюю историю и под современным своим названием жили с давних пор (например, киргизы)», и границы между тюркскими народами Средней Азии «не более искусственны, чем такие же границы между латинскими народами Европы»².

Другой зарубежный автор, Николас Поппе, в своей рецензии, в целом восхваляющей книгу Баймирзы Хаита «Туркестан между Россией и Китаем», пишет так: «В главе о республиках Туркестана после 1924 года, к удивлению, не упоминается о культурных достижениях, таких как школы всех уровней, включая университеты, научно-исследовательские институты и Академии наук, музеи, театры и т. п. Критики советской системы, возможно, не любят основную идеологию этих учреждений, но они не могут молчаливо пройти мимо существования этих культурных учреждений, не навлекая на себя обвинений в пристрастии»³.

Примечательное заявление. Баймирза Хаит дописался до того, что даже его единомышленники начинают видеть тенденциозность его публикаций.

Прямые, явно антисоветские выступления Джеффри Уилера, кажется, тоже смущают его коллег. Это можно почувствовать из статьи Дж. Уилера «Советская энциклопедия?», в которой он возмущается тем, что статьи о 15 союзных республиках СССР для нового издания «Энциклопедии Британика» (1975 г.) написаны советскими авторами, а не западными, как раньше. Возмущенный Уилер, как видно из заголовка статьи, называет «Энциклопедию Британика» чуть ли ни советской энциклопедией⁴.

Но ныне в буржуазной советологии на первый план все более и более выступает не лобовая атака, а завуалированный антисоветизм, который облекается в наукообразные концепции, псевдообъективные фразы, видимость беспристрастия и т. п.

Из тех, кто изучает Среднюю Азию, к советологам этой категории можно отнести, например, американских исследователей Эдварда Оллуорса, Роберта Баррета, Дэвида Монтгомери, Грегори Массела и др.

Так, Эдвард Оллуорс как будто бы и не «шумит» против Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, но к 50-летию Октябрьской революции выпускает со своими коллегами сборник под названием «Средняя Азия: 100-летие русского господства»⁵. Неосведомленный читатель сначала может подумать, что речь идет о царской колониальной политике в Средней Азии. Но нет! Оллуорс и К^о пазывают сроки: 1865—1965 гг. Как будто между ними не было Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, преобразившей мир и давшей свободную и равноправную жизнь более чем ста народам и народностям старой России. О содержании этого сборника я

²Sarkisyanz M. Russian conquest in Central Asia: Transformation and acculturation.—In: Russia and Asia, Stanford (Cal.), 1972, pp. 256—257.

³Central Asiatic journal, Wiesbaden, 1972, v. 16, N 3, pp. 239—240.

⁴Asian affairs, London, 1976, February, part I, v. 63, pp. 66—67.

⁵Central Asia: a century of Russian rule. Ed. E. Allworth. New York—London, Columbia university press, 1967.

не раз писал, сейчас же хочу лишь напомнить, что одно название этой публикации уже направлено против Октябрьской революции, против жизни народов Средней Азии в послеоктябрьский период. В данном случае — это прием замалчивания.

Далее, Эдвард Оллуорс, как правило, любит писать о прошлом или реакционном в дореволюционной культурной жизни Средней Азии и противопоставлять их современной действительности Средней Азии. Касаясь же 20—30-х годов, он больше останавливается на произведениях сложных или противоречивых личностей (джадиды, Чолпан, Фитрат и др.), замалчивает или глухо говорит о сегодняшних успехах культурной жизни народов Средней Азии. Об этом свидетельствует, например, его книга «Узбекская литературная политика». Однако, чтобы не отстать от жизни совсем, Эдвард Оллуорс начинает писать и о современных явлениях культурной жизни Средней Азии (о молодежи, книгоиздательстве, например). «Духовное возрождение Средней Азии» — так называется одна из его работ⁶, в которой он пишет о молодежи и национальном вопросе. И пишет не о том, что есть, а о том, чего хочется ему. Так, современную молодежь Средней Азии он сравнивает с джадидами начала века, спекулируя на интеллектуальном развитии молодого поколения. Гибели национальной интеллигенции Средней Азии нет (а это предсказывали Э. Оллуорс и его коллеги), а потому приходится приспособливаться: признать творческий рост современной молодежи, но «ковырнуть» ее выдумыванием новых определений, попыткой в понятие «самобытное» вложить антисоветское, желанием видеть джадидов в современности и т. д.

Приспособление буржуазной советологии к современным условиям и некоторые коррективы в оценке творческих личностей Средней Азии можно видеть и на следующих примерах.

Абдуллу Кадыри буржуазные авторы раньше только хвалили. Видя же, как Абдулла Кадыри буквально «ускользает» из их рук, они хвалебные слова в адрес Кадыри начинают подменять извращенными толкованиями его произведений и скрытыми упреками в адрес писателя.

Как известно, основная идея романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» (1922) — это беспощадное осуждение общественной и социальной среды, приведшей к трагедии любовь Атабека и Кумиш.

А вот буржуазный автор Мануэль Саркисянц хочет видеть в этом романе только тему любви, «классический мотив трагически несостоявшейся любви», приспособленный якобы к лозунгу социальной критики, призывающему к эмансипации женщин⁷. Такое толкование снижает социальное звучание романа. Правда жизни, получившая художественное отображение, а не приспособление — характерная черта романа «Минувшие дни».

Заметной тенденцией буржуазной советологии является частое обращение к темам современной культурной жизни Средней Азии. Если раньше излюбленной темой буржуазных литературоведов были джадиды, Чолпан, Фитрат, Бехбуди и др., т. е. реакционные или противоречивые личности, период до 1937 года, то теперь стали появляться статьи и о современной культурной жизни, современных деятелях культуры и искусства.

Отчего это происходит?

⁶ The Nationality question in Soviet Central Asia. Ed. by Edward Allworth. Published in cooperation with the Program on Soviet nationality problems. Praeger published in the United States of America 1973, XV + 217 p., pp. 3—19.

⁷ Мануэль Саркисянц. Указ. соч., с. 280—281.

Конечно, не от любви к достижениям среднеазиатских республик. Причины этого, думается, заключаются в том, что просто невозможно закрыть глаза на современные успехи нашей страны, среднеазиатских республик, в частности, культура которых не только не гибнет, как прогнозировали Э. Оллуорс, Б. Хаит и им подобные, а, наоборот, процветает. Так вот, чтобы не вызвать недовольство своих зарубежных читателей, советологи понемногу начинают писать и о современных деятелях культуры Средней Азии. Но как? Это другой вопрос. Ярким примером подобного явления служит статья американского исследователя Дэвида С. Монтгомери «Хамид Алимджан (1909—1944): советский узбекский поэт и публицист»⁸.

В статье имеются и достоверные сведения, особенно когда используются советские источники. Но наряду с изложением фактов из жизни и деятельности Хамида Алимджана (взятых в основном из советской печати) и произнесением хвалебных слов в адрес поэта, Дэвид Монтгомери пишет в заключении так: «Жизнь Алимджана — пример сотрудничества и компромисса» и называет поэта «конструктивным коллаборационистом», способствовавшим стабилизации социально-экономической жизни в Узбекистане, а преданность поэта делу партии называет «политической завербованностью».

Стоит ли разяснять неприемлемость этих выводов американского литературоведа, который в угоду буржуазным идейным позициям правду смешал с неправдой и кончил клеветой и антисоветским выпадом.

В данном случае американский исследователь делает попытку убедить неосведомленного зарубежного читателя в том, будто бы Советская власть против национальных культур и что выжить и творить деятели культуры и литературы могут якобы лишь путем соглашательства и компромиссов. Общеизвестные сведения и факты из жизни Хамида Алимджана делают этот вывод противостоительным, насильно втиснутым в прокурство ложе антисоветизма.

Если одно время (да и сейчас иногда) буржуазные советологи любили повторять и смаковать нигилистическое отношение к культурному наследию (эпосу и т. п.), проявлявшееся в статьях и выступлениях некоторых авторов в 1951—1953 годы, то сейчас делаются робкие признания того, что культурное наследство в Средней Азии сохраняется, но... (опять это «но»).

Характерна для этого случая статья сотрудника Колумбийского университета (США) Анны Просек «Изучение наследия и национальный вопрос в Средней Азии»⁹. Автор даже перечисляет факты и примеры изучения и охраны культурного наследия в СССР (юбилей Самарканда, Навои, Беруни, публикация фольклорных произведений и т. п.). Однако этот интерес к прошлому, по мнению автора, приведет к разладу между среднеазиатскими и несреднеазиатскими народами. Вот тебе на! Раньше советологи кричали, что в Средней Азии нет интереса к прошлому, а теперь, оказывается, этот интерес есть, но, мол, он приведет к некоему развалу. Очередной прогноз-выдумка.

Наряду с этими новыми тенденциями используются и старые антисоветские приемы вроде домыслов о том, что в СССР не признают культурного наследия, о чем свидетельствует статья проф. Александра Беннигсена «Кризис тюркского национального эпоса в 1951—1952 гг.:

⁸ Canadian Slavonic papers. Ottawa, 1975, v. 17, Nos 2—3, pp. 492—508.

⁹ The Nationality question..., pp. 124—134.

местный национализм или пролетарский интернационализм»¹⁰, в которой нигилистические промахи отдельных авторов, допущенные в начале 50-х годов, обобщаются и неверно выдаются за политику партии и Советской власти.

Если это пример повторения и смакования уже преодоленного, пример передергивания фактов, тенденциозного толкования полуправды в антисоветских целях, то с другой стороны, подобные работы — еще одно предупреждение о том, что идейно классовые позиции наших публикаций во все времена должны отличаться партийной четкостью и определенностью; нельзя давать повод, пищу для упражнений идеологических противников, тем более, что малейшая зацепка даст им возможность строить «концепцию полуправды», которая ныне в моде у советологов и опасна тем, что строится на отдельных, действительно имевших место фактах.

Как правило, буржуазные исследователи противопоставляют прошлое настоящему, восхваляют прошлое, дореволюционное. Но когда они теряют доверие зарубежного читателя, то восхваляют и кое-что из первых лет послеоктябрьской истории народов Средней Азии.

Так, ученик Эдварда Оллуорса Тимур Кожа оглы считает, что до 1925 г. в Бухаре существовала «единая бухарская национальность и нация восточного типа»¹¹ и что Советская власть разделила ее на узбеков, таджиков, туркмен, ибо, как он пишет, «бухарская национальность представляла угрозу для советской русской национальной политики».

Как видим, здесь новая концепция: восхваляется период 1920—1924 гг. в истории Бухары (заметьте: не эмирский период) Для чего? А для того, чтобы противопоставить его периоду после 1924 года; выдумана бухарская нация, которая противопоставлена новым, социалистическим нациям. В данном случае антисоветская концепция построена на попытке дискредитировать национально-территориальное размежевание 1924 года даже путем некоторой «защиты» Бухарской Народной Советской Республики. Образование новых, социалистических наций, равноправных в братской семье народов СССР, должно быть, не устраивает этого автора, и он выдумал теорию «бухарской нации», которая означает на самом деле не что иное как понятие «землячество», ибо построена только на территориальном признаке. Мы и сейчас говорим «бухаралик», «наманганлик», «тошкентлик», но это не значит, что есть бухарская, наманганская, ташкентская нации. Есть единая социалистическая узбекская нация, таджикская нация, туркменская нация и т. д.

Схожие идеи высказываются и в статье Сеймура Беккера «Национальное самосознание и политика Бухарской народной советской республики»¹².

Кто только ни называл восточную женщину отсталой, забитой и т. д. и т. п.! А вот американский профессор Грегори Дж. Массел несколько иначе смотрит на этот вопрос и как будто возносит среднеазиатскую женщину. И так возносит, что начинаешь сомневаться в его искренности и доброжелательности.

В чем же дело? А в том, что Грегори Дж. Массел в своей книге «Суррогат пролетариата: мусульманские женщины и революционная

¹⁰ Canadian Slavonic papers..., pp. 463—474.

¹¹ The Nationality question..., pp. 151—159.

¹² Там же, с. 159—168.

стратегия в Советской Средней Азии. 1919—1929 гг.»¹³ утверждает, что освобожденная среднеазиатская женщина с проснувшейся в ней революционной энергией заменила отсутствовавший в Средней Азии пролетариат и была главной силой в переустройстве общественной жизни в 1919—1929 гг.

Вывод не стандартный и не совсем обычный для буржуазного ученого. Но давайте присмотримся к нему внимательнее.

Во-первых, рабочий класс в Средней Азии уже был накануне Октябрьской революции, а в 1919—1929 гг. тем более.

Да и термин «суррогат пролетариата». Не сказал бы, чтобы он понравился и пришелся по душе среднеазиатской женщине.

И действительно, в вышеуказанном выводе американского ученого просматривается попытка заменить классовую борьбу только женским движением, а классовый подход к явлениям общественной жизни подменить бесклассовым (в данном случае половым) подходом. «Напряженность в отношениях между полами», о которой пишет Грегори Массел, не могла заменить революционной борьбы, классовой борьбы; наоборот, успехи социалистической революции привели к эмансипации женщин и ее равноправию в обществе.

Вот какие неожиданные суррогаты возникают в современной буржуазной науке.

Идейные позиции Грегори Массела в женском вопросе еще более обнажаются, когда он тенденциозно выискивает сходство даже в отдаленных друг от друга явлениях. «Семейное право и социальная мобилизация в Советской Средней Азии: некоторые сравнения с коммунистическим Китаем»¹⁴ — так называет Грегори Дж. Массел свою статью, содержащую искусственно натянутые «сходства и различия» этих двух регионов (например, более чем сомнительные сходства «худжума» в Средней Азии 20-х годов и «большого скачка» конца 50-х годов и «культурной революции» конца 60-х годов в Китае).

Надо сказать, что в последние годы буржуазным идеологам стали подпевать и китайские историки. Напомню лишь один их тезис: там, где ступала нога лошади китайского воина, — это китайская земля, или «Китай всюду, где побывал китаец». И в качестве подтверждения называются завоевательные походы китайских и соседних императоров, включая походы Чингис-хана.

Представьте, что было бы, если бы народы стали перекраивать современные территориальные границы по походам, например, Александра Македонского, Тимура, Чингис-хана и т. д.? Хаос, война. Далее, территория самого Китая не раз находилась под господством завоевателей, Японии, например; т. е., по их теории, сам Китай на какое-то время может исчезнуть с географической карты. Напомню такой факт из истории. В Пекине долгое время по приказу Чингис-хана губернатором был хорезмский купец Махмуд Ялавач. По теории китайских историков, выходит, Пекин — не китайский город? Так что тезис сегодняшних китайских историков «Китай всюду, где побывал китаец», как бумеранг, бьет и по самому Китаю, не говоря уже об антинаучном и диверсионном характере этого тезиса.

Все эти примеры обязывают советских ученых активизировать борьбу против измышлений наших недругов.

¹³ Massel Gregory J. The Surrogate proletariat: Moslem women and revolutionary strategies in Soviet Central Asia. 1919—1929. Princeton university press, Princeton, New Jersey, 1974.

¹⁴ Canadian Slavonic papers..., pp. 374—404.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорится и о том, что империалистическая пропаганда широко использует «извращенную информацию и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправду и просто беспардонную ложь». Вышеприведенные примеры подтверждают это.

В идеологической работе, в том числе и в борьбе с идейными противниками, не годятся голые декларации, повторение общих истин, пересказ общеизвестного, тем более пустозвонство. Очень хорошо сказано на этот счет в постановлении ЦК КПСС, где в качестве недостатков воспитательной работы названы «нередко встречающиеся формализм, склонность к словесной трескотне, всяческого рода пропагандистским штампам, серый, «казенный» стиль материалов, многократное механическое повторение общих истин». Предлагается решительно изжить напыщенный, внешне наукообразный язык, назидательность, громкую фразу и т. п., которые нередко подменяют теоретические обобщения, серьезный анализ, убедительность аргументов и доверительность тона.

Действительно, очень трудно убедить кого-либо, если мы будем заниматься повторением общеизвестного, если аргументы будем заменять шумом, руганью и наклеиванием кличек. Аргументы нужны даже в споре с явным идейным противником. В постановлении ЦК КПСС записано: «Обеспечить высокий научный уровень пропаганды и агитации». Это, безусловно, относится и к вопросам идеологической борьбы.

К сожалению, некоторые статьи и книги еще не отличаются глубоким анализом буржуазных концепций и аргументированностью своих позиций в споре с идеологическим противником. Правда, ныне стало меньше обзываний, криков, ругани, но профессионализм требует дальнейшего совершенствования.

В некоторых публикациях разоблачение концепций советологов лишь намечено, а в основном идет речь об успехах республик Средней Азии. Это нужно. Но было бы еще лучше, если бы аргументированно вскрывалась и комментировалась антисоветская сущность концепций, методов и приемов буржуазной советологии в искажении успехов республик Средней Азии. Тогда статьи носили бы не только оборонительный, но и наступательный, атакующий характер.

В последние годы буржуазная наука все больше и больше внимания уделяет изучению отдельных вопросов советской действительности. Так, в области общественных наук в тематике советологических докторских диссертаций, защищенных в университетах США, увеличилось число тем, посвященных истории, литературе, языкам союзных республик, национальной политике КПСС. Лет 15—20 назад больше было общих вопросов. Такая «специализация» буржуазной советологии свидетельствует о возросшем интересе к отдельным проблемам советской действительности.

Международные научные связи возрастают с каждым годом, идет глобальное развитие науки. В этих условиях информация стала непременным условием научно-исследовательской работы¹⁵. Без знания того, что делается по одному вопросу в разных местах, ныне трудно претендовать на полноту решения вопроса. Нельзя закрывать глаза на то, что и как говорят по объектам наших исследований зарубежные

¹⁵ Об этом см., например, статью члена-корреспондента АН СССР В. Виноградова «Возрастающая роль информации в развитии общественных наук». — «Коммунист», М., 1977, № 10, с. 75—85.

друзья и недруги. Даже по таким, на первый взгляд, локальным темам, как, например, история Бухарской Народной Советской Республики или Андижанское восстание 1898 года.

С интересом читается, например, книга К. Ф. Қасымбекова «Из истории народных движений в Фергане в конце XIX — начале XX века» (Ташкент, «Фан» УзССР, 1978). Однако он мог бы дать оценку таким, например, работам зарубежных авторов на эту тему, как «Андижанское восстание и советская историография» А. Шихи¹⁶, «Мятеж Дукчи ишана» А. Инана¹⁷ и др. Тем более, что нередко научный вопрос превращается в арену идеологических споров.

Часто мы слышим: чтобы бороться с идейными противниками, надо знать иностранные языки. Это верно. Без знания языков трудно быть в курсе того, что пишут о нас за рубежом. И у нас, например в Академии наук УзССР, есть хорошие условия для изучения иностранных языков. Но не хотелось бы успехи и неудачи нашего участия в идеологической борьбе связывать только со знанием языков. Это иногда выглядит как оправдание пассивности. На наш взгляд, первое и главное условие успехов ученых в идеологической борьбе — это идейная, политическая и профессиональная подготовленность советского ученого. И знание языка, но не только знание языка. Можно знать язык и не разобраться, чего хочет, например, Грегори Дж. Массел своим реверансом в сторону среднеазиатской женщины 20-х годов. А самое лучшее — всесторонняя подготовленность: идейная, профессиональная и языковая.

И нет сомнения, что ученые-гуманитарии, обществоведы Узбекистана и в дальнейшем будут в первых рядах бойцов идеологического фронта.

¹⁶ Central Asian review, London, 1966, v. 14, N 2, pp. 139—150.

¹⁷ Türk Kültürü, Ankara (II), 9. 1963, s. 10—13.

М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СССР И КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ

В современной буржуазной «советологии» изучение истории, сущности и основных направлений культурной революции в СССР, в том числе в национальных республиках Союза, освещение политики КПСС и Советского правительства в области культурного строительства занимают довольно значительное место.

Прежде всего отметим, что сфера культурного строительства рассматривается в общем контексте строительства и развития социализма в СССР. Поэтому все реалистические утверждения прогрессивной или сравнительно объективной части буржуазных исследователей, признающих огромные успехи советского народа, находят непосредственное отражение и в подчеркивании больших достижений социалистической культуры народов СССР.

Вообще среди некоторой части буржуазной интеллигенции, мыслящей более трезво и объективно, все чаще раздаются голоса, не только выражающие восхищение успехами советской культуры, но и призывающие к изучению этих достижений, усилению культурных контактов с СССР. Можно привести немало соответствующих высказываний иностранных делегатов, туристов, участников различных научных конференций.

Так, побывавшая в Узбекистане сотрудница ООН Джулия Гендерсен писала: «По моему мнению, в Узбекистане один из самых высоких уровней в области образования не только среди стран Азии, но также среди большинства стран мира. Совершенно очевидно, что это республика сплошной грамотности и что техническое и общее образование стоит здесь на высоком уровне»¹.

А молодежный деятель из Гаваны Фредерик Сукдео заявил: «Поразила меня тяга всех людей к знаниям. Я знаю, что Узбекистан был раньше отсталой страной и поэтому то, что произошло здесь за годы Советской власти, глубоко поразило меня. Я знал, насколько выросло образование в Узбекистане, насколько грамотнее стали здесь люди. Я считаю, что пример Узбекистана является общим примером для всех слаборазвитых стран, примером развития науки, образования, культуры»².

Уровень, глубина и содержание всякого культурного прогресса зависят и от характера использования культурных ценностей, созданных в прошлом.

Как известно, В. И. Ленин не только выдвинул цельную теоретическую концепцию о творческой переработке культурного наследия,

¹ «Звезда Востока», 1967, № 10, с. 81.

² Континенты мира говорят об Узбекистане. Ташкент, 1975, с. 80.

созданного человечеством в процессе его исторического развития, в интересах создания и развития культуры социализма, но, будучи первым руководителем Советского правительства, осуществил ряд важнейших практических мер по сохранению и использованию памятников науки, искусства и архитектуры, переизданию классиков литературы и использованию других духовных ценностей, а также по привлечению буржуазных специалистов к решению задач культурного строительства. Последующее бурное развитие социалистической культуры, ее огромные всемирно-исторические достижения, завоеванные за кратчайший период, подтвердили всестороннюю обоснованность учения В. И. Ленина о необходимости изучения и творческого освоения культурных ценностей прошлого для интенсивного развития социалистической культуры.

Богатейшее духовное наследие, переработанное на основе марксистско-ленинской методологии, социалистического реализма, в настоящее время успешно служит дальнейшему продвижению, духовному обогащению общества зрелого социализма, делу коммунистического воспитания и всестороннего развития личности. Сохранение и использование всего ценного, созданного в прошлом, занимает важное место в политике КПСС по развитию культуры советского народа. Развернута широкая сеть культурно-просветительных учреждений, принят ряд важных постановлений, служащих реализации политики партии в этой области. В Конституциях СССР, союзных и автономных республик бережное отношение к лучшим духовным ценностям прошлого, использование их в социалистическом культурном строительстве рассматриваются как важнейшая обязанность и долг советских граждан.

Ежегодно миллионными тиражами печатаются произведения классиков литературы; Советское правительство выделяет огромные средства на охрану и реставрацию памятников старины; действуют многочисленные музеи; достижения культуры прошлого, история искусства, науки, техники, литературы изучаются во всех высших и средних учебных заведениях страны.

Социально-экономическое и культурное преобразование в такой многонациональной стране, как наша, создание новой, социалистической культуры, подразумевающее освоение культурного наследия, были органически связаны с решением национального вопроса. В стране, где проживало около 120 наций и народностей с различным уровнем социального и культурного развития, со своими традициями, опытом духовной жизни и культурными ценностями, нельзя было осуществить задачи культурной революции, не разрешив социально-политической задачи — ликвидации былого неравенства наций, разжигавшегося царизмом недоверия и вражды между ними.

Последовательно осуществляя ленинское указание о равноправии всех наций и народностей СССР в политическом, экономическом и культурном отношении, ликвидируя былую отсталость многих национальностей, оказывая им интенсивную, максимальную помощь, КПСС взяла курс на развитие единой социалистической по содержанию, национальной по форме культуры, создающей широкую возможность для всестороннего использования лучших традиций, культурных ценностей всех больших и малых народов и наций СССР. Поэтому создание новой, социалистической культуры в национальных республиках сопровождалось и широким творческим использованием культурного наследия. Этот факт признают многочисленные зарубежные гости, в том числе и посещающие Советский Узбекистан.

«В Самарканде и Бухаре, любясь замечательными памятниками древней архитектуры, мы с глубоким удовлетворением отметили большую заботу государства об их сохранении.

Нас поразил размах реставрационных работ. Нам также стало известно, что мастерство реставраторов передается по наследству из поколения в поколение. Это также глубоко знаменательно и свидетельствует о том, как бережно относятся у вас к достижениям древней культуры»³,— пишет посетившая Узбекистан Като Такео, профессор литературоведения женского института «Аоямо» в Токио, глава широко известной в Японии традиционной поэтической школы.

«Я не раз бывал в вашей стране и видел, как бережно советские люди относятся к памятникам прошлого, как ценят замечательных своих предшественников... Это просто прекрасно, что страна, где в дружбе и мире живут более ста национальностей и народностей, знает и любит всех выдающихся сынов»,— утверждает Джозеф Норт, журналист, корреспондент газеты «Дейли Уорлд» (США)⁴.

«Я видел в Узбекистане построенное прекрасное социалистическое общество,— свидетельствует японский общественный деятель Тосма Тонака.— Когда я познакомился с современной культурой узбекского народа, с удовлетворением заметил, что его социалистическая по содержанию культура, продолжая многовековые национальные традиции, сохранила свою национальную форму»⁵.

Подобные высказывания наших гостей отражают реальное положение вещей в Узбекистане, равно как и в других республиках Союза. Но эта объективная действительность не устраивает идеологов антикоммунизма, всячески стремящихся извратить, очернить построенный в нашей стране реальный социализм.

Особое внимание в буржуазной «советологии» уделяется проблеме культурного строительства в национальных республиках, которую они рассматривают в аспекте искажения национальной политики КПСС в целом. Извращая национальную политику партии в республиках Средней Азии, в том числе достижения среднеазиатских народов в области сохранения, изучения и использования культурных ценностей, буржуазные востоковеды фальсифицируют и историю культуры народов Средней Азии.

Изучение истории культуры Средней Азии на Западе началось еще в XVII в., но с XIX в. возрос интерес буржуазной науки к культуре народов Ближнего и Среднего Востока, что было связано с развитием колониальной экспансии западных держав на Востоке. Во второй половине XIX в. в буржуазной науке резко возрастает европоцентристское направление, которое стало освещать культуру народов Ближнего и Среднего Востока, в том числе Средней Азии, на основе расистских, шовинистских позиций. Усердно подчеркивая отличие культуры Востока от культуры Запада, оно усматривало особенности и содержание первой в ее мистическом, религиозном, умозрительно-абстрактном характере.

Отрицая какую-либо позитивную роль культуры народов Востока, в том числе Средней Азии, в развитии мировой цивилизации, обвиняя ее в крайней отсталости, аморфности, неспособности к самостоятельному развитию, европоцентризм стремился объяснить особенности культуры народов Востока характером «восточного мышления», «восточной психологии». Выдающиеся мыслители Средней Азии: Фараби,

³ «Правда Востока», 1972 г., 11 августа.

⁴ «Вечерний Ташкент», 1974 г., 30 мая.

⁵ Континенты мира говорят об Узбекистане, с. 78.

Ибн Сина, Беруни, Навои и др.— были объявлены неоригинальными, мистиками, проповедниками и теоретиками мусульманской религии.

Вообще в буржуазном востоковедении Средняя Азия игнорируется как самостоятельный регион, имеющий свою самобытную историю в отличие от Ирана, арабских стран, Индии и т. д., а ее культура рассматривается в общем контексте арабской или иранской культуры.

Только марксистско-ленинская наука, единственно научное мировоззрение дала возможность восстановить всю правду об истории культуры народов Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии.

Советские ученые: философы, востоковеды, историки и т. д.— проводят большую работу по восстановлению действительного места и роли восточных народов, в том числе народов Средней Азии, в создании сокровищницы мировой науки и культуры, по обоснованию самобытности огромных духовных ценностей, созданных народами Средней Азии⁶.

Эта работа советских ученых по восстановлению подлинной истории культуры народов Средней Азии наносит действенный удар по буржуазным фальсификаторам, всячески пытающимся извратить, наряду с историей, и современные достижения Советской Средней Азии в области изучения богатого культурного наследия прошлого.

Излюбленным методом «советологов» является противопоставление социализма и коммунизма достижениям мировой культуры. Они обвиняют КПСС и Советское правительство в «отрицании», «уничтожении» культурного наследия прошлого. Например, Р. Уротмон, Дж. Биллингтон и др. утверждают, якобы в Советском Союзе сокращается «месяц за месяцем количество памятников старины», разрушаются «памятники исторического прошлого»⁷.

Журнал «ABSEES», издаваемый советологическим центром в Глазго, где перепечатаются отдельные тенденциозно подобранные материалы из советской печати, пытается создать впечатление о преобладании в советской культуре «разрушительной тенденции», о ее «постепенной гибели»⁸.

Буржуазные «среднеазиеведы» также твердят об «интенсивном разрушении и уничтожении культурных ценностей» народов Средней Азии в результате «советского колониализма», установления «советского режима» и «коммунистической пропаганды». Подобные клеветнические утверждения широко пропагандировались буржуазными «советологами» еще в 50—60-е годы. Например, Ларри Хендерсон в своей работе «Поездка в Самарканд» (Торонто, 1960) нагло утверждает, якобы в Узбекистане начинают забывать древнюю культуру под влиянием коммунистической пропаганды. Предатель Родины Б. Хаит в своей работе «Асир тюроклер» («Пленные турки»), опубликованной в Турции в 1964 г., пытается доказать свой тезис о «беспощадном разрушении, игнорировании культурных ценностей Туркестана».

Советские ученые, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, которая дает единственно научный критерий правильного изучения прошлого, различения прогрессивного от реакционного, действительно народного от религиозного, обосновывает принцип классовости,

⁶ См., напр.: «Марксистско-ленинская мысль в СССР: исторический путь и проблемы его исследования». Киев, 1978.

⁷ Wortman P. New Soviet intelligentsia and Russia's past. Chicago, 1968. The Horison book of the arts of Rissia, 1970, N 4, p. 31.

⁸ „ABSEES“, 1971, N 3—4; 1972, N 1—3; 1973, N 4. См.: Кучмаева И. К. Актуальные проблемы культуры и идеологическая борьба. М., 1976, с. 146.

идейности и историзма, создали немало работ, обстоятельно освещающих историю развития культуры, общественно-философской мысли народов Средней Азии.

Все это, разумеется, не по душе нашим недругам. Так, Б. Хаит не нравится, что Ибн Сина в трактовке советских ученых предстает как выдающийся мыслитель, выдвинувший ряд материалистических идей. Б. Хаит подвергает «критике» и нашу работу о Фараби, опубликованную в Ташкенте в 1961 г., за то, что в ней мы пытались выявить прогрессивные, материалистические стороны общественно-философских взглядов этого выдающегося мыслителя Востока⁹.

Не устраивает буржуазного фальсификатора и трактовка нашими учеными художественно-эстетических идей Навои. Он обвиняет советских ученых в «искажении» истории культуры; не нравится ему и принцип классовости и идейности в оценке места и роли деятелей культуры. Именно в этом видит ярый антисоветчик «разрушение» культурного наследия в советской науке.

Зато Б. Хаит всячески расхваливает Ахмеда Яссави — религиозного деятеля XII в., крайнего мистика, сыгравшего весьма реакционную роль в истории духовной жизни народов Средней Азии. Характерно, что в одной из передач «Голоса Америки» на узбекском языке всячески расхваливалась и художественная деятельность Шейбанихана — феодала, завоевателя Средней Азии в начале XVI в., нанесшего своими захватническими войнами большой урон культурной жизни края, а в поэзии в основном развивавшего клерикальные идеи.

В ряде работ буржуазных «советологов», в передачах «Голоса Америки», особенно на узбекском языке, очень подробно рассказывается, как узбеки и другие представители среднеазиатских народов, оказавшиеся по той или иной причине в США, соблюдают старые обычаи, религиозные обряды, и тем самым проводится мысль, что только в «свободном» (т. е. буржуазном) мире созданы широкие условия для сохранения «национального наследия», причем за основу его выдаются прежде всего различные патриархально-феодальные пережитки, религиозные традиции, противопоставляемые современным духовным достижениям народов Средней Азии.

Подходя к истории духовной жизни, культурному наследию народов с метафизических, идеалистических позиций, с точки зрения теории «единого потока», отрицающей классовый характер духовной культуры, буржуазные «советологи» игнорируют тот факт, что культурные традиции могут быть прогрессивными и консервативными, подлинно народными и религиозными. В советском образе жизни, в социалистической культуре они усматривают антипод всего культурного наследия народов Средней Азии, причем последнее полностью представляется ими как сугубо мусульманское.

Буржуазные «советологи» извращают проблему культурного наследия в целях искажения национальной политики КПСС, линии партии и Советского государства в области культурного строительства в национальных республиках.

Такие патентованные антисоветчики, как Оллуорс, Уилер, Пайпс, Б. Хаит, Сетон-Уотсон, Э. Бэкон, Армстронг и др., посвятили «изучению» (т. е. искажению) национального вопроса в Средней Азии немало работ. Весьма усердно «трудится» в этом направлении, например, американский «советолог» Э. Оллуорс, автор многих антисоветских пасквилей. В последнее время он начал собирать вокруг себя мо-

⁹ N a y i t B. Asir. turkler. Ankara, 1964, s.84

лодых антисоветчиков из разных стран, проводить всякого рода конференции и т. п. В 1970 г. им разработана специальная программа курса лекций по национальному вопросу в СССР, которые он читает для студентов и аспирантов Колумбийского университета.

«Голос Америки», характеризуя эту программу, откровенно признает, что цель ее — показать, что «республики Средней Азии и Прибалтики стали жертвами диктаторского режима в области науки, экономики и политики».

В 1972 г. Оллуорсом была проведена специальная конференция по национальной политике КПСС в Средней Азии, материалы которой, проникнутые духом яркого антисоветизма, изданы под названием «Национальный вопрос в Средней Азии».

В 1973 г. на основе материалов конференции была опубликована коллективная монография «Национальный вопрос в Советской Средней Азии», составителем и редактором которой стал тот же Эдвард Оллуорс¹⁰. Монография состоит из 15 статей разных авторов (в основном из США), но все они преследуют одну цель — извращение национальной политики КПСС, в том числе в области развития культуры в национальных республиках СССР.

В 1975 г. в Оттаве (Канада) был вновь издан сборник статей зарубежных антисоветчиков по национальному вопросу, включающий материалы очередного симпозиума «по национальной проблеме в СССР» и доклады канадских славистов под руководством того же Оллуорса и Дж. Уилера. Сборник содержит 21 статью, значительная часть которых посвящена искажению истории культуры, литературы, языка и культурного наследия народов Средней Азии, особенно Узбекистана¹¹.

Авторы ряда статей вынуждены отметить большую заботу о сохранении культурных ценностей прошлого, проявляемую в республиках Средней Азии, но пытаются представить ее как проявление тяги коренного населения к старине, его «противодействия» советской политике «русификации». Вместе с тем в сборнике (см., напр., статью Анны Просек) высказываются недовольство усилением сближения и взаимообогащения национальных культур, а также страстное желание того, чтобы освоение наследия прошлого способствовало стходу среднеазиатских народов «от русских и других советских национальностей».

Один из авторов (А. Беннингсен) даже придумал термин для характеристики процесса изучения культурного наследия — «меросизм», который трактуется им как «борьба мусульман против русских и русского подавления национальной культуры».

Но все эти измышления буржуазной антисоветской пропаганды лишены всякой реальной почвы. Им никак не опровергнуть того факта, что бережное сохранение и изучение культурного наследия составляют важное направление культурной политики КПСС и результат торжества ленинских идей по национальному вопросу. Достижения в изучении и творческом освоении культурного наследия свидетельствуют об успешной реализации ленинского учения о преемственности в развитии культуры, необходимости освоения лучшего культурного наследия прошлого для развития социалистической культуры. Достижения в этой области широко используются в коммунистическом воспитании трудящихся, обогащении духовной жизни советского общества, строящего коммунизм.

¹⁰ The Nationality question in Soviet Central Asia. Ed. by Edward Allworth. New York, 1973.

¹¹ Canadian Slavonic papers. Ottawa, 1975, v. XVIII, N 2—3.

М. Б. БАРАТОВ

**ЛЕНИНИЗМ И ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ**

В постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» подчеркивается, что «под непосредственным воздействием идей Ленина, Великого Октября, под влиянием вдохновляющего примера развития мирового социализма одержало выдающиеся победы национально-освободительное движение. Многие молодые государства, стремясь к ликвидации отсталости, достижению экономической независимости и построению справедливого общества, обращаются к марксизму-ленинизму, к опыту реального социализма»¹.

В. И. Ленин прозорливо отмечал, что национально-освободительное движение не остановится на полпути, что достижение политической независимости — это лишь начало освобождения народов от империалистической эксплуатации, что «в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма»².

В новой конкретно-исторической обстановке В. И. Ленин развил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о будущем угнетенных капитализмом народов, создав научную теорию некапиталистического пути развития ранее отсталых народов к социализму. Блестящим подтверждением ее на практике стал успешный переход к социализму, минуя капитализм, среднеазиатских советских республик и Монголии. А ныне на путь социалистической ориентации встали многие развивающиеся страны Азии и Африки.

В своих гениальных трудах В. И. Ленин раскрыл огромную роль национально-освободительного движения во всемирной революционной борьбе против империализма, за социалистическое преобразование мира; он вооружил партию коммунистов революционной программой по национальному вопросу, разработал ее политические и методологические принципы, вскрыл диалектику практического решения национального вопроса, подверг сокрушительной критике различного рода оппортунистические концепции в национальном вопросе, показал несостоятельность нигилизма в отношении национально-освободительного движения.

В. И. Ленин заложил фундамент антиимпериалистического союза сил социализма, рабочего класса в странах капитала и национально-освободительной борьбы, сформулировал его основополагающие принципы, которые неуклонно и последовательно проводят в жизнь коммунистические и рабочие партии.

¹ «Правда». 1979 г., 16 декабря.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

Большое значение при выработке и осуществлении стратегической линии коммунистического и национально-освободительного движения народов Востока имел доклад В. И. Ленина на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока. «Задача,— говорил В. И. Ленин,— в том, чтобы пробудить революционную активность к самостоятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран»³.

В. И. Ленин научно обосновал содержание и задачи освободительного движения народов Востока и показал, что руководителем этого движения выступила революционная национальная буржуазия, а главной социальной силой — крестьянство. Именно крестьянство, составляющее подавляющую часть населения стран Востока, прежде всего воодушевляется демократическими, национально-освободительными идеями, способствуя превращению буржуазной идеологии в массовую и нередко — господствующую идеологию общественного движения. Учитывая сильное влияние религии на Востоке, В. И. Ленин считал также, что революционная буржуазия, несомненно, воспользуется религией, чтобы привлечь на свою сторону трудящиеся массы.

Буржуазные идеологические течения в странах Азии и Африки, как правило, пропитаны религиозным содержанием. Религиозная оболочка политических программ соответствует не только социальной психологии широких масс, но и интересам класса, возглавляющего национально-освободительную борьбу, т. е. национальной буржуазии. Поэтому В. И. Ленин, отмечая прогрессивные черты националистической идеологии в странах Азии и Африки, предупреждал против их догматической абсолютизации. Он указывал, что буржуазия не является последовательным защитником интересов своей страны.

Говоря о двух тенденциях в национализме угнетенных народов, В. И. Ленин отмечал его историчность, относительную прогрессивность, различные фазы, особенности эволюции. Первая тенденция — участие в борьбе против всех видов угнетения и насилия, против империализма, колониализма, за национальную независимость и возрождение. Эта тенденция объективно прогрессивна. Вторая тенденция — стремление буржуазии угнетенной нации навязать широким массам идеи буржуазного национализма и подчинить их своему господству. Эта тенденция реакционна. «Поскольку,— писал В. И. Ленин,— буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, постольку мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за *свой* буржуазный национализм, мы против»⁴.

Жизнь подтверждает, что размежевание, поляризация политико-идеологических сил в развивающихся странах происходят в соответствии с ленинским предвидением: с одной стороны, концентрируются реакционные, с другой,— революционные, демократические и антиимпериалистические силы. Об этом наглядно говорят и последние события в Иране, Афганистане и др.

Великие освободительные идеи ленинизма, идеи Октября, решающее воздействие реального социализма определили стремительность процесса освобождения колониальных и зависимых стран.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 330.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 25, с. 275.

В результате краха колониальной системы около 2 млрд. человек — почти половина человечества — вырвались из колониального и полуколониального рабства. Образовалось свыше 90 новых национальных государств.

Исключительно важно, подчеркивает Л. И. Брежнев, что многие освобожденные государства отклоняют капиталистический путь развития и ставят своей целью построение общества, свободного от эксплуатации, ориентируются на социализм⁵.

Руководящие партии и организации таких стран, как Народная Республика Конго, Народная Демократическая Республика Йемен, Народная Республика Бенин, Народная Республика Ангола, Народная Республика Мозамбик, Социалистическая Эфиопия, Объединенная Республика Танзания, Гвинейская Социалистическая Народная Республика и др., провозгласили своей официальной идеологией марксизм-ленинизм.

В процессе формирования передовых партий революционные демократы развивающихся стран стремятся опираться в первую очередь на рабочий класс, трудовое крестьянство и патриотическую интеллигенцию. Этот процесс сопровождается повышением активности масс, вовлечением новых слоев трудящихся в экономическую и общественно-политическую жизнь, усилением пропаганды прогрессивных идей, преодолением остаточных реакционных взглядов и концепций. Еще в декабре 1969 г. Конголезская партия труда провозгласила создание авангардной партии на основе марксистско-ленинского учения, а IV съезд партии, проходивший в декабре 1974 г. под лозунгом «Творческая деятельность масс и решающая роль кадров», подчеркнул в своих материалах, что «пропаганда идей марксизма-ленинизма должна тесно сочетаться с решительной борьбой против буржуазной идеологии».

В июле 1979 г. президент Мозамбика Самора Машел заявил: «Марксизм-ленинизм не является для Мозамбика импортированной теорией. Он завоеван борьбой мозамбикских рабочих и крестьян против гнета и эксплуатации. Именно классовая борьба трудящихся способствовала принятию и осознанию ими основ научного социализма. Она вносит свой вклад в развитие и обогащение учения Маркса, Энгельса, Ленина. Только социализм может разрешить стоящие перед Мозамбиком проблемы...»⁶

На I съезде МПЛА — Народное движение за освобождение Анголы — Партия труда в декабре 1977 г. президент Агустиньо Нето сказал: «Понимая свою великую цель — строить свободную и социалистическую Анголу, наша партия базируется на доктрине научного социализма, на концепции всемирно-исторической роли рабочего класса, творчески применяя марксизм-ленинизм к конкретным условиям нашей страны... Только научный социализм способен дать правильный ответ на сложные проблемы нашего времени, решить их в интересах народа и прогресса человечества. Марксизм-ленинизм научно выражает интересы всех трудящихся и угнетенных. По этой причине не может быть африканского или европейского социализма, социализма для высокоразвитых стран и развивающихся стран...»⁷

В декабре 1978 г. в НДРЙ создана Йеменская социалистическая партия, в программе которой указывается, что, «опираясь на теорию

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., 1978, с. 590.

⁶ См. «Огонек», 1979, № 50, с. 17.

⁷ «Правда», 1977 г., 13 февраля.

научного социализма и исторический опыт социалистического строительства, прежде всего в Советском Союзе, и обогащая собственный революционный опыт, партия стремится завершить этап национально-демократических преобразований и приступить к построению социализма»⁸.

Глубокие перемены происходят и в политических взглядах революционных демократов Народной Республики Бенин (бывшая Дагомея). Там в 1975 г. создана Партия народной революции Бенина. Первый съезд ее (1976) принял «Декларацию о генеральной линии партии» и этапах бенинской революции. В заявлении говорится, что ПНРБ создана как «партия рабочего класса и трудового крестьянства на идейной основе марксизма-ленинизма»⁹.

Важные прогрессивные сдвиги происходят в Эфиопии, Танзании, Алжире, Гвинее, Демократической Республике Мадагаскар и др.

Таким образом, на нынешнем этапе ведущей, определяющей тенденцией является углубление и расширение революционного процесса в странах Азии и Африки.

Один из прогрессивных исследователей Вусизве Семе в статье «Революционный процесс в Африке»¹⁰ отмечает, что в Африке постоянно растет число организаций и партий, провозгласивших своей идейной основой марксизм-ленинизм. «Дни, когда колониальные правители изолировали народы Африканского континента от освободительных идей марксизма-ленинизма и достижений Советского Союза и других социалистических стран, навсегда ушли в прошлое», — подчеркивает автор. Далее он отмечает, что «опыт развития советских среднеазиатских республик и Казахстана, перешедших к социализму, минуя капитализм, привлекателен для многих африканских стран, освободившихся от колониальной зависимости».

В развивающихся странах Азии и Африки идет острая борьба между реакционными и прогрессивными идейными течениями. Эта борьба отражает переживаемый народами освободившихся стран сложный процесс национального возрождения и поисков путей дальнейшего развития.

Углубляющаяся социальная неоднородность порождает в этих странах различные формы так называемого «национального социализма».

В одних случаях используются глубоко укоренившиеся в массовом сознании символы и представления прошлого. Отчасти такова природа апелляций к религии, стремления включить ее в качестве элемента в светские доктрины. Отсюда — широкий спектр «религиозных национализмов» как характерной черты идейно-духовной жизни ряда освободившихся стран. В других случаях различные идейно-политические течения пытаются эксплуатировать мечты людей о лучшем будущем, причем картины будущего рисуются образами прошлого и потому носят утопический характер.

Некоторые сторонники «негритюда», «национального», «азиатского», «африканского» социализма и т. д. объявляют страны «третьего мира» носителями истинно человеческих отношений, идеалов гуманизма, добра и справедливости. Они усматривают единство этих стран в произвольно выделенных формальных культурных признаках и на этой основе делают попытки создания некоей обособленной («афрч-

⁸ «Рабочий класс и современный мир», 1979, № 6, с. 71—72.

⁹ Там же, с. 73.

¹⁰ V u s i z w e S e m e. The revolutionary process in Africa.—„Political affairs“, New York, 1979, v. 57, N 3, pp. 26—29.

канской», «азиатской» и др.) философии, мировоззрения. Эти идеологи толкуют об «особой миссии» Востока в истории человечества, которая заключается якобы в том, чтобы «излечить» народы Запада от склонности к материальному благосостоянию, приобщить их к религиозной духовной культуре. Они утверждают, будто бы лишь религия способна спасти человечество от деградации и дать ему основу «праведной жизни».

• Так, апологеты индусского коммунизма считают, что в отличие от Запада, «погрязшего в пучине материализма», Восток всегда пытался заглянуть «внутрь своей души», был занят «поисками бога» и т. д. Некоторые мусульманские идеологи в Пакистане, Иране, ряде арабских стран противопоставляют ислам социализму, обвиняют коммунистическую идеологию в «грубом материализме», пренебрежении духовными ценностями.

В последнее время активизировалась деятельность Социалистического интернационала в странах Азии и Африки. Лидеры Социнтерна стараются повести за собой рабочее и демократическое движение в освободившихся странах, направить его по реформистскому пути. На XIII конгрессе Социнтерна (Женева, 1976 г.) в эту организацию была принята социалистическая партия Сенегала, а ее генеральный секретарь Л. Сенгор избран заместителем председателя Социнтерна.

Реформистские идеологи противопоставляют национальное классовому, проповедают социальный мир в разъедаемом антагонистическими противоречиями обществе. Вместе с тем распространяется миф о «непригодности» учения научного социализма для развивающихся стран Африки.

Реформистская идеология нашла свое проявление, в частности, в концепциях президента Сенегала Л. Сенгора, президента Туниса Х. Бургибы и др.

По мнению Сенгора, европейцы несут с собой рационализм, «цивилизацию анализа, математики, механики, материального благосостояния, власти, духовной нищеты».

Наоборот, африканцы, по Сенгору, лишены эгоизма, рационального подхода к жизни; африканское общество состоит из людей, которые стремятся к расцвету человеческой личности¹¹. Отсюда делается вывод о неприменимости к африканским условиям как западных социальных, политических и экономических концепций, так и научного социализма.

Теоретической основой программы возглавляемой Х. Бургибой социалистической дустуровской партии стала концепция «дустуровского социализма». Она включает тезисы о национальном единстве, отсутствии в стране классової борьбы, гармонии и сотрудничестве между всеми слоями населения¹². Последние события в Тунисе наглядно показали несостоятельность подобных концепций.

Существует и теория «урегулирования конфликтов в развивающихся странах». Она предусматривает создание «специальных институтов», призванных локализовать внутренние конфликты и формировать «национальное единодушие». Сторонники этой теории пропагандируют идеи «общества всеобщего благоденствия», «морального совершенствования общества» и пр. На словах утверждая, что для развивающихся стран «не подходят» ни капитализм, ни коммунизм, они

¹¹ Senghor L. S. Ce que l'homme apporte.—Liberté, negritude et humanisme. Paris, 1964, pp. 24, 259.

¹² См. «Политические партии Африки». М., 1970, с. 23.

фактически выступают за определенные реформы в рамках буржуазного общества и являются апологетами капиталистического пути развития.

Согласно концепции сторонников неокOLONиализма, антиколониальные революции составляют как бы переходный этап к высокоразвитому «единому индустриальному обществу» Запада.

Пропагандируемая защитниками капитализма реакционная теория «конвергенции» двух социальных систем, претендуя на глобальный, универсальный характер, утверждает, что по мере перехода разных стран к высшим стадиям индустриального развития, «массового потребления» и т. д. в них происходит процесс образования «единого индустриального общества», якобы сочетающего существенные черты капитализма и коммунизма, не будучи, однако, ни социализмом, ни коммунизмом. На этот «общий путь» должны, дескать, вступить и освободившиеся страны по мере повышения уровня их развития. Разумеется, все это не имеет ничего общего с реальной действительностью, закономерностями исторического развития человечества, глубоко раскрытыми марксистско-ленинской теорией.

Буржуазные идеологи стараются конструировать новые, более тонкие лжетеории общественного развития. Так, французский буржуазный идеолог Ж. Леметр в своей книге «Хаос или третий путь»¹³ утверждает, что единственной социальной системой, способной «гармонизировать» современное общество и решить наиболее важные проблемы, стоящие перед человечеством, является либерализм. Он утверждает, что необходимыми предпосылками либерализма как строя, призванного прийти на смену капитализму и социализму, являются высокий уровень развития производительных сил и утверждение новой идеологии на основе полной переоценки ценностей.

По Леметру, при либерализме будет существовать три вида собственности: индивидуальная, коллективная и — в минимальном размере — государственная, т. е. принадлежащая всей нации. Управление каждым предприятием будет осуществлять соответствующий коллективный орган — совет трудящихся. Реакционный, утопический характер подобных лжетеорий очевиден.

Для идеологов сил империализма и реакции основная задача состоит в сохранении существующей структуры социальных, производственных отношений, защите интересов эксплуататорских классов. Их идейным и политическим знаменем являются антикоммунизм, отрицание классовых антагонизмов, реакционный национализм и проч. Исходя из интересов эксплуататорских классов, они пытаются направить национально-освободительную борьбу народов в русло расизма и реакционного национализма. Пособниками их в этом деле активно выступают маоисты.

Международный империализм лихорадочно ищет новые пути и способы для того, чтобы сохранить свои позиции и усилить зависимость освободившихся стран от мировой капиталистической системы. С этой целью начата некоторая перестройка неокOLONиалистской политики, призванная приспособить ее к реальностям 70-х годов, нынешним особенностям освободительной борьбы народов развивающихся стран.

Смысл осуществляемой «модернизации» состоит прежде всего в форсировании развития зависимого капитализма в освободившихся

¹³ L a m a i t r e J. Le chaos ou la troisieme voie. Paris, 1977, p. 332.

странах, попытках удержания их в сфере влияния монополистического капитала.

В рамках пресловутой «взаимозависимости» империалистические страны хотят сохранить за собой монополию на наиболее важные отрасли экономики, решающие направления развития науки и техники, всячески усилить технико-экономическую зависимость развивающихся стран от империалистических государств¹⁴.

Одновременно империализм активизирует свои прощиски, направленные на разобщение прогрессивных сил, на раскол национально-освободительного движения. При этом он опирается на различные реакционные элементы в этих странах, начиная от феодальных кланов и кончая буржуазными националистами и маоистами. Империалисты применяют широкий арсенал средств, от экономического давления до военных переворотов и прямой вооруженной интервенции с целью «экспорта контрреволюции», чтобы остановить движение этих стран по пути антиимпериалистической борьбы, некапиталистического развития.

Главным идейно-политическим оружием империализма, неоколониализма является антикоммунизм, антисоветизм. Отсюда их непрерывные атаки на научный социализм, всевозможные попытки очернить реальный социализм, ленинскую теорию и практику решения национального вопроса и др.

Но несмотря на относительную малочисленность рабочего класса в развивающихся странах и иные объективные и субъективные трудности, идеи научного социализма все глубже проникают в среду рабочего класса, трудовой интеллигенции и крестьянства. Современное состояние идейной борьбы в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки свидетельствует о том, что ленинская теория перерастания национально-демократической революции в социалистическую, ленинская стратегия и тактика решения национального вопроса имеют решающее значение в дальнейшем углублении национально-освободительного движения и его идеологии.

Весь современный опыт исторического развития человечества неопровержимо доказывает всепобеждающую силу идей ленинизма — марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительству коммунистического общества. «Полностью подтвердился вывод Ленина о закономерной связи национально-освободительного движения с революционной борьбой пролетариата. Как уже достигнутые исторические завоевания, так и перспективы национально-освободительных революций неотделимы от побед международного рабочего класса, мирового социализма. Эти революции развертываются как органическая составная часть единого революционного процесса»¹⁵.

Никакие усилия империализма и его пособников не смогут остановить тот необратимый процесс национального и социального освобождения народов, начало которому положила победа Великого Октября, открывшая всему человечеству верный путь к свободе и социальному прогрессу.

¹⁴ См. подробнее: Брутенц К. Неоколониализм на пороге 80-х годов: «модернизация» стратегии. — «Мировая экономика и международные отношения», 1979, № 6—7.

¹⁵ Суслов М. А. На путях строительства коммунизма. Речи и статьи. Том второй. М., 1977, с. 494.

Э. И. ФАЗЫЛОВ

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СССР И ЕГО ИСКАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГАМИ АНТИКОММУНИЗМА

Советский Союз, основанный на ленинских принципах демократии, равноправия и братской дружбы народов, объединяет 15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов. В национальных республиках, округах, областях живет более 120 наций, народностей и этнических групп, говорящих на разных языках, каждый из которых имеет все условия для всестороннего развития.

Решение языковой проблемы явилось одним из величайших достижений реального социализма. Коммунистическая партия и Советское государство провели огромную работу, позволившую в исторически кратчайшие сроки успешно развернуть языковое строительство в нашей стране, исходя из интересов всех братских народов, их подлинного равноправия.

Всестороннее развитие языков всех социалистических наций и народностей СССР неразрывно связано с именем великого Ленина. Последовательно проводя принципы социалистического демократизма и интернационализма, Владимир Ильич всегда горячо отстаивал полное равноправие всех наций, народностей и национальных меньшинств. Ленин указывал: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству!»¹

В. И. Ленин говорил, что обязательный государственный язык не только не нужен, но и вреден, поскольку он дает привилегии одной из наций, и настаивал на полном признании прав родных языков всех народов.

Разъясняя ошибочность позиции С. Г. Шаумяна, В. И. Ленин писал: «Вы за государственный язык в России... Решительно несогласен...»² И далее: «За государственный язык стоять позорно. Это полицейщина»³.

«...Обязательный государственный язык,— указывал В. И. Ленин,— сопряжен с принуждением, вколачиванием»⁴. А потому «демократическое государство безусловно должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков»⁵.

Владимир Ильич считал, что справедливое решение национального вопроса возможно только в социалистическом обществе. Борьбу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 150.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 233.

³ Там же, с. 302.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 295.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 71—72.

за социальные и национальные права он связывал с борьбой народов за развитие своих национальных языков.

Отстаивая свободное развитие наций и национальных языков, В. И. Ленин вместе с тем выступал за их сближение, сплочение, слияние всего демократического, прогрессивного в них.

Жизнь убедительно подтвердила гениальность разработанных В. И. Лениным принципов языковой политики,

Успехи языкового строительства в нашей стране можно проиллюстрировать на примере Средней Азии и Казахстана. Ликвидация неграмотности, разработка новой письменности, определение диалектной базы, орфографических, орфоэпических, стилистических норм литературного языка и т. д.— вот далеко не полный перечень того, что послужило основой решения языкового вопроса и обеспечило бурное развитие национальных языков в этих регионах, как и во всей стране. Важной частью языкового строительства стало создание широкой сети школ с преподаванием на родном языке.

Огромные достижения в области языкового строительства, развития национальных языков в нашей стране имеют исключительно важное политическое, международное значение, в том числе в плане острой идеологической борьбы двух мировых систем — социализма и капитализма.

В. И. Ленин подчеркивал, что *«всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»*⁶. Это ленинское указание имеет основополагающее значение и в борьбе против измышлений идеологов антикоммунизма по вопросу о судьбах национальных языков в Советском Союзе, в частности в Узбекистане.

Главным центром антисоветской пропаганды и в этом направлении являются Соединенные Штаты Америки, где первоначально в воинских частях были созданы курсы по изучению узбекского, казахского и других тюркских языков для стратегических целей; в начале 50-х годов такие же курсы были организованы для военно-воздушных сил, а впоследствии — в стенах американских университетов «для академических целей».

Финансирование подготовки «специалистов» по языкам среднеазиатских республик осуществляют четыре ведущих фонда США: Правительственный фонд, чаще известный как фонд «Национального закона об обороне в области образования», фонд Рокфеллера, фонд Корпорации Карнеги и фонд Форда.

Фонд «Национального закона об обороне в области образования» направлен в основном на создание центров среднеазиоведения с лингвистическим уклоном. Уже в первые пять лет (1958—30 июня 1963 г.) по программе развития изучения иностранных языков, выработанной на основе «Национального закона об обороне в области образования», было разработано 224 темы и учебных пособия, в том числе: «Начальный курс узбекского языка» проф. Ало Рауна, «Учебник узбекской грамматики» Андре Шоберга, «Хрестоматия узбекского языка» Николаса Поппе и т. д.

По признанию проф. Дерек С. Бок — юриста по трудовому законодательству, президента Гарвардского университета с 1971 г., — многочисленные центры «советоведческих» исследований в США начали процветать после второй мировой войны, «главным образом потому,

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 40.

что напряженность вследствие «холодной войны» сфокусировала внимание нации на Советском Союзе»⁷.

Размах финансирования «советоведческих» центров постоянно растет. Только двум центрам: Колумбийскому и Гарвардскому университетам — на 1977 г. было выделено 8 млн. долл. Более того, подготовке «советологов» придается такое же значение, как и созданию новых видов вооружения. Директор Колумбийского русского института проф. Маршалл Д. Шульман, являющийся авторитетом в вопросах контроля над вооружением, писал, что подготовка первоклассных специалистов по советским делам, «знающих экономику, политическую систему, историю, общество и народ», требует столь же длительного времени, как и производство новой ракеты.

За последние 30 лет на Западе вышло огромное количество специальных публикаций о национальной и языковой политике КПСС. Самыми распространенными в них являются утверждения о «лингвистической русификации широких масс», «ассимиляции национальных языков», «превосходстве и особом положении русского языка в языковой жизни народов СССР», о том, что «конечной целью коммунистического общества является слияние языков народов СССР в один язык — русский». Эти высказывания переходят из публикации в публикацию почти без изменений, либо в незначительно модифицированной форме, но суть их остается прежней. Происходит своеобразное словесное состязание «советологов» в измышлениях по поводу функционирования и развития национальных языков в Советском Союзе.

Среди этих «знатоков» особенно выделяются Джеффри Э. Уилер — основатель и директор бывшего Среднеазиатского исследовательского центра в Лондоне (1953—1968 гг.), редактор вынужденного прекратить свое существование журнала «Сентрэл Эйшен Ревью»; Бэрис Майснер — дипломат, доктор юридических наук, профессор, директор Института по восточному праву в Кёльне; Александр А. Беннигсен — профессор кафедры истории Чикагского университета; Этель Дани — секретарь Научно-исследовательского центра по изучению социальных проблем (Калифорния, США); Стефан Дани — директор Центра исследований по специальным проблемам в Беркли, редактор журналов «Советская социология», «Советская антропология и археология»; Ричард Пайпс — профессор Гарвардского университета; Хью Сэтон-Уотсон — профессор Лондонского университета; Тереза Раковска-Хармстоун — профессор Карлстонского университета; Эдвард Оллуорс — профессор Колумбийского университета и другие.

В вопросе о национальной и языковой политике КПСС они полностью солидарны с такими оголтелыми антисоветчиками, как Баймирза Хаит, Вали Зунун, Тахир Чагатай, Иброхим Яркин, Вали Каямхан и др.

В качестве главного аргумента «русификации» народов нашей страны «советологи» выдвигают реформу письма. По их словам, современный алфавит народов Средней Азии «подрывает подлинную основу их культуры» (В. Коларз), а переход к алфавиту на основе кириллицы привел их к «изоляции от народов зарубежного Востока» (Ч. В. Хостлер, Ф. Бархари), «к отрыву от классического наследия, написанного по-арабски» (Э. Бэкон). Для подкрепления этих утверждений они нередко ссылаются на авторитеты в области культуры, в частности на проф. Абдурауфа Фитрата. Однако именно А. Фитрат был одним из активных участников реформы узбекской орфографии.

⁷ «Нью-Йорк таймс», 1976 г., 24 ноября, с. 8.

В 1921 г. на I Всеузбекском съезде, посвященном вопросам языка и орфографии, он говорил: «Время требует скорейшей ликвидации неграмотности, и для этого есть все предпосылки. Письмо и орфографии многих народов удобны и систематизированы, чего нет у нас. Арабский алфавит своей сложностью и отсутствием строгих правил для узбекского языка не пригоден. Трудность арабского письма заключается в том, что к написанному нужно возвращаться несколько раз, чтобы проставить различные диакритические знаки... Из всего этого вытекает необходимость принятия новой орфографии, которая учтила бы все недостатки арабского алфавита и орфографии. Старой орфографией или, вернее, отсутствием орфографии и строгих правил нельзя ликвидировать неграмотность, нельзя повысить культуру»⁸.

Справедливость этих слов доказана историей. Каждый беспристрастный человек, который находится в курсе событий общественной и духовной жизни нашей страны, не может не видеть, что усовершенствование письменности способствовало расширению общественных функций литературных языков, ставших языками науки и литературы, печати и обучения в школе.

Тесное экономическое сотрудничество, добровольное сближение народов Советского Союза вызвали практическую потребность в средстве межнационального общения. Межнациональным языком в СССР в силу ряда исторически сложившихся обстоятельств стал русский язык. Ш. Р. Рашидов теоретически обосновал огромную роль национально-русского двуязычия в развитии культуры зрелого социалистического общества.

Из истории человечества известны примеры функционирования отдельных языков как средств общения между разными народами. Однако они или охватывали лишь некоторые области этого общения (например, латинский, арабский языки средневековья служили языками преимущественно науки и религии), или же были средством общения привилегированных классов (например, французский язык в Западной Европе). Некоторые языки использовались как орудие колониализма, который угнетал развитие национальных культур и языков народов Азии, Африки и других стран.

Положение русского языка среди национальных языков братской семьи народов СССР принципиально отличается от межъязыковых отношений в капиталистическом мире. Русский язык — один из многих равноправных языков народов СССР.

Знание русского языка всеми народами СССР, распространение его во всех сферах их жизни не означает принижения значения родных национальных языков, растворения одного языка в другом. Наоборот, это способствует их взаимообогащению, развитию их национальных творческих возможностей, их внутренней специфики.

Расцвет культуры народов нашей страны, широкое функционирование национальных языков заставляют «советологов» пересматривать свои взгляды и концепции. В последних публикациях они вынуждены так или иначе признать, что в Советском Союзе идет процесс всестороннего развития национальных языков.

Здесь можно отметить работу небыизвестного Джеффри Э. Уилера «Присутствие русских в Средней Азии», в которой сказано: «...Национальные языки достигли той стадии развития, когда они могут использоваться как средство высшего научного образования... находясь

⁸ 1921 йил январда бўлган биринчи ўлка ўзбек тил ва имло қурултойининг чиқарган қарорлари. Тошкент, 1922, 5-бет.

в числе самых отсталых в мусульманском мире пятьдесят лет назад, советские среднеазиатские народы теперь по крайней мере находятся на пути к превращению в самые передовые»⁹.

Специалист по национальному вопросу проф. Майкл Рывкин в работе «Религия, современный национализм и политическая власть в Советской Средней Азии» пишет: «Вывод ясен: наиболее образованные мусульмане фактически изучают русский язык как незаменимое средство своего собственного развития, но языковой русификации нет и происходит подлинное возрождение местных тюркских языков»¹⁰.

Анализ последних изданий зарубежных фальсификаторов показывает, что они начали глубже изучать языковые процессы, происходящие в нашей стране, их исследования охватывают теперь более широкий круг вопросов. Об этом свидетельствует, например, посвяление таких работ, как «Развитие современного литературного узбекского языка: некоторые исторические аналогии» Поля М. Осгина — адъюнкт-профессора кафедры русских и славянских исследований в университете Макгила; «Статус языков национальных меньшинств в советском образовании: оценка последних изменений» Брайана Д. Сильвера — ассистента профессора по государственному управлению государственного университета штата Флорида; «Узбеки и русские» (в сборнике «Доклады канадских славистов») Джеймса Кричлоу»¹¹.

«Советологи» в своих новейших публикациях стараются термины «русификация» заменить термином «советизация». Так, Поль М. Остин пишет: «За рубежом часто бросают обвинение, что имеет место процесс русификации национальных языков. Можно спорить, однако, что имеет место скорее процесс «советизации», чем русификации»¹².

До недавнего времени Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс уверяли, что в Советском Союзе идет полная ассимиляция всех народов. Теперь их концепции претерпевают своеобразную эволюцию. Збигнев Бжезинский в работе «Политические смысловые оттенки советских национальных проблем» говорит уже о «растворении и биологической ассимиляции» лишь белорусов, молдаван и казахов. К этому списку Ричард Пайпс добавляет башкир, татар и немцев («Национальности и национализм в СССР: советская дилемма»).

Основной акцент «советологи» делают на национальные чувства. Сейчас в их работах встречаются такие термины, как «ортодоксальный национализм» (Дэвид Абшир, Центр стратегических международных исследований, Джорджтаунский университет), «советский имперский национализм» (Хью Сэтон-Уотсон, Лондонский университет), «этнический национализм» (Тереза Раковска-Хармстоун). При этом они стараются представить себя «объективными» исследователями, заботящимися о судьбе и процветании народов, проживающих на территории СССР.

Авторы коллективной работы «Советские национальные проблемы» Эдвард Оллуорс, Александр Беннигсен, Збигнев Бжезинский и др. отмечали: «Ужасное препятствие к изменению подхода американ-

⁹ Wheeler G. Introduction: the Russian presence in Central Asia.—Canadian Slavonic papers, 1975, v. XVII, Nos 2—3, p. 195.

¹⁰ Riwkin M. Religion, modern nationalism and political power in Soviet Central Asia.—Canadian Slavonic papers*..., p. 274.

¹¹ Critchlow J. Usbeks and Russians.—Canadian Slavonic papers*..., pp. 366—372.

¹² Austin P. M. The Development of modern literary Uzbek: some historical analogies.—Canadian Slavonic papers*..., p. 512.

цев создается тем фактом, что мы относительно мало знаем о советских национальностях или их общих проблемах... Имеются в наличии огромные запасы фактически не использованного материала, доступного научному обозрению и ожидающего своего опубликования в прессе и книгах СССР на местных языках. Более широкое использование этого источника может не только вывести нас дальше бесплодного пересказывания старых данных и часто рассчитанных на экспорт, но и открыть также множество важных возможностей для продуктивного нового исследования»¹³.

В последние годы, как видно из публикаций американских «советологов», началось широкое использование материалов газет и книг, выходящих на узбекском языке. Работа Джеймса Кричлоу (в недавнем прошлом директора отдела информации «Радио Свобода», старшего советолога Информационного бюро США) «Признаки рождающегося национализма в мусульманских советских республиках» (в сборнике «Советы в Азии») полностью основана на материалах узбекской прессы и книг.

Основная цель всех «советологов» — подорвать нерушимое единство и дружбу народов Советского Союза. Участник совместного симпозиума, проведенного при финансовой помощи Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета и Института китайско-советских исследований Университета им. Джорджа Вашингтона, Джеймс Кричлоу открыто признал, что «за изучением советских национальностей, их проблем скрывается намерение расколоть Советский Союз. Мы должны исследовать, будет ли такой раскол в наших интересах, не последует ли за ним анархия, хаос и т. д.». На этом же симпозиуме Т. Раковска-Хармстоун не скрывала явного желания подорвать советский строй изнутри.

Широкое привлечение «советологами» материалов на национальных языках народов СССР обязывает нас подходить со всей ответственностью к публикациям, в которых рассматриваются вопросы современной терминологии, социальных аспектов, теории языка и литературы и др.

Особенно живой интерес проявляют за рубежом к культуре и языку народов Средней Азии. Это приводит нас к убеждению о необходимости создания в ближайшее время грамматики узбекского языка, учебных пособий и разговорников на английском, французском и немецком языках, которые отвечали бы современным требованиям филологической науки и в своем иллюстративном материале отражали экономические и социально-политические достижения нашей республики.

Ныне, когда на мировой арене идет ожесточенная борьба двух идеологий, двух различных мировоззрений — буржуазного и социалистического, нам необходимо тщательно изучать все зарубежные публикации, не забывая при этом, что в тех же США имеются специалисты, которые в целом объективно исследуют развитие языков и литератур народов Средней Азии. Я имею в виду публикации Яноша Экмана, Дэвида Сайнара, Ильзы Лауде-Циртаутас, А. Бодроглигетти и некоторых других.

Во многих университетах нашей страны имеются кафедры тюркологии, преподаватели которых ведут курсы по истории, литературе и языку тюркоязычных народов, занимающих в СССР второе место по

¹³ Soviet nationality problems. Ed. Edward Allworth. New York—London. Columbia university press, 1971.

численности населения. Однако в нашем крупнейшем в Средней Азии университете такой кафедры нет. Поэтому наши молодые специалисты недостаточно знают историю культуры своих братских народов.

Между тем знание истории, языка и литературы народов, составляющих основное население пяти союзных (Узбекской, Азербайджанской, Казахской, Туркменской, Киргизской) и шести автономных (Башкирской, Татарской, Каракалпакской, Тувинской, Чувашской, Якутской) республик, а также трех автономных областей имеет важное значение в интернациональном воспитании молодежи.

В. И. Ленин с гордостью писал: «Мы любим свой язык и свою родину»¹⁴. Его отношение к родному языку, любовь и забота о нем являются достойный пример того, как надо беречь и защищать наш язык, нашу национальную культуру.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

Р. Х. АМИНОВА

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СССР

(На примере Узбекистана)

В полном расцвете своих творческих сил идет многонациональный советский народ к новым успехам по пути коммунистического строительства. Выдающихся достижений добились благодаря последовательному осуществлению ленинской национальной политики, братской помощи и взаимопомощи народов СССР узбекский и другие народы Советского Востока. За годы Советской власти Узбекистан из некогда отсталой аграрной колонии царизма превратился в цветущую социалистическую республику с высокоразвитой экономикой, культурой, наукой, маяк социализма на Востоке.

Замечательные успехи ленинской национальной политики в СССР восхищают и радуют наших друзей, служат примером для всех народов, освободившихся или борющихся за свое национальное и социальное освобождение, и, естественно, вызывают злобу и ненависть наших врагов.

Идеологи антикоммунизма всячески пытаются очернить национальную политику КПСС, теорию и практику решения национального вопроса в СССР, в том числе в Узбекистане.

«Изучением», вернее сказать, — фальсификацией советского опыта решения национального вопроса в республиках Средней Азии занято на Западе большое количество «научных» центров, периодических изданий и отдельных «специалистов». Отметим, в частности, Русский исследовательский центр при Гарвардском университете (США), разработавший специальную программу «изучения» Средней Азии и издающий большое количество монографий по этой проблеме (например, «труды» М. Рывкина, Т. Раковска-Хармстоун и др.), Йельский и другие американские университеты и институты, где наряду с другими проблемами «советологии» изучается и решение национального вопроса в Средней Азии.

Специализированные учреждения по изучению среднеазиатских республик, опыта решения в них национального вопроса функционируют и в Великобритании. Это — Среднеазиатское королевское общество и Среднеазиатский исследовательский центр. Большое число публикаций по данной проблеме принадлежит английским «советоведам» — Джеффри Уилеру, Вайолет Конолли и др.

Объектом фальсификации американских и английских «специалистов» по национальному вопросу в Средней Азии является широкий комплекс экономических, социологических, культурных и иных аспектов этой проблемы.

Во Франции ведущими «специалистами» по Советской Средней Азии выступают А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже, Д'Анкос, В. Монтей и др. (шестой сектор Высшей школы политических наук в

Сорбонне). Для французских буржуазных «среднеазиеведов» характерен повышенный интерес к вопросам национального и культурного развития и состоянию мусульманской религии в СССР.

Крупные центры «изучения» национального вопроса в Средней Азии действуют в ФРГ (Дюссельдорф, Мюнхен). Для них характерно широкое использование антисоветских материалов так называемого «туркестанского» эмигрантского отребья во главе с Баймирзой Хаитом. Это, в частности, обусловлено тем, что в ФРГ находится пресловутый «Туркестанский национальный комитет», созданный еще при фашистах, в 1942 г.

Антисоветские «центры» по изучению Средней Азии имеются также в Турции, Саудовской Аравии, Индонезии. Застрельщиками «идеологической работы» в них выступают преимущественно националисты — изменники Родины, перебежавшие в годы Великой Отечественной войны на сторону гитлеровцев. Особенностью этих «центров» является воинствующий клерикализм под маской «защиты ислама» в СССР.

Таким образом, антисоветские «центры» по изучению национального вопроса в Средней Азии в разных странах имеют свою «специфику». Это, по замыслу идеологов антикоммунизма, должно способствовать созданию разных «школ», «течений» и «направлений» советоведения. Но при всем их «разнообразии» суть деятельности этих «центров» и «школ» одна — пропаганда антисоветизма, антикоммунизма на основе фальсификации истории Советской Средней Азии, решения национального вопроса на Советском Востоке. Современные буржуазные «советологи-среднеазиеведы» в первую очередь оперируют лживыми тезисами о «советском колониализме», «насильственной русификации» и «советизации» среднеазиатских народов, о том, что в среднеазиатских республиках якобы существует национальная рознь и возрождается национализм. При этом, пожалуй, особенно много усилий прилагается для обоснования домысла о «советском колониализме». И это не случайно. Идеологи империалистической буржуазии прекрасно осознают притягательную силу достижений республик Советского Востока для народов, сбросивших иго колониализма или еще борющихся против него. Инсинуациями о «советском колониализме» они стремятся также отвлечь внимание от собственной неоколониалистской политики в Азии, Африке, Латинской Америке.

М. Рывкин, Э. Бэкон, Т. Раковска-Хармстоун и К⁰ пытаются «доказать» наличие советского «колониализма», который, дескать, отличается от колониализма времен царской России лишь своей формой: он лишь «завуалирован» марксистскими формулами. Более того, некоторые буржуазные «специалисты» утверждают, будто бы царская администрация больше считалась с национальной спецификой экономической и культурной жизни края, чем Советская власть, хотя хорошо известны последствия колониальной политики царизма, грубо попиравшего национальные права и коренные интересы народов Туркестана.

Делаются и попытки отождествления советской национальной политики и колониальной политики империалистических государств. Более того, находятся «советоведы» (А. Стэмп, Пьер Рондо и др.), которые утверждают, что СССР «позаимствовал» у империалистических государств формы и методы колониальной политики. Клеветнический характер подобных утверждений очевиден. Достаточно вспомнить еще недавнее колониальное прошлое народов Азии и Африки, сравнить

нынешний уровень их экономического, социального, культурного и т. д. развития и среднеазиатских республик.

То, что для Советской Средней Азии давно уже является реальным фактом,— достижение полного национального суверенитета, развитие многоотраслевой современной промышленности, крупного механизированного сельского хозяйства, передовой национальной культуры,— развивающимся странам Азии и Африки, недавно освобожденным от колониального гнета, еще только предстоит добиться, и решение этих задач потребует от молодых афро-азиатских стран громадных усилий и средств, отражения продолжающихся посягательств империализма на их политическую и экономическую независимость.

Нападки на советскую национальную политику в Средней Азии буржуазные авторы (Жан-Поль Ру, Георг фон Штакельберг, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже и др.) нередко пытаются «обосновать» ссылками на «подавление» мусульманской религии в СССР, «утрату» культурных национальных традиций среднеазиатских народов в связи с их «русификацией» и «советизацией». Однако подобные «аргументы» не выдерживают критики. Так, ослабление позиций религии характерно не только для Средней Азии. Это процесс, общий и закономерный для СССР в целом. Не только мусульманская, но христианская и другие религии в ходе коммунистического строительства все более обнаруживают свою несостоятельность. Но советское законодательство твердо гарантирует всем гражданам СССР свободу совести, и никто в нашей стране никогда не подвергался гонениям за приверженность той или иной религии.

Что касается национальных культурных традиций среднеазиатских народов, то лучшие из них продолжают успешно развиваться в Средней Азии. Общеизвестно, что в среднеазиатских республиках, где культура накануне Октябрьской революции находилась в упадке, выросли мощные отряды национальной интеллигенции, процветают народное образование, высшая школа, наука, литература и искусство, бережно хранится, изучается и творчески осваивается лучшее культурное наследие всех народов.

Излюбленным приемом буржуазных фальсификаторов (А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже и др.) является утверждение, что в республиках Советского Востока в ходе социалистического строительства нарушается традиционный жизненный уклад, связанный с исламом. Буржуазные «советологи» отождествляют местные национальные и исламские религиозные традиции. Выпячивая факты отдельных религиозных пережитков на современном этапе, они заявляют, что религия в Средней Азии и Казахстане якобы постепенно восстанавливает утраченные позиции.

Эти авторы пытаются утверждать, что на «возрождение» религиозности народов Средней Азии оказывают влияние зарубежные мусульманские народы, «забывая», однако, что в большинстве стран зарубежного Востока наблюдается процесс приобщения к современной культуре, научно-техническому прогрессу, рост влияния марксистской идеологии.

Буржуазные «среднеазиеведы» изо всех сил пытаются «обнаружить» факты национальной розни в Средней Азии. Эти домыслы наши идеологические оппоненты (Карэр д'Анкос, П. Рондо и др.) нередко «обосновывают» якобы свойственным народам Средней Азии «врожденным консерватизмом», который «восстанавливает» их против русской культуры, обычаев и т. д. Подобные утверждения явно проник-

нуты расизмом и свидетельствуют о лицемерии империалистических «друзей» среднеазиатских народов.

Среди фальсификаторских измышлений не последнее место занимают рассуждения о «противоречивости» политики Коммунистической партии, которая, если верить, например, Дж. Уилеру, «положительно» относится к национализму на Среднем Востоке и в то же время — резко отрицательно к национализму «у себя дома».

В данном случае имеет место ненаучное, совершенно неправильное отождествление национализма, под флагом которого протекает освободительное движение во многих странах зарубежного Востока, и пережитков буржуазного национализма в сознании некоторой, наиболее отсталой части советских граждан. Программа КПСС, которой руководствуется наша партия, с полной ясностью указывает, что «в национализме угнетенной нации есть **общедемократическое содержание**, направленное против угнетения, и коммунисты поддерживают его, считая исторически оправданным на определенном этапе»¹. Это общедемократическое содержание заключается в антиимпериалистической направленности, в борьбе за освобождение от колониального гнета, за национальную независимость и национальное возрождение. При этом следует иметь в виду (буржуазная пропаганда предпочитает об этом умалчивать), что сказанное вовсе не означает безоговорочной поддержки коммунистами национализма на зарубежном Востоке. Коммунисты не забывают, что, помимо общедемократического содержания, национализму присуща и «другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки»².

По мере укрепления национальной независимости, социально-экономического и политического развития афро-азиатских стран национализм, в свое время объединявший самые широкие слои населения, самые различные социальные группы в борьбе за освобождение от власти иностранных колонизаторов, постепенно теряет свое общедемократическое, прогрессивное содержание, обнаруживает классовую ограниченность и все более становится идейным оружием буржуазии, стремящейся к духовному порабощению народных масс. Национализм, являющийся естественным следствием долгих лет иноземного угнетения, следствием глубокого стремления народов к национальной консолидации, национальному самоопределению, в настоящее время, однако, все более сводится к проповеди расовой или национальной исключительности.

Нетрудно понять, что подобная идеология препятствует борьбе народов за подлинный прогресс, облегчает поиски международного империализма и внутренней реакции, нацеленные на разрушение единства афро-азиатских стран, отрыв их от главного союзника и верного друга — мировой социалистической системы. Советская общественность учитывает это и весьма четко отделяет общедемократические тенденции, отвечающие интересам большинства народа, от реакционных, в которых выражается идеология внутренних и внешних контрреволюционных сил.

Буржуазные «советологи» всячески искажают историю становления и развития национальной государственности народов Средней Азии. В. Монтей, Р. Вайдыанатх, О. Конолли, Д. Уилер и др. утверждают, якобы национально-государственное размежевание 1924 г. не ставило своей целью развитие суверенитета местных народов, а, на-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 47.

² Там же.

оборот, противостояло консолидации «единой тюркской нации» в Средней Азии в Казахстане.

Между тем «единая тюркская нация» — это миф, выдуманный пантюркистами и подхваченный антисоветчиками. А реальные факты заключаются в том, что национально-государственное размежевание отвечало воле народов Средней Азии, ликвидировало былую раздробленность каждого из них, обеспечило их подлинный суверенитет, сложение в высокоразвитые социалистические нации, укрепление дружбы народов этого региона и страны в целом.

Фальсифицируя историю национальных отношений в Средней Азии, «советоведы» не ограничиваются попытками сыграть на мнимых «противоречиях» между «местным» и «пришлым» европейским населением. Им хотелось бы отыскать и «противоречия» в развитии экономики между отдельными среднеазиатскими республиками. По словам индийского буржуазного историка Р. Вайдьянатха, в результате национально-государственного размежевания 1924 г. Узбекистану умышленно были предоставлены преимущества в развитии сельского хозяйства по сравнению с другими среднеазиатскими республиками.

В действительности же границы каждой республики определялись с учетом национального состава населения каждого района. Орошаемая площадь, находящаяся в компетенции УзССР, приблизительно пропорциональна численности населения республики, занятого в сельском хозяйстве. Более того, посевной площади, имевшейся в Узбекистане к моменту ее образования, было явно недостаточно для успешного развития сельскохозяйственного производства, и дехкане, сосредоточенные в нескольких сравнительно небольших оазисах (Ферганская долина, Ташкентский, Самаркандский, Хорезмский оазисы), задыхались от земельного голода. Потребовались огромные усилия узбекского народа, чтобы вырвать у пустыни многие десятки тысяч гектаров земель и превратить их в цветущие хлопковые плантации.

В нашей стране нет республик богатых и бедных, развитых и отсталых. Все братские республики Средней Азии получили в годы Советской власти широкие возможности для развития своей экономики и культуры.

Буржуазные «советоведы» стремятся обыграть демографические тенденции в СССР — более быстрый рост рождаемости в республиках Советского Востока. Это якобы приведет в ближайшие десятилетия к тому, что «мусульмане» будут численно преобладать над русскими в общесоюзном масштабе. При этом игнорируется тот факт, что в СССР сформировалась новая историческая общность — многонациональный советский народ, нерушимое братское единство которого включает «преобладание» одних национальностей над другими.

Наши недруги предпринимают усиленные попытки исказить исторические корни дружбы узбекского народа с русским и другими народами СССР. В частности, они утверждают, якобы своим культурным прогрессом Средняя Азия и Казахстан обязаны исламу, а не «русскому влиянию». Так, Джеймс Кричлоу заявляет, будто бы среднеазиатские народы «обязаны своей культурой традиционному мусульманскому, особенно арабскому и персидскому влиянию».

При этом Д. Кричлоу, а также высказывавшиеся в том же духе Зафар Имам и Дж. Уилер игнорируют следующие обстоятельства:

а) деятельность крупнейших ученых, мыслителей, поэтов Средней Азии и Казахстана (Ибн Сины, Навои, Улугбека, Абая и др.) носила не «исламский», а скорее антиисламский характер, ибо мировоззрение

этих мыслителей отличалось свободомыслием и нередко противоречило исламским догмам;

б) ортодоксальный ислам всегда выступал в роли душителя культуры народов Средней Азии и Казахстана. Культурный спад, происшедший в Средней Азии в XVI—XIX вв., отнюдь не случайно совпал с усилением господства клерикалов;

в) нельзя сбрасывать со счетов доисламский период истории среднеазиатских народов, продолжавшийся более тысячи лет и ознаменовавшийся крупными культурными достижениями;

г) присоединение Средней Азии к России, как это убедительно доказано в советской историографии, сыграло объективно прогрессивную роль и в культурной жизни народов края;

д) после победы Великого Октября русский и другие народы СССР оказали народам Средней Азии огромную помощь во всех сферах жизни, в том числе в культурном строительстве.

Не считаясь с реальными фактами, индийский буржуазный историк Зафар Имам утверждает, что либеральные и социалистические движения народов Средней Азии развивались «независимо» от общероссийских социальных движений, а в «доказательство» он приводит имена представителей местных национальностей («мусульман»), участвовавших в работе социал-демократических организаций Туркестана. Между тем общеизвестно, что социал-демократические идеи проникли в Среднюю Азию из Центральной России, а РСДРП была общероссийской, отнюдь не узконациональной и тем более не «мусульманской» организацией.

В ложном свете изображают «советологи» и исторические этапы советской национальной политики. Так, они утверждают, что в 30-х—середине 60-х годов проводилась «русификаторская» (по словам Кричлоу, «откровенно ассимиляторская») политика. При этом игнорируются, например, политика «коренизации», массовая подготовка национальных кадров, создание крупных отрядов национальной интеллигенции, общеизвестные факты формирования и расцвета советских социалистических наций в Средней Азии и Казахстане.

Русский и другие народы СССР оказывали в эти годы народам Средней Азии и Казахстана большую, всестороннюю помощь, но это было проявлением социалистического интернационализма, а не «русификации».

Джеймс Кричлоу заявляет, что с середины 60-х годов наблюдается процесс «дерусификации». При этом приводятся, например, данные о росте изданий на местных языках. Но в этой тенденции нет ничего нового, она началась еще в первые годы Советской власти. Рост национальных кадров, развитие национальных языков также характерны для всего советского периода. Это относится и к заботе о культурном наследии народов Средней Азии. Законная гордость лучшими национальными традициями отнюдь не исключает гордости советских народов их общесоюзным культурным достоянием, существования единой многонациональной советской культуры, в развитие которой вносят вклад все народы страны.

Своими измышлениями о «стихийной дерусификации» буржуазные «советоведы» делают ставку на подрыв ленинской дружбы народов СССР, извращение национальной политики КПСС, ослабление того огромного впечатления, которое производит опыт решения национального вопроса в СССР, в том числе в Средней Азии, на народы зарубежного Востока.

Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «притягательная сила марксистско-ленинских идей, рост авторитета и влияния реального социализма вызывают ожесточенное сопротивление классового противника. Буржуазия и ее идеологи, оппортунисты и ревизионисты всех мастей усиливают борьбу против коммунизма, пытаются фальсифицировать марксизм-ленинизм, выхолостить его революционную сущность, найти «противоречия» между теорией научного социализма и практикой ее осуществления в социалистических странах. Они стремятся принизить всемирно-историческое значение марксистско-ленинского учения, успехи социализма, дискредитировать социалистический образ жизни. На происки империализма и его пособников коммунисты отвечают интернациональным сплочением своих рядов, последовательной борьбой против буржуазной идеологии, ревизионизма, догматизма, национализма, за чистоту и творческое развитие марксизма-ленинизма»³.

³ «Правда», 1979 г., 16 декабря.

Х. Ш. ИНОЯТОВ

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В БОРЬБЕ
С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР**

Одной из важнейших проблем, при разработке которых советские историки и другие ученые-обществоведы дают все более решительный отпор антинаучным буржуазным концепциям, является история решения национального вопроса в СССР. Растет внимание советских ученых к исследованию источниковедческой базы буржуазной историографии, эволюции ее методологии, направленной на извращение характера национальных отношений в нашей стране.

Важная задача советских ученых — выявление и разоблачение основных направлений, приемов и методов фальсификаторской деятельности идеологов антикоммунизма, конкретно-исторический анализ их мировоззренческих, идейных, политических позиций. Работа эта требует высокой оперативности и должна носить активный наступательный характер. На это прямо указывается в материалах XXIV и XXV съездов КПСС. выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, подчеркнувшего, что «в борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтралizmu и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям».

Ныне на мировой арене происходит обострение противоборства между силами прогресса и реакции, социализма и империализма. В этих условиях еще более возрастает всемирно-историческое значение опыта ленинской партии и Страны Советов в осуществлении национальной политики в ходе и на основе глубокого революционного преобразования общества. Растут ценность и притягательность советского опыта национального строительства для народов Азии и Африки.

Опыт решения национального вопроса в СССР убедительно опровергает и утверждения буржуазных фальсификаторов, якобы при любом политическом строе национальный эгоизм остается главной движущей силой во взаимоотношениях между народами.

Усилиями американского империализма, реакционных кругов других стран НАТО идеологическая борьба на современном этапе по существу превращается в «психологическую войну».

Современный империализм создал мощный пропагандистский аппарат для борьбы против социализма (так называемое Управление по международным связям, радиостанции «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа» и др.). Только в США действуют 170 «научно-исследовательских центров», занятых разработкой теоретических и практических проблем антисоветизма и антикоммунизма. Расширяются сеть и сфера деятельности подобных центров и в ряде европейских капиталистических стран.

Наблюдаются также определенные изменения в «технологии» фальсификации национальной политики: переход антикоммунистов от

огольного отрицания решения национального вопроса в СССР к более тонкой, наукообразной, завуалированной дискредитации советской действительности, включая проблемы национальных отношений.

Известно, что в 20—40-х годах основными авторами антисоветских работ по национальному вопросу выступали представители контрреволюционной буржуазно-националистической эмиграции. Их «труды» отличали примитивная однозность, бешеная ненависть к первому государству трудящихся.

После разгрома германского фашизма авторитет Советского государства на международной арене неизмеримо возрос. В результате бурного подъема национально-освободительного движения народов произошел распад колониальной системы и на первый план выдвинулось решение национального вопроса. Именно в эти годы в США, Англии, ФРГ и других странах Запада появился ряд внешне «респектабельных» представителей «советологии». Но за позой мнимой беспристрастности в их «трудах» прослеживаются старые цели: извращение политики и мероприятий КПСС по национальному вопросу.

Чем изощреннее становится фальсификаторская деятельность «советологов» всех мастей, тем решительнее должна быть систематическая борьба против реакционной зарубежной историографии. Об этом говорилось и на состоявшемся в декабре 1962 г. Всесоюзном совещании о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров историков.

Советские историки, занятые изучением национального вопроса, постоянно помнят указание Л. И. Брежнева, сделанное в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», о необходимости учитывать, что «националистические пережитки всячески подогреваются извне политиками и пропагандистами буржуазного мира».

С начала 50-х и особенно 60-х годов советские историки усиливают отпор наскокам буржуазных фальсификаторов. За 1958—1965 гг. вышло в свет более 300 книг и статей с критикой буржуазных концепций, а за 1965—1970 гг. — свыше 1500 работ, посвященных критике антикоммунизма.

Большое научное значение имеют коллективные многотомные труды «История гражданской войны в СССР», «История Коммунистической партии Советского Союза», «История СССР», «История Великой Отечественной войны», «История второй мировой войны», ряд общих работ, составляющих в своей совокупности острое оружие в борьбе против буржуазных фальсификаторов истории.

Очень важен капитальный трехтомник акад. И. И. Минца «История Великого Октября», автор которого умело полемизирует с буржуазными «советологами», искажающими национальную политику партии большевиков.

Ценный вклад в разоблачение домыслов врагов социализма внесла работа М. В. Нечкиной, Ю. А. Полякова, Л. В. Черепнина «О пройденном пути. Советская историческая наука — неотъемлемая часть культурных завоеваний нашей Родины».

В глубоком раскрытии полной несостоятельности лженаучных концепций «вечности национализма», «фатальности» национальных конфликтов важная роль принадлежит коллективной монографии «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» (М., 1972). Аргументированная научная критика буржуазных фальсификаторов национальных отношений в СССР дана в книге Э. Баграмова «Национальный вопрос и буржуазная идеология» (М., 1966), где, в частнос-

ти, разоблачаются попытки подмены социального биологическим при объяснении причин расовых конфликтов.

Акад. М. Б. Митин в своих трудах убедительно раскрывает беспочвенность идей антропологизма, рассматривающего человека как преимущественно биологическое существо.

В монографии И. Грушева и О. Чеченкиной «Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС» (М., 1974) показана абсурдность противопоставления взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса взглядам В. И. Ленина по национальному вопросу, дан отпор тщетным потугам наших недругов бросить тень на такую великую победу ленинизма в национальном вопросе, как образование СССР.

Критике буржуазных теорий национальной политики КПСС посвятили свои работы узбекский историк Г. Хидоятов («Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба»), дагестанский ученый Х. М. Халмухамедов («Национальный вопрос в идеологической борьбе двух систем в современных условиях») и др.

Создана обширная литература, убедительно опровергающая трактовку буржуазными авторами победы Октябрьской революции в национальных районах.

В ней развенчаны мифы о «случайности», «исторической незакономерности», «ненародности» Октябрьской революции, якобы «специфически русском» характере Советской власти. Подобные концепции разоблачены в критических работах М. П. Кима, И. Зенушкиной, Х. Иноятова, Г. Хидоятова, Л. Нагорной, Р. Симоненко и других советских историков. На основе большого круга источников авторы опровергли тезисы американских «советологов» о том, что Октябрьская революция будто бы не пользовалась поддержкой нерусских народов России, в частности Средней Азии и Украины.

В книге Г. Галояна «Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии» показано вся фальшь измышлений зарубежных клеветников в отношении социалистических мероприятий Бакинской коммуны, их утверждений об «агрессивности» политики Советской России в Закавказье.

Х. Иноятв в книге «Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане» (Ташкент, 1962) раскрыл абсолютную необоснованность тезиса буржуазных авторов об отсутствии закономерностей и предпосылок для пролетарской революции в Туркестане и Казахстане.

В книге Г. Макаровой «Осуществление ленинской национальной политики в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.)» дано убедительное опровержение попыток буржуазных фальсификаторов исказить советскую национальную политику, представив ее как «колониализацию окраин».

М. Куличенко в своем труде «Решение национального вопроса в СССР в искаженном свете буржуазной историографии» затронул вопросы образования Украинской, Белорусской и других советских республик и вскрыл антинаучный характер освещения этих проблем в буржуазной историографии.

Труды советских историков В. А. Штейнберга, А. А. Дризулиса, А. Коопа, В. Миллера внесли существенный вклад в разоблачение измышлений буржуазных историков о том, что прибалтийские советские республики якобы лишены суверенитета.

Критика тезиса буржуазных историографов об отсутствии классово-вой дифференциации среди башкир накануне Октября и вытекающей отсюда якобы неподготовленности их к идее Советской власти дана в

статье М. Абдулина «История Башкирской АССР в современной буржуазной историографии».

В статье В. Графского «Против буржуазных фальсификаций советского опыта национально-государственного строительства» опровергаются домыслы буржуазных авторов о «фиктивности» советской автономии и федерации, о «насильственной русификации» советских народов (Р. Пайпс), «советском тоталитарном империализме» (Х. Сетон-Уотсон), «игнорировании» на практике права наций на самоопределение (Б. Майснер) и др.

В работах В. Салова «Историзм и современная буржуазная историография» и «Критика современной буржуазной историографии ленинской политики КПСС по национальному вопросу» дана развернутая критика буржуазных идеологов, стремящихся встать на защиту обанкротившихся националистических течений и уклонов.

В книге Г. Хидоятова «Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм» опровергается целый комплекс грубых извращений истории Советской Средней Азии, включая тенденциозное освещение басмачества и отрицание достижений среднеазиатских республик.

Х. Иноятов в книге «Ленинская национальная политика в действии» и Г. З. Инамджанова в работе «Национальная государственность в Узбекистане и ее фальсификаторы» разоблачили измышления буржуазных авторов В. Монтея, Д. С. М. Уильямса, Х. Сетон-Уотсона о «дискриминации» представителей местного населения в органах управления государством, якобы «неравноправном» их положении.

Достойный отпор попыткам фальсификации советской истории Средней Азии дан в монографии К. Новоселова «Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии». На богатом фактическом материале автор опровергает домыслы буржуазных «советологов».

В книге Д. Рзаева «Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока» освещается диалектика развития национальных отношений в Средней Азии и Казахстане в период коммунистического строительства и в этой связи вскрываются методологические позиции и основные направления буржуазной фальсификации истории развития национальных отношений в СССР.

И все же, несмотря на кажущееся обилие общей и специальной литературы, отмечается недостаточная разработанность историографии данной проблемы.

Ныне назрела необходимость несколько большей дифференциации критических работ: 1-я группа — исследования, разоблачающие зарубежных фальсификаторов с точки зрения теоретических и программных основ проблемы; 2-я группа — труды, критикующие буржуазные концепции по отдельным, наиболее крупным проблемам истории разрешения национального вопроса в СССР; 3-я группа — работы, освещающие советскую национальную политику по Союзу в целом или по отдельным регионам и республикам.

Прямой долг советских историков — еще более усилить оперативность, наступательный характер разоблачения реакционной буржуазной историографии, «своевременно давать достойный отпор идеологическим диверсиям империализма и его приспешников», выступать «против любых форм оппортунизма и ревизионизма», изучать «особенности и методы идеологической борьбы на международной арене на современном этапе», как этого требует опубликованное в мае 1979 г. постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

А. У. УЛЬМАСОВ, Т. Д. КАСЫМБЕКОВ

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

Современный этап противоборства двух мировых систем характеризуется неуклонным изменением соотношения сил в пользу социализма. При этом по мере углубления общего кризиса капитализма резко обостряется идеологическая борьба. Все это требует «своевременно давать достойный отпор идеологическим диверсиям империализма и его приспешников. Вести последовательную борьбу против любых форм оппортунизма и ревизионизма»¹.

Составной частью современной буржуазной идеологии являются концепции буржуазных «специалистов» по экономическим проблемам республик Советского Востока. Современная «советология» отличается активизацией издательской деятельности ее представителей, согласованием их позиций, стремлением придать своим суждениям псевдонаучную базу, расширением сферы «исследований».

Главная черта ее — частая смена одних концепций другими, лихорадочные поиски новых доводов и аргументов в пользу своих взглядов. Эти маневры «советологов» направлены на достижение неизменной цели — дискредитацию марксистско-ленинской теории и опыта реального социализма в республиках Советского Востока.

Активизация «советологов» обусловлена растущим влиянием советского опыта решения проблем социально-экономического развития ранее угнетенных народов, совершивших в исторически короткие сроки переход некапиталистическим путем к социализму. Этот опыт имеет огромное значение для развивающихся стран, встающих на путь социалистической ориентации.

Тревогу буржуазных идеологов по этому поводу выразил еще в начале 60-х годов М. Хиндус. В своей работе «Дом без крыши...» он писал: «...Азиат, африканец, гость из любой слаборазвитой страны, который приезжает в Ташкент, может сравнивать нищету своей Родины с достижениями Узбекистана. Вот что придает кремлевской формуле развития глобальное значение»².

Канадский «советолог» Мобин Шориш в статье «Советская стратегия развития в Средней Азии» выражает свое опасение тем, что «среднеазиатские республики — культурный и экономический мост для распространения советского влияния на страны Востока»³.

За последнее время буржуазные «советологи» стали чаще писать о «советской модели» экономического роста и ее приемлемости или неприемлемости для развивающихся стран в сравнении с «западными моделями». Критический анализ советского опыта экономического раз-

¹ «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. М., 1979, с. 19.

² House without a roof. Russia after forty-three years of revolution. By Mauris Hindus. New York, 1961, p. 489.

³ „Canadian Slavonic papers“, 1975. v. XVII, N 2—3, p. 407.

вития ранее отсталых народов буржуазными идеологами преследует не только чисто идеологические, но и практические цели, которые состоят в обосновании рекомендаций по выработке эффективной неоколониалистской политики, призванной воспрепятствовать социалистической ориентации развивающихся стран.

С этой целью вырабатывается новая идеологическая стратегия империализма, суть которой состоит в постепенном отходе от пресловутой схемы «советского тоталитаризма» в противовес «демократическому Западу» и замене ее концепцией «единого пути» развития человечества.

Иначе говоря, будучи бессильными отрицать очевидные достижения реального социализма в республиках Советского Востока, буржуазные авторы тщатся объяснять их в плане «общей модернизации».

С точки зрения социальной направленности, «теория модернизации» по существу мало чем отличается от других теорий. Ее авторы тщатся расчленить единое понятие социализма на различные «модели».

Такое отступление от теории «тоталитаризма» не случайно. Оно связано с социальными процессами, происходящими в республиках Средней Азии, развитием демократических начал и свобод, которые гарантированы новыми Конституциями СССР и союзных республик.

Авторам «теории модернизации» приходится учитывать и огромные успехи индустриального развития республик Средней Азии.

Новая схема представляет собой более завуалированный способ фальсификации социализма. И прежде всего, нельзя не обратить внимания на ее методологическую несостоятельность.

Сквозь призму этой схемы история всех стран и народов предстает как непрерывное целое, на поверхности которого различается лишь смена циклов экономической конъюнктуры. Социальные революции исключаются этой «теорией» в принципе. Прогресса можно добиться и без социальной революции — таков главный вывод, вытекающий из теории «модернизации» и «экономического роста».

Достигнутый уровень экономического роста республик Средней Азии объясняется не результатом развития их на путях социализма и бескорыстной помощи народов России, а лишь влиянием промышленно более развитой нации на отсталую.

На Западе ныне весьма распространена концепция экономического развития республик Средней Азии с нулевой базы роста. Наиболее видный ее представитель, профессор политэкономии Ч. Уильбер в своей книге «Советская модель и слаборазвитые страны»⁴ утверждает, что высокие темпы роста экономики Средней Азии объясняются нулевым характером исходной базы индустриального развития. Отсталость последней, по его мнению, «должна давать высокие нормы роста». Другим фактором роста признаются большие капитальные вложения. Однако у Ч. Уильбера накопление выступает само по себе, вне связи с производственными отношениями социализма. Позиция Ч. Уильбера всецело опирается на буржуазные концепции экономического роста, когда связь между исходным уровнем, накоплением и темпами роста рассматривается без учета социально-экономических условий.

Концепция «нулевой базы» Ч. Уильбера всецело опровергается при сравнительном анализе темпов экономического развития стран с одинаковым исходным уровнем, но идущих различными путями. Такой

⁴ Wilber Ch. The Soviet model and underdeveloped countries. Washington, 1967; Soviet model for underdeveloped countries.— „Soviet studies“, 1974, p. 381.

анализ наглядно показывает преимущества социалистических производственных отношений, чего, разумеется, не хотят признавать, вопреки фактам и логике исторического развития, буржуазные «советологи».

Будучи бессильными опровергнуть высокие темпы и уровень развития производства в республиках Советского Востока, буржуазные «советологи» пытаются совершить обходной маневр. Свидетельством тому служит восхваление ими экономической политики царизма и экономического уровня дореволюционной Средней Азии (вопреки концепции «нулевой базы роста!»).

Буржуазные экономисты извращают смысл и закономерности выравнивания экономического развития союзных республик. Выравнивание они объясняют «внеэкономическими факторами», военно-стратегическими и идеологическими соображениями. Об этом свидетельствует толкование проблемы выравнивания в работе В. Н. Бендеры и З. Л. Мельник «Советская экономика в региональной перспективе»⁵. Эти авторы рассматривают равенство регионов как побочный продукт развития в целом, полагая, что регионы СССР, имеющие важное оборонное значение, будут развиваться быстрее, даже если это «экономически нерационально».

Буржуазные теоретики тщетно выискивают «противоречия» между выравниванием и эффективностью, видя под последней концентрацию совокупного продукта, трактуемого с позиций «предельной полезности».

Так буржуазные «советологи» отрицают объективную обусловленность выравнивания самой сущностью экономической системы реального социализма, непосредственную связь процесса выравнивания с повышением эффективности общесоюзного производства, его закономерный характер, а главное — выравнивание отрывается от действия общих для страны экономических законов.

Вынужденные отказаться от огульного отрицания прогрессивных сдвигов в народнохозяйственной структуре республик Советского Востока, буржуазные теоретики прибегают к разным приемам и средствам, чтобы преуменьшить достижения реального социализма, доказать их «случайный», «преходящий» характер, «неэффективность» и даже «вредность» для «национальной самобытности» республик Советского Востока.

Современные буржуазные концепции структурных перемен в производстве представляют собой схемы, в основе которых лежат методологические принципы различных школ буржуазной политэкономии. Анализ экономики с этих позиций заводит «советологов» в тупик, что вынуждены признать даже некоторые буржуазные авторы. По словам американского экономиста О. Зинама, «применение некоторых принципов неоклассической политэкономии в рамках коллективистской экономики наталкивается на почти непреодолимые трудности»⁶. Поэтому буржуазным идеологам приходится конструировать все новые концепции для «критического анализа» экономики республик Советского Востока⁷.

Коренные преобразования в структуре производства в Средней Азии наши недруги объясняют с позиций теорий «командной» экономики и «коммунистического колониализма», но если ранее уже в самих

⁵ B a n d e r a V. N. and M e l n i c Z. L. The Soviet economy in regional perspective. New York, 1973, p. 295.

⁶ Z i n a m O. The Soviet dilemma: Autarchy... „Comparative economic system“. New York, 1969, p. 19.

⁷ „Asian affairs“, Oct. 1976, v. 63, part III, p. 304.

названиях работ «советологов» фигурировали понятия «новый», «красный империализм», «советский коммунистический колониализм», то сейчас массированное наступление на марксистскую теорию и практику национальных отношений в СССР ведется в работах под внешне «безобидными» названиями. Но суть их писаний остается неизменной.

Так, если Д. Фильдхауз заявлял о том, что Средняя Азия «осталась колониальной во всех отношениях»⁸, то Ф. Кун пишет о существовании здесь «колонии советских комиссаров»⁹.

Проповедники «коммунистического колониализма» заняты поиском новых «доказательств» в пользу своих суждений. Некоторые из них аргументировали свои взгляды «сверхспециализацией» Средней Азии на хлопководстве, умалчивая о мощном промышленном комплексе наших республик. Однако этот довод оказался явно не убедительным. Поэтому другие буржуазные авторы ищут подтверждения своим взглядам в принципе «хозяйственной автаркии и самообеспеченности собственной продукцией». Образец такого приема показывают американские экономисты Я. Мюррей-Матлей и О. Зинам. О. Зинам прибегает к ревизионистским приемам извращения марксизма, стремясь отыскать «противоречие» между теорией научного коммунизма и реальным социализмом. Он приписывает марксизму чуждые ему идеи. Так, марксистское положение о свободном и независимом развитии наций и народностей предстает в «освещении» О. Зинама как идея «хозяйственной изолированности», «автаркии» их экономической жизни, чему якобы соответствует принцип самообеспеченности. Логика фальсификатора такова: раз экономика республик Средней Азии является открытой, т. е. ее развитие основывается на многосторонних связях с другими регионами страны, то это не соответствует теоретическим положениям марксизма.

Между тем марксизм никогда не защищал принцип хозяйственной автаркии отдельных регионов. Напротив, в трудах классиков марксизма-ленинизма подробно говорится о закономерности и необходимости развития экономических взаимосвязей народов.

Экономика Средней Азии — органическая часть единого народно-хозяйственного комплекса СССР. Производственные связи Средней Азии с другими районами страны базируются на принципах общесоюзного, межреспубликанского разделения труда, сотрудничества и взаимопомощи народов, обусловленных преимуществами экономической системы социализма. Эти связи органически сочетают в себе интернациональные и национальные экономические интересы народов СССР, выступают фактором ускоренного их экономического развития.

Буржуазные же «советологи» в качестве основы эффективности производственного комплекса выдвигают «принцип самообеспеченности», «универсальную» хозяйственную структуру, что противоречит объективным тенденциям развития, обусловленным экономическими законами социализма.

В рамках общесоюзного разделения труда каждая союзная республика имеет главное направление специализации. Отсутствие производства тех или иных видов продукции не препятствует расширенному воспроизводству, ибо союзные республики на базе планомерного обмена материальными ценностями на основе кооперации достигают удовлетворения всех своих потребностей. Ярким показателем эффективного функционирования производственного комплекса служит ди-

⁸ Fieldhouse D. The Colonial empires. A comparative survey from the eighteenth century. L. 1966, p. 339.

⁹ Kuhn F. Russia on our minds. New York. 1970, p. 33.

намизм экономического роста, характерный для всех республик Советского Востока, особенно в условиях зрелого социализма.

В целях дискредитации реального социализма буржуазные «советологи» прибегают к вульгаризации положения марксизма о взаимодействии производства и потребления при социализме, отрицают направленность социалистического производства на повышение благосостояния народа.

Впрочем, отдельные буржуазные авторы вынуждены все же признавать достижения наших республик в повышении уровня жизни народа. Но они пытаются «объяснить» это стремлением Советского государства к «демонстрации эффекта» в глазах народов «третьего мира». Пускаются в ход и иные домыслы. Так, Ч. Уильбер объявляет достижения республик Средней Азии результатом создания «тоталитарной экономики», которой, дескать, свойственны административное принуждение к труду, отмена материальных стимулов, подчинение всех ресурсов интересам производства в ущерб потреблению.

Не жалеет мрачных красок для очернения социалистического способа хозяйствования и В. Конолли. Она пишет, что «советская модель приемлема, если отбросить проблему занятости, срывов в обеспечении населения, промышленный хаос, компетентность советской системы планирования»¹¹. В противовес экономической системе реального социализма идеологи антикоммунизма выдвигают идеи государственного капитализма или ревизионистскую модель социализма. В их конструкции такая модель включает групповую собственность в анархосиндикалистском понимании и в сочетании с индивидуальной собственностью, децентрализацию планирования и управления, допущение свободного рынка и проч., т. е. в сущности реставрацию капитализма.

Из анализа экономических воззрений буржуазных «специалистов» по Средней Азии можно сделать следующие выводы:

1. Цели «советологии» выходят за пределы чисто идеологической борьбы против коммунизма — она направлена на выработку практических альтернативных мер (экономического и политического характера) для противостояния социалистической системе.

2. Ее методология синтезирует в себе теоретико-методологическое наследие вульгарной политэкономии, неоллиберализма и других направлений буржуазной экономической мысли. Субъективно-идеалистическая в своей основе, она, говоря словами В. И. Ленина, является «негодным продуктом негодного общества».

3. Эволюция «советологии» соответствует эволюции буржуазной политэкономии, что следует учитывать при критике домыслов буржуазных «советологов».

4. Марксистско-ленинскую критику «советологии» необходимо строить с учетом специфики двух ее основных направлений:

- а) открытого антисоветизма и антикоммунизма;
- б) умеренно-либерального направления, широко использующего методологическое наследие буржуазной политэкономии, тонкие, изощренные приемы.

Таким образом, фальсификаторы экономического развития республик Советского Востока преследуют цель извратить исторический процесс развития бывших колониальных народов к социализму и коммунизму, их достижения на этом пути и тем самым ослабить притягательную силу этого опыта в глазах народов развивающихся стран.

¹¹ Conolly V. The Economy of Central Asia.—In: The Far East and Soviet Union economy, Bruxelles, 1970, p. 381.

Л. П. КАЮМОВ

УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ КРИТИКИ

Узбекская литература — одна из древних в мире. Возраст ее фольклора измеряется тысячелетиями. Старейшему из известных сегодня письменных памятников узбекской литературы — «Кутадгу билик» — недавно перевалило за девятьсот лет. Эта литература дала миру Алишера Навои, десятки его последователей, поэтов высокого звучания — Бабура, Машраба, Турди, Гульхани, Махмура, Нодиру, Огахи, Мукими, Фурката...

Важнейшим, наиболее зрелым в истории развития узбекской литературы стал период социалистического реализма. Зрелость эта проявилась в творчестве Хамзы Хаким-заде Ниязи, Садриддина Айни, Абдуллы Кадыри, Айбека, Гафура Гуляма, Хамида Алимджана, Абдуллы Каххара и ныне плодотворно работающих Уйгуна, Яшена, Шафа Рашидова, Зульфийи и многих других.

Узбекская литература сегодня имеет многомиллионную аудиторию и читается в оригинале, в переводах на русский и другие языки народов СССР, а также зарубежных стран. Она умножает мировую славу многонациональной советской литературы, рассказывает в художественных образах правду о советской действительности, о нашей истории, нашем образе жизни. Партия не раз отмечала, что писатели находятся на самом переднем крае идеологической борьбы. Яркий пример тому являет творческая деятельность лучших узбекских советских писателей.

Узбекская литература служит объектом глубоких исследований советских литературоведов и наших коллег из социалистических стран. Высокую оценку дают ей прогрессивные писатели, объективные ученые капиталистических стран.

В 1978 г. в Ташкенте состоялся форум писателей стран Азии и Африки, посвященный 20-летию Ташкентской конференции. Материалы форума публиковались на страницах информационных бюллетеней, издававшихся на русском, английском, французском, арабском языках. Недавно они опубликованы отдельной книгой на русском языке Государственным издательством литературы и искусства Узбекистана им. Гафура Гуляма. В ней крупнейшие писатели Азии и Африки делятся своими мыслями о нашей жизни, культуре и, в частности, высоко отзываются об узбекской литературе.

В 1977 г. в Торонто на украинском языке вышла книга канадского ученого и писателя Петра Кравчука «На трех континентах». Автор делится своими впечатлениями о пребывании в Африке, Азии, Европе. Одна глава книги называется «Узбекистан». Это правдивый рассказ о нашей республике, различных аспектах ее жизни, в том числе

литературной. В Узбекском обществе дружбы и культурной связи с зарубежными странами в Ташкенте состоялась наша встреча с автором этой книги, в ходе которой мы говорили и о литературе Узбекистана.

В 1979 г. Издательство «Прогресс» выпустило на русском и английском языках книгу «По Советскому Союзу», которую написали Алекс ла Гума и Андре Ремакль. Много страниц уделяет в ней председатель ассоциации афро-азиатских писателей Алекс ла Гума Узбекистану, его литературе.

Эти и другие зарубежные авторы успешно продолжают лучшие традиции прогрессивной мировой литературы, подлинных друзей нашей страны Ромена Роллана, Анри Барбюса, Бернарда Шоу, Рабиндраната Тагора, Пабло Неруды, Назима Хикмета, Фаиза Ахмада Фаиза и других великих писателей.

Правда о нашей стране, в том числе Узбекистане, его литературе, достигает самых отдаленных уголков планеты. Это пугает наших недругов, идеологов антикоммунизма, и они стремятся всячески исказить советскую действительность, очернить национальную политику КПСС и т. д.

Формы идеологической диверсии буржуазных «советологов» весьма многообразны. Так, они стараются запугать русских лживыми демографическими прогнозами, пророчествуя о «поглощении» русских в будущем «азиатами». В то же время они хотят запугать нерусские народы СССР «стремлением России русифицировать их». Буржуазные идеологи делают ставку на оголтелый национализм, стремясь разобщить народы, вызвать между ними взаимное недоверие и рознь. Многоязычный «Голос Америки» упорно рассеивает в эфире бациллы национализма. Ядовитыми идеями национализма отравлены и «литературные беседы» этого и прочих враждебных нам «голосов».

Наши недруги считают национализм действенным оружием в борьбе с коммунизмом. «Только с национальностями СССР связана вероятность краха коммунизма или, по крайней мере, политического единства СССР», — писала французская газета «Фигарс» в 1978 г. А еще раньше небезызвестный антисоветчик З. Бжезинский утверждал: «Национализм может явиться силой, способной бросить вызов власти Советов».

В своей борьбе с теорией и практикой научного социализма идеологи антикоммунизма пытаются использовать и литературу. Они стремятся внести раскол в среду советских писателей, особенно литераторов национальных республик.

В каждом писателе нашим идеологическим оппонентам очень хочется видеть националиста. И вообще они пытаются доказать, что генеральная идея развития литературы — национализм. Именно так изображают картину истории узбекской литературы XX в. профессор Колумбийского университета Эдвард Оллуорс в своей книге «Узбекская литературная политика», написанной в 1964 г. За эти годы она стала своеобразным пособием для молодых последователей Оллуорса. Если он представил в искаженном виде узбекскую литературу в целом, то они специализируются на фальсификации творчества отдельных писателей Узбекистана.

Авторитет многонациональной советской литературы во всем мире неуклонно возрастает, и нашим идеологическим оппонентам приходится менять свою тактику, прибегая к более изощренным фальсификаторским методам. Они всячески пытаются доказать, якобы среди советской творческой интеллигенции существует некая политическая

«оппозиция», в ряды которой зачисляются не только единичные «диссиденты», околотературные личности, но и не имеющие ничего общего с ними советские писатели.

Примером такой фальсификации может послужить работа Дэвида Монтгомери о Хамиде Алимджане, изданная в Канаде в 1975 г.

Народ назвал Хамида Алимджана певцом счастья. И это справедливо, ибо все свое творчество он посвятил воспеванию родного народа, счастья, данного ему Великим Октябрем.

Счастье — главная философская проблема, которую поставил и разрешил Х. Алимджан в своем многогранном творчестве. Это лейтмотив его поэзии. Социальной же основой темы счастья в его произведениях является советская действительность.

В лирике поэта самые интимные чувства получают широкое социальное звучание, а самые серьезные социальные мысли излагаются с глубокой сердечностью. Наглядный пример тому — его стихотворение «Самарканд 22 января 1924 года». Это одно из лучших произведений узбекской литературы, посвященных В. И. Ленину. В нем все-народная любовь к великому вождю описана в самый трагический момент — в день смерти В. И. Ленина.

Свои лучшие произведения Хамид Алимджан посвятил Коммунистической партии, В. И. Ленину, социалистической Отчизне. Он — автор многих полюбившихся народу лирических песен. Его социально-философская лирика составляет яркую страницу узбекской литературы.

В 1938 г. Хамид Алимджан написал поэму «Зейнаб и Аман», завершающую его размышления о философии счастья. В ней созданы образы новых людей, показаны черты новой, коммунистической морали. Ее героини Зейнаб и Аман разрушают старые обычаи, ставшие оковами в их любви. Такие попытки были и в прошлом, но кончались трагично. Эта поэма — новаторского содержания, это песня счастливой любви.

Таков вкратце литературный портрет Хамида Алимджана во всех объективных исследованиях. Ничего общего с ними не имеют рассуждения Дэвида Монтгомери. Например, в 1937—1938 гг. Хамид Алимджан создал цикл замечательных лирических стихотворений. Отрицать их ценность невозможно. Это понимает и Монтгомери. Однако, насилюя факты, он стремится втиснуть творчество Хамида Алимджана в свою предвзятую схему.

«Лирическая поэзия Алимджана этого периода, — пишет Монтгомери, — чувствительна и интимна, так как отражает его сильную любовь к его жене, семье и природе, которые обрисованы почти как некое убежище от зла (?).

В нескольких случаях встречается тема ночных размышлений, указывающая, возможно, на то, что некоторые решения и выборы, которые Алимджану пришлось принять публично, не пришли к нему с быстротой и легкостью (?).

Все это — сплошной домысел фальсификатора. Хамид Алимджан всю свою жизнь твердо стоял на правильных, партийных позициях и принимал свои решения вовсе не так, как фантазирует Д. Монтгомери, рассчитывая на неосведомленного читателя.

В предисловии к своей работе Д. Монтгомери пишет: «Эта статья в большей степени основана на трех докладах, представленных автором к трем разным конференциям по части азиатских исследований: «Хамид Алимджан (1909—1944) — советский поэт и публицист» (Западная конференция Ассоциации по азиатским исследованиям, сентябрь 1973 г., Альбукерк, Нью-Мексико), «Хамид Алимджан: успех

карьеру и литературное признание в Советском Узбекистане» (Конференция Среднего Запада по азиатским делам, ноябрь 1974 г., Лоренс, Канзас), «Зейнаб и Аман» — любовь и женское раскрепощение в советском узбекском колхозе в 1930-х годах; стихотворная повесть «Хамида Алимджана» (Западная конференция Ассоциации по азиатским исследованиям, декабрь 1974 г., Темпе, Аризона).

Автор планирует продолжить исследование этой темы с большей широтой и глубиной».

Можно только догадываться, сколько еще лжи нагромоздил Д. Монтгомери, стремясь извратить содержание и сущность творческого наследия выдающегося узбекского советского поэта и публициста.

К примеру, взятый факт гибели Хамида Алимджана. Известно, что он попал в автомобильную аварию в кишлаке Дурмень. Эта трагедия до сих пор шемит сердце нашего народа. Еще есть свидетели, бывшие с ним в той машине, — Уйгун, Чустн. Факт этот описан в книгах, воспоминаниях. Особенно детально рассказывается об этом в содержательной книге Наима Каримова «Хамид Алимджан», опубликованной в Ташкенте в 1979 г. Издательством «Еш гвардия».

А Дэвид Монтгомери на этот ясный факт напускает туман с «многозначительным» подтекстом. «3 июля 1944 года, — утверждает он, — переходя через улицу в Ташкенте, он попал под удар налетевшего грузовика и был убит(?)». А в сноске Д. Монтгомери добавляет: «Все источники сходятся на том, что Алимджан погиб в автомобильной катастрофе. Оллуорс в личной беседе добавил кое-что (?) о характере катастрофы (апрель 1974 г.)».

Так буржуазные фальсификаторы извращают общезвестные факты, не гнушаясь любыми домыслами.

Вот как размышляет Д. Монтгомери о судьбе Хамида Алимджана: «Можно лишь спекулировать относительно того, как сложилась бы его дальнейшая карьера, если бы он еще жил потом. Он в течение пяти лет исполнял обязанности председателя союза узбекских писателей, что было самым долгим сроком пребывания в должности по тем временам».

В послевоенный период произошла переоценка советской и узбекской литературы, прежняя снисходительность, допускавшаяся для целей прославления известных аспектов прошлого, была изжита. Перевод (?) «Алпамыша» Алимджаном и его драма «Муканна» подверглись критике. Алимджан был бы, по всей вероятности, заменен как глава союза писателей, но поскольку не было послевоенной «чистки» узбекской литературной общественности, он, вероятно, продолжал бы работать как плодовитый и зарекомендовавший себя в печати писатель».

Все это словоблудие, направленное на то, чтобы очернить и самого поэта, и политику партии в отношении литературы, художественной интеллигенции вообще, не имеет ничего общего с реальной действительностью. Хамид Алимджан прочно занял почетное место в истории узбекской советской культуры. Многотысячными тиражами на разных языках печатаются его произведения, о нем пишутся книги, ставятся на сценах его пьесы, открыт дом-музей Х. Алимджана, ему установлен памятник, широко отмечаются юбилеи поэта. Его именем названы колхозы, школы, библиотеки, станция Ташкентского метро. Все это ярко свидетельствует о неизменно высокой оценке партией и народом творчества Хамида Алимджана, отдавшего весь свой большой талант, всю свою жизнь делу беззаветного служения великим идеям коммунизма. Но какое дело буржуазным фальсификаторам до

реальных фактов! Не считаясь с ними, извращая их, они продолжают всячески чернить нашу действительность, нашу культуру, в том числе литературу Советского Узбекистана.

Идеологи антикоммунизма усиленно пытаются представить сегодняшнюю советскую литературу как «расколовшуюся» и в этих целях они готовы на все.

Так, Гедрик Смит в статье «Советский писатель в фаворе, несмотря на жесткую линию» («Нью-Йорк таймс», 1974 г., 4 июня) заявил, что Чингиз Айтматов «критикует изгнанного романиста Александра И. Солженицына и, однако, втайне кажется растроганным нравственными проблемами» (?!).

Выдающийся деятель современной советской литературы Чингиз Айтматов и презренный отщепенец Солженицын стоят на диаметрально противоположных идейных позициях. Но реальные факты не имеют для фальсификаторов никакого значения. Им ничего не стоит сравнить несравнимое. «Айтматов,— пишет Г. Смит,— косвенно осветил сталинизм без той документальной силы, какую использовал г-н Солженицын». Вольно же фальсификатору возводить ложь антисоветских писаний Солженицына в ранг «документальной силы»! Но причем здесь Чингиз Айтматов? А при том, что очень уж хочется Г. Смицу доказать, что Солженицын не одинок, а заодно и очернить Ч. Айтматова.

И таких клеветников в стане «советологов-литературоведов» немало.

Например, Горольд Р. Беттерсби написал статью «Аскад Мухтар — узбекский писатель и его произведения», опубликованную в «Сентрал Эйшетик джорнэл» в 1971 г. Вот как трактуется в ней язык романов А. Мухтара: «Хотя Мухтар знает русский язык, он не очень насыщает свои произведения словами, заимствованными из него. Оллуорс берет для примера последние 337 слов из последней главы «Сестер» (1955 г. издания) и находит лишь 22 слова, заимствованные из русского языка или через него. Это составляет 6,5%. Небольшая цифра, если учесть все аспекты русского влияния, и ее можно считать абсолютно нормальной».

Автор явно игнорирует тот факт, что в художественном произведении достоверность достигается и через язык персонажей. А роман «Сестры» охватывает события 20-х годов, и язык того времени передан весьма реалистично. Литературоведческие каноны «забываются», когда надо во что бы ни стало выискать в писателе «национализм» и приписать ему стремление «противостоять русскому влиянию».

Таких примеров можно привести очень много. Они еще и еще раз убеждают наших литераторов, ученых в необходимости вести повседневную наступательную борьбу против буржуазных фальсификаторов теории и практики литературного процесса в нашей стране, в том числе в Узбекистане, нести миру правду о нашем образе жизни и его составной органической части—многонациональной советской литературе, прочно стоящей на позициях социалистического реализма, служения великому делу партии и народа, делу коммунизма.

А. ХОДЖАЕВ

МАОИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОГО ШОВИНИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА

За последние два десятилетия советскими учеными проведена большая работа по изучению теоретической и практической деятельности руководства Китая. Она убедительно подтвердила, что идейной основой внутренней и внешней политики Пекина является реакционная, великодержавная, шовинистическая и националистическая идеология, получившая название «маонизм».

Ныне мы знаем, что идеология маонизма как идейно-политическое течение в КПК сформировалась в начале 40-х годов в острой борьбе двух линий, двух тенденций в коммунистическом движении Китая — пролетарско-интернационалистской, с одной стороны, и мелкобуржуазно-националистической, — с другой. Прежде чем выйти на мировую арену, маонизм длительное время развивался внутри китайского революционного движения под видом «применения марксизма-ленинизма в условиях страны»¹.

В обстановке быстрого роста влияния марксизма как в мировом революционном движении, так и в Китае носители националистического идейно-политического течения вынуждены были скрываться под личиной «верных приверженцев марксизма-ленинизма». Долгое время им удавалось ловко маскировать свою классовую сущность и великодержавно-националистические цели. Это, естественно, затрудняло понимание идеологии маонистов в самой КПК и в мировом коммунистическом движении. Поэтому до начала так называемой «культурной революции» она воспринималась как результат ошибок и заблуждений группы китайских руководителей, как «особый курс» на международной арене и в мировом коммунистическом движении.

В годы пресловутой «культурной революции» действия носителей великодержавно-шовинистического идейно-политического течения во главе с Мао Цзэдуном полностью обнажили их подлинную классовую и идейную сущность.

После тщательного изучения советскими учеными документов о жизни и деятельности КПК, ставших известными за последние 20 лет, стало понятным, что с самого начала возникновения маонистского идейно-политического течения главным стержнем его явился реакционный великоханьский шовинизм и национализм. Он определил не только теоретические «экскурсы» носителей этого идейно-политичес-

¹ См.: «Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэ-дуна». М., 1969; «Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна». М., 1970; Румянцев А. М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна». М., 1972; «Критика теории и практики маонизма». М., 1973; Титов А. С. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК. М., 1979, и др.

кого течения, но и их практическую деятельность как внутри страны, так и за ее пределами.

На первом этапе китайской революции националистическая черта маоизма воспринималась как революционная идея, ибо в то время она была направлена на освобождение Китая от влияния империалистических держав и реакционного проимпериалистического чанкайшистского режима. В дальнейшем, по мере перехода китайской революции к решению социальных задач, постепенно обнажалась принципиальная несовместимость маоистского национализма с целями национального и социального освобождения трудового населения Китая. После победы народной революции 1949 г., в процессе ее перерастания в социалистическую революцию, мелкобуржуазно-националистическая идеология маоистского руководства Китая и ее враждебность подлинно социалистическому переустройству китайского общества становятся все более очевидными. Дальнейшее ее развитие и конфронтация с реальным социализмом и научным коммунизмом стали закономерным проявлением классовой сущности и идейно-теоретической платформы маоистов.

Говоря о буржуазном национализме, В. И. Ленин указывал: «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мирозозерцания) в национальном вопросе»².

История КНР за прошедшие 30 лет еще раз показала правильность этого ленинского положения о классовой сущности буржуазного национализма.

Впервые великодержавно-шовинистическая идеология маоизма открыто проявилась в начале 50-х годов в решении национального вопроса, прежде всего при определении статуса некитайских народов, насильственно подчиненных правительством цинского Китая в XVII—XVIII вв. (Многие из этих народов имели собственную государственность, которая была уничтожена цинскими завоевателями). Участвуя в китайской революции, они надеялись, что принятая на II съезде КПК (1922 г.) программа, предусматривавшая их объединение с китайским народом на основе демократической федерации, будет претворена в жизнь. Положение этой программы о создании в рамках Китая союза нескольких республик было закреплено в документах последующих съездов КПК³.

Однако в период образования КНР ее руководство во главе с Мао Цзэдуном, отказавшись от принципа федеральности Китая, лишило некитайские народы права на создание собственной государственности и даже национальных коммунистических партий. Практически оно придерживалось в этом вопросе традиционного для правящих кругов старого Китая воззрения о том, что сохранение собственной государственности некитайских народов не может гарантировать вечной сохранности позиций Пекина на их территории.

Содержание идеологии маоизма с самого начала составляла великодержавно-шовинистическая идея превращения Китая в мощное милитаризованное государство, способное обеспечить маоистам мировую гегемонию. Она была четко сформулирована в выступлении Мао

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 123.

³ Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975.

Цзэдуна в 1959 г. на совещании Военного совета ЦК КПК. «Мы, — заявил он, — должны покорить весь земной шар»⁴.

Еще в начале 40-х годов маоисты под лозунгом «новой демократии» выступили за ревизию коренного положения марксизма-ленинизма о всемирно-исторической миссии рабочего класса, за подмену ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую концепцией «новодемократической революции» как «чисто крестьянской», которая должна привести к диктатуре «всех революционных патриотических классов», включая национальную буржуазию⁵. В этот период маоисты под видом «применения марксизма-ленинизма в Китае с учетом его особенностей и специфики» фактически выступили за снижение роли рабочего класса в революционном процессе. Концепция «особой роли» крестьянства и мелкой буржуазии в китайской революции преподносилась как «новый вклад» Мао Цзэдуна в марксизм-ленинизм, как «вершина» его развития. Кроме того, уже в тот период Мао Цзэдун выдвигает «теорию» о том, что мировая война является одним из факторов социального прогресса⁶.

В 1949—1957 гг. маоисты, заявляя, якобы своими «новейшими достижениями» маоизм «превзошел» марксизм-ленинизм, претендовали на особую роль Китая в современном мире. Например, в закрытом выступлении на 2-й сессии VIII съезда КПК (1957 г.) Мао Цзэдун говорил: «В нашей практике мы превзошли Маркса...»⁷ А еще за два года до этого он заявлял: «Не должно случиться так, что спустя несколько десятилетий мы все еще не станем первой державой мира»⁸.

Одновременно с претензией на особую роль Китая в современном мире маоисты стали все откровеннее повторять, что для «полной победы» социализма над капитализмом необходима новая мировая война. В упомянутом выступлении на 2-й сессии VIII съезда КПК Мао Цзэдун говорил: «Если действительно разразится атомная война, не так уж это и плохо, в итоге погибнет капитализм, и на земле воцарится вечный мир»⁹. Подобное заявление маоисты повторили на московском Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г.

В течение семилетнего периода после победы китайской революции маоисты в основном стремились создать предпосылки для реализации своих шовинистических и гегемонистских устремлений. С 1958 г. они начали милитаризацию страны, пытаясь превратить китайское общество в общество «казарменного коммунизма». Они приступили также к проведению авантюристической экономической политики «трех красных знамен» и «большого скачка», закончившегося полным провалом и вызвавшего усиление противодействия оппозиционных сил Китая.

С этого момента маоисты начали готовиться к политическому контрреволюционному перевороту, воплощением которого стала пресловутая «культурная революция». Она закончилась насаждением в Китае антинародной военно-бюрократической диктатуры взамен прежней народно-демократической надстройки. Идеология маоизма офи-

⁴ Цит. по: Феоктистов В. Ф. Маоизм и судьбы социализма в Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», М., 1979, № 3, с. 145.

⁵ Там же, с. 147.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 148.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 149.

циально была объявлена общегосударственной, а «идеи Мао» — «вершиной марксизма-ленинизма» в нашу эпоху.

Во внешней политике Китая также произошли крупные изменения. Борьба маоистов против научного социализма вышла за рамки собственно Китая. Они стали навязывать мировому коммунистическому движению свою идеологию, и прежде всего свою линию по вопросам войны, мира и революции.

За семь лет, прошедших после культурной революции до смерти Мао (сентябрь 1976 г.), маоизм окончательно сформировался как идеология социал-шовинистической, милитаристской доктрины и практики, враждебной научному социализму, всем отрядам мирового революционного движения. Маоизм стал резервом сил империализма, агрессии и войны. Именно такой вывод и был сделан Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в докладе на XXV съезде КПСС.

Политика китайских руководителей, основанная на маоизме, как указал Л. И. Брежнев, «прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире... Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма... Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему»¹⁰.

Анализ многочисленных выступлений китайских руководителей, решений съездов и пленумов ЦК КПК, а также их практической деятельности внутри страны и за ее пределами показывает, что маоизм в своей сущности целиком остается официальной идеологией КПК и КНР. Нынешнее руководство Китая не только восприняло главное в маоизме — шовинизм, гегемонизм и национализм, но еще теснее сомкнулось с силами монополистической буржуазии, мировой реакцией, антикоммунизмом и антисоветизмом.

Смерть Мао Цзэдуна обострила борьбу в китайском руководстве. Однако в ней столкнулись лишь две тенденции носителей идеологии маоизма — левонационалистическая и правонационалистическая. И спор шел лишь по поводу тактической стороны «идей Мао Цзэдуна». Борьба эта привела, в конечном счете, к победе представителей правонационалистической группировки. Внешне те или иные действия нынешнего руководства Китая выглядят как бы дискредитирующими «идеи Мао», но в сущности они направлены на приспособление к новым условиям осуществления стратегических целей маоизма.

Обобщая теоретическую и практическую деятельность наследников Мао, можно отметить следующее:

1. В Китае происходит процесс усиления противоречий в экономической политике Пекина, сохранения маоизма в теории и отхода на практике от отдельных его установок, не пригодных в новых условиях; спекуляции на авторитете марксизма-ленинизма, а также повышения роли отдельных концепций Мао как «вершины марксистско-ленинского учения».

2. Наблюдаются усиление антисоветизма, великодержавного шовинизма и гегемонизма в теории и на практике; дальнейшее сближение с мировым империализмом на базе антисоветизма; активизация курса на срыв международной разрядки и усиление напряженности в различных регионах; стремление вовлечь международный рабочий класс и отдельные страны социализма в союз с империализмом для

¹⁰ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 10—11.

борьбы против Советского Союза. Сотрудничество Пекина с США и прочими реакционными силами в организации контрреволюции в Афганистане явилось еще одним наглядным примером этого внешнеполитического курса Китая.

Присущий маоизму великодержавный шовинизм и национализм имеет глубокие исторические корни.

Хотя возникновение маоизма относится к началу 40-х годов, его основы — великоханьский национализм и великодержавный шовинизм — сформировались много веков назад под непосредственным влиянием идеологии конфуцианства. Отношения Китая с соседними странами строились на представлении о величии и центральном положении Китая в мире, о превосходстве китайского народа над всеми другими народами. Например, более двух тысяч лет назад ханьский император, обращаясь к вождям соседних гуннов, говорил: «Хань правит с помощью силы и верности, возглавляя все государства. Все живущие под Солнцем и Луной являются его слугами»¹¹.

Из поколения в поколение у китайцев, особенно правящих кругов, воспитывавшихся на конфуцианских канонах, утверждалось отношение ко всем соседним народам как к «варварам», война с которыми считалась «священной», а сопротивление соседних народов китайской агрессии расценивалось как «бунт» и «разбойничество».

Китайские националисты различных эпох гневно осуждают завоевание Китая монголами, маньчжурами и другими народами и основание на его территории чужеземных династий, однако осуществлявшееся ими расширение пределов китайского государства безоговорочно признается «законным».

Неслучайно в современной исторической литературе КНР захватническая политика императоров, в частности маньчжурской династии Цин, именуется «объединением страны», отвечавшим «интересам китайской нации». Эта точка зрения нашла свое отражение и в официальной позиции правительства КНР, например в так называемом «Документе МИД КНР» от 8 октября 1969 г.¹²

Недаром уже с середины 60-х годов маоисты открыто отказываются признавать договоры, фиксирующие границы Китая, и требуют от соседних стран «вернуть» Китаю территории, некогда насильственно включенные в пределы Цинской империи.

Так, в 1954 г. Пекин претендовал на 1,5 млн. кв. км монгольской территории, в 1956 г. — на 70 тыс. кв. км бирманской, в 1959 г. — на 130 тыс. кв. км индийской, в 1964 г. — на 1,5 млн. кв. км советской территории¹³.

Затем масштабы территориальных претензий Пекина к СССР значительно выросли и теперь охватывают свыше 2 млн. кв. км (включая земли Средней Азии и Казахстана)¹⁴.

В целом же маоисты претендуют сейчас на огромную территорию — 3,2 млн. кв. км чужих земель, что равно 1/3 площади КНР

¹¹ Цит. по: Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы.— В сб. «Китай и соседи в древности и средневековье». М., 1970, с. 42.

¹² «Женьминь жибао», 1969 г., 8 октября.

¹³ Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975, с. 22; Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы.— «Международная жизнь», 1972, № 6.

¹⁴ Костиков Е. Д. Великодержавные амбиции и пограничная политика пекинского руководства.— «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, с. 60; Прохоров А. Указ. соч.

(9,9 млн. кв. км). Эти претензии нашли свое отражение и в изданном в Пекине в 1972 г. «Атласе мира».

«Обоснованию» этих территориальных требований служит изданная за последние годы обширная литература, включающая «изыскания» китайских археологов, историков и проч. Эти публикации грубо фальсифицируют историю соседних народов. Например, притязания Пекина на земли Средней Азии и Казахстана «аргументируются» тем, что эти районы в XIII в. были захвачены войсками Чингисхана, в них некогда бывали китайские послы, купцы и т. п.¹⁵

Советские ученые призваны своими серьезными исследованиями и впредь давать решительный отпор измышлениям маоистских фальсификаторов, их беспочвенным притязаниям на советские территории и земли других народов.

Прямым продолжением и ярким выражением агрессивной, великоханьско-шовинистической политики правителей Пекина явилось нападение 600-тысячной китайской армии в феврале 1979 г. на социалистический Вьетнам, оказывающий решительное противодействие политике пекинских гегемонистов. Героический вьетнамский народ, как известно, дал достойный отпор маоистским агрессорам.

В 1979 г. в Ханое были изданы некоторые дипломатические документы в виде небольшой книги под названием «Правда о китайско-вьетнамских отношениях за последние 30 лет»¹⁶. В них приводятся, например, факты о том, что еще в 1954 г., когда национально-освободительная борьба вьетнамского народа против французских колонизаторов подходила к завершающему этапу, за спиной Вьетнама Чжоу Эньлай вел переговоры с правительством Франции. При этом он предложил создать на территории Вьетнама два государства — на севере и юге — и высказался за дальнейшее присутствие Франции в Южном Вьетнаме. Так в тяжелый для вьетнамского народа момент, вместо поддержки его освободительной борьбы, Пекин шел на сговор с правительством Франции, чтобы не допустить усиления Вьетнама и держать его под своим влиянием. И, как видно из документов, длительное существование марионеточного режима в Южном Вьетнаме во многом было обусловлено предательской политикой маоистов. Когда США, вытеснив французоз, установили свое влияние в Южном Вьетнаме, Пекин пытался склонить правительство ДРВ придерживаться выжидательной позиции в отношении действий Белого дома.

В 1966—1967 гг. пекинское правительство требовало от ДРВ отказаться от помощи СССР¹⁷. Тем самым маоисты фактически выступали за сохранение американского присутствия на юге и установление своего влияния на севере Вьетнама.

На совести Пекина и трагедия Кампучии, и многие другие преступные акции, продиктованные все той же политикой великоханьского шовинизма и гегемонизма. Общеизвестны предательская политика маоистов в отношении национально-освободительного движения народов Арабского Востока, Ирана, Африки, Латинской Америки и т. д.

Основой идеологии маоизма на всех этапах его развития был и остается великодержавный шовинизм и великоханьский национализм.

¹⁵ Тихвинский С. А. Великоханьский гегемонизм и публикации на исторические темы в КНР.— «Вопросы истории», 1975, № 11; Гуревич П. Некоторые вопросы истории Казахстана и Средней Азии и их извращение в печати КНР.— «История СССР», 1979, № 2.

¹⁶ Шы тхай ве куан хе зыа Чунг куок ва Вьет нам ба мьой нам куа.— См. газ. «Нянзан», 1979 г., 5, 6, 7 октября.

¹⁷ Там же.

Маоизм является принципиальным противником научного социализма как внутри Китая, так и на международной арене.

Ведя непримиримую борьбу с маоизмом, наша партия и правительство не отождествляют маоизм и маоистов с китайским народом. КПСС и Советское государство, учитывая коренные интересы народов СССР и КНР, неизменно выступают за нормализацию отношений с Китаем. Эта последовательная линия неоднократно подчеркивалась в документах съездов КПСС, заявлениях Советского правительства, выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

А. М. МАСАЛИЕВ

О РЕАКЦИОННОЙ СУЩНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СИОНИЗМА

Среди сил, выступающих против социализма, демократии и социального прогресса, особое место в наше время занимает международный сионизм.

Как известно, сионизм как политическое течение возник в конце XIX в. Появление его было вызвано в первую очередь страхом еврейской эксплуататорской верхушки перед усилением классовой дифференциации, в частности среди еврейской части населения, вовлечением еврейских трудящихся в общую борьбу европейского и особенно русского пролетариата, «благодаря пробуждению героического самосознания среди еврейского пролетариата»¹. Сионизм был призван отвлечь еврейские трудящиеся массы от участия в нарастающей революционной борьбе, сохранить господство буржуазии, довольно влиятельную часть которой, в силу ряда причин, составляла еврейская буржуазия. Именно ради достижения этих классовых целей была разработана и начала усиленно пропагандироваться идеология сионизма.

Проповедники сионизма выдвинули в качестве основной цели возвращение всех евреев в Палестину, к «священной горе» Сион. Достижению этой цели должна была служить проповедь идей об «исключительности», «богоизбранности» евреев, о «всемирном» еврейском народе.

Практической основой для реализации этих целей должно было стать создание с помощью империалистических держав отдельного еврейского государства в Палестине. Эти идеи содержались, в частности, в книге «отца» и теоретика международного сионизма Теодора Герцля «Еврейское государство» (1896). В 1897 г. была основана Всемирная сионистская организация, провозгласившая официальной целью сионизма «создание для еврейского народа правоохраняемого убежища в Палестине».

Идеологическая платформа сионизма с самого начала представляла собою эклектическое переплетение ряда догм иудаизма, теорий буржуазного национализма, социал-шовинизма. В основу идеологии сионизма были положены утверждения о том, что все евреи, независимо от того, где они проживают, составляют «единую всемирную еврейскую нацию», «особый», «избранный богом» народ, что все народы, среди которых живут евреи, — антисемиты и вообще антисемитизм «извечен», что евреи, дескать, имеют «исторические права» на «земли предков» — Палестину и прилегающие к ней области, где им надлежит построить чисто еврейское государство. Таким образом, идеология

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 74.

сионизма с самого начала несла на себе отпечаток крайнего национализма, шовинизма и расизма.

Следует особо подчеркнуть, что возникновение и распространение сионизма отвечали целям международного империализма, в первую очередь английского и французского, и получали с его стороны всяческую поддержку. Это видно и из слов Т. Герцля, который говорил в 1900 г.: «Наше возвращение в страну отцов... представляет современнейший политический интерес для тех держав, которые чего-либо ищут в Азии»². Неслучайно усилия сионистов, направленные на обособление евреев от основной массы населения стран проживания, поощрялись реакционными кругами капиталистических стран. В. И. Ленин писал в этой связи: «Неужели можно объяснить случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются против ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность». Одновременно, говоря об одном из основополагающих тезисов сионизма — идее «исключительности» еврейского народа, В. И. Ленин оценивал ее как совершенно несостоятельную в научном отношении и реакционную по своему политическому значению»³.

Образование в 1948 г. государства Израиль на части территории Палестины ознаменовало новый этап в истории сионизма — последний был провозглашен официальной государственной идеологией Израиля. С этого момента идеология и практика международного сионизма приобрели особый размах. Правящие круги Израиля при поддержке международных сионистских организаций, а также правящих кругов ряда капиталистических держав развернули активную деятельность по достижению главных целей сионизма: обеспечению безусловной поддержки этого государства евреями всего мира, концентрации их в Израиле, обработке в сионистском духе еврейского населения других стран, расширению границ Израиля до рамок пресловутого «Великого Израиля». Сионизм был положен в основу официальной внутренней и внешней государственной политики Израиля, глубоко враждебной делу мира, национально-освободительного движения и социального прогресса народов.

Все это привело к тому, что международный сионизм превратился в один из ударных отрядов империализма, колониализма и неоколониализма, а Израиль стал жандармом империализма на Ближнем Востоке, одним из основных союзников империализма в его борьбе против мирового национально-освободительного движения.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля М. Вильнер, выступая на XVII съезде КПИ, дал четкую классовую оценку сущности сионизма. Он, в частности, подчеркнул, что сионизм приобрел в наше время новые реакционные черты. Он сотрудничает с империализмом на международной арене. «Выступая в качестве верного союзника империализма, сионизм ведет борьбу против национально-освободительного движения в нашем районе, а также в независимых странах Азии, Африки и Латинской Америки. Сионизм, в противоположность всем фальшивым утверждениям его «левых» лидеров, стал одной из сил, борющихся повсюду против коммунизма»⁴.

Современный сионизм представляет собой сложное идейно-политическое явление. Он может быть определен как совокупность крайне

² Цит. по: Астахов С. Империалистическая сущность сионизма. М., 1975, с. 9.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 74.

⁴ Цит. по: «Сионизм: теория и практика». М., 1973, с. 178—179.

националистической идеологии, разветвленной системы соответствующих организаций, а также политической практики, связанной с интересами крупной еврейской буржуазии как в самом Израиле, так и за его пределами. Основное содержание сионизма составляют крайний национализм, воинствующий шовинизм и антикоммунизм. Главной целью современного международного сионизма, как и раньше, остается служба интересам верхушки еврейской буржуазии. На это направлена, в частности, проповедь лживой и насквозь реакционной идеи «классового мира» между трудящимися евреями и еврейской буржуазией, в соответствии с которой «все евреи — братья». В качестве средства достижения целей сионизма рассматривается установление идейного и политического контроля над евреями во всех странах, подчинение их воле сионистских центров. Основным лозунгом для сионистских кругов является лозунг: «Единение всех евреев вокруг государства Израиль».

Современный сионизм — это многочисленные организации в более чем 60 странах капиталистического мира, направляемые и контролируемые Всемирной сионистской организацией. Основными центрами размещения сионистских и просионистских организаций являются непосредственно Израиль, а также США. Только в США действует несколько сотен подобных организаций. Наиболее влиятельные из них — «Сионистская организация Америки», «Лига защиты евреев», «Американская еврейская лига против коммунизма», «Американский еврейский комитет», «Бнаи Брит», «Хадасса», «Джойнт» и многие другие, пользующиеся значительной материальной и моральной поддержкой в кругах американской еврейской буржуазии.

Большое число сионистских и просионистских организаций насчитывается и в других капиталистических странах.

Антикоммунистическая и антисоветская направленность сионизма, являющаяся одной из характернейших его особенностей, вытекает из его классовой, реакционной сущности. Социализм и сионизм с самого начала рассматривались идеологами и вдохновителями последнего как нечто непримиримое, враждебное друг другу. Так, в известном «кредо» сионизма, провозглашенном в 1888 г., в частности, говорилось: «...для еврейской национальной идеи социализм — смертельный враг...», «сионизм есть объединение всего еврейства, социализм — борьба в нем одного класса против другого»; «сионизм нуждается в капитализме, социализм же против этого строя поднимает свой меч...», «социализм стоит сионизму поперек дороги»⁵ и т. п. Отсюда становятся понятными такие факты из истории сионизма, как сотрудничество сионистов с буржуазным Временным правительством Керенского после Февральской революции 1917 г. в России, вхождение сионистов в состав «правительств» Деникина, гетмана Скоропадского, атамана Петлюры. Этим же объясняется антисоветизм нынешних сионистских лидеров Израиля, независимо от того, к какой части израильского политического спектра они относятся. Огостельный антисоветизм стал, по словам М. Вильнера, «знаменем правящих сионистских кругов, продающих Израиль за долларовую похлебку»⁶.

Это выражается, помимо всего прочего, в безудержной антисоветской пропаганде, в извращении курса и целей внешней и внутренней политики КПСС и Советского государства, в приписывании советскому обществу какого-то мифического антисемитизма, ущемления евреев

⁵ См. «Реакционная сущность сионизма. Сборник материалов». М., 1972, с. 105, и др.

⁶ Приветствия XXV съезду КПСС. М., 1976. с. 155.

в правах, фальсификации отношения КПСС и Советского государства к иудаизму, верующим евреям и т. п. Подобная пропаганда ведется в очень широких масштабах, причем ее организаторы не останавливаются, как это видно из многочисленных фактов, ни перед какой ложью, клеветой, искажением действительности и т. п. Одним из проявлений антисоветского курса международных сионистских кругов стала развернутая некоторое время назад в ряде стран Запада кампания под надуманным предлогом «защиты» советских евреев от якобы испытываемой ими «дискриминации».

Говоря о других особенностях современного сионизма, следует отметить, в частности, то, что для него характерны социальная демагогия, спекуляции на религиозных чувствах верующих евреев, авантюризм во внешней и внутренней политике, милитаризм, экспансионизм, терроризм, стремление к союзу с наиболее реакционными силами в мире. Последнее подтверждается, например, фактами сотрудничества сионистов с фашистской хунтой Пиночета в Чили, правящими кругами расистской ЮАР, сближением с маоистским руководством Китая, режимом Садата в Египте и др. Об этом же свидетельствуют ставшие в последние месяцы достоянием мировой общественности данные о тесном сотрудничестве сионистских кругов с режимом свергнутого шаха в Иране. Весьма примечательно, что еще в январе 1979 г., до свержения антинародного шахского режима, сионистские круги на Западе начали усиленно пропагандировать тезис о непричастности Израиля к событиям в Иране. Однако на деле эта кампания, как писала выходящая в Бейруте газета «Аш-Шааб», преследовала цель — сохранить в Иране интересы Израиля на случай падения шахского режима и провозглашения исламской республики. Израиль подогревал гегемонистские устремления шаха в зоне Персидского залива и сеял вражду между Ираном и арабскими государствами.

В настоящее время время документально подтверждено, что сионисты оказывали шаху деятельную помощь в создании пресловутой «СА-ВАК» — тайной полиции, ставшей орудием массовых репрессий против прогрессивных сил в Иране. Эта помощь выражалась, в частности, в направлении советников и инструкторов, в снабжении «САВАК» новейшими техническими средствами и орудиями пыток.

Стали известны также данные о том, что бывшие иранские власти неоднократно привлекали специально подготовленные группы израильцев, в частности агентов «МОССАД», для организации беспорядков и провокаций. Весьма показательным и то, что Израиль запретил в период размаха антишахских выступлений выезд своих подданных из Ирана, чтобы сохранить базу для ведения там шпионажа и подрывных действий.

Из этих и многих других фактов становится понятно, почему иранский народ, народы арабских стран, прогрессивная мировая общественность видят в международном сионизме верного пособника, союзника империализма, всех реакционных сил в мире и решительно борются с ним.

Активную деятельность по разоблачению сионизма ведет международное коммунистическое движение, Коммунистическая партия Израиля.

Несмотря на всемерную поддержку международного империализма и реакции сионизм оказывается в состоянии все углубляющегося кризиса и изоляции на мировой арене, о чем свидетельствует, в частности, решение Генеральной Ассамблеи ООН, заклеившей в 1975 г. сионизм как форму расизма и расовой дискриминации.

С. М. МИРХАСИЛОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ И ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УЗБЕКИСТАНЕ В ОЦЕНКЕ БУРЖУАЗНЫХ «СОВЕТОЛОГОВ»

Проблемы развития социалистического образа жизни и его противоположности образу жизни, характерному для мира капитала, все более становятся предметом острой идеологической борьбы на международном арене. Буржуазные идеологи, подвергая нападкам социально-политические и экономические преобразования в нашей стране, все чаще затрагивают этнические и культурно-бытовые процессы. Если раньше буржуазные «советологи» касались этих вопросов попутно, то в последний период они стали рассматриваться чаще и шире: в специальных работах, статьях, разделах крупных работ. Это обусловлено растущим влиянием советского опыта решения национального вопроса, в том числе социалистических преобразований быта и культуры народов Средней Азии.

Этнические и культурно-бытовые процессы, происходящие в Советском Узбекистане, отражают основные тенденции национального развития узбекского и других народов нашей страны, их расцвет и всестороннее сближение в ходе строительства социализма и коммунизма. Будучи бессильными отрицать огромные достижения среднеазиатских народов за годы Советской власти, буржуазные этнографы и социологи пытаются исказить действительную картину этнического развития социалистических наций, выискать какой-то «консерватизм» в этническом развитии и быту среднеазиатских народов, у которых этническое, национальное самосознание якобы является выражением их религиозной или расовой принадлежности. При этом пережитки религиозных обычаев и обрядов характеризуются как «народные национальные традиции» и т. д.

Так, Этель и Стефан Данн заявляют, что «ислам можно считать организованным выражением национального самосознания, поскольку многие представители среднеазиатских национальностей даже в наши дни, как кажется (?), чувствуют, что именно в исламе содержится суть культурной традиции»¹.

А. Беннигсен утверждает, что «у дореволюционного мусульманина, будь он кочевник или крестьянин, совершенно отсутствовало сознание принадлежности к какой-то одной конкретной нации, такой, как туркменская, узбекская, казахская или каракалпакская». И далее он пытается выявить, сформировалось ли у мусульман Советского Союза национальное самосознание или они считают себя принадлежащими к более широкой общности, к «тюркской расе» или даже вообще к

¹ Dunn Ethel and Dunn Stephen. Ethnic intermarriage as an indicator of cultural convergence in Soviet Central Asia.—In: The Nationality question in Soviet Central Asia, New York, 1973, pp. 54—55.

исламу². Как видно, эти построения этнической классификации народов Средней Азии недалеки от расистских, пантюркистских, панисламистских постулатов, которые питаются этнорасовыми, религиозными предубеждениями. Кроме того, эта схема внутренне противоречива и не может выявить общих закономерностей.

Деление народов по религиозному признаку относится к классификациям, построенным на частном или недостаточно тщательном отборе критериев для систематизации этнических общностей, и базируется на внешних проявлениях культуры. Между тем, опираясь на смежные науки, этнография смогла выработать действительно научные классификации на основе объективных факторов, исключающих субъективные толкования. Для разных целей, разных степеней полноты картины этнического состава мира современная этнография использует четыре типа классификаций: географическую, антропологическую, хозяйственно-культурную и лингвистическую.

Национальное самосознание — это сознание своей принадлежности не к религиозной, а к определенной социально-этнической общности, осознание своего отношения к материальным и духовным потребностям существования и развития этой общности.

Превратно понимая этническое самосознание и говоря об отсутствии развитого национального самосознания у среднеазиатских народов в дореволюционном прошлом, буржуазные «советологи» тем самым отрицают наличие у них этнического самосознания вообще. Они подменяют его «мусульманским сознанием», «принадлежностью к единой общине ислама», отрицая, таким образом, само вековое существование узбекского и других среднеазиатских народов с их богатой этнической историей. Еще до проникновения ислама в Среднюю Азию ее народы прошли длительный и сложный путь этнического развития и формирования этнического самосознания. Основные этнические компоненты, вошедшие затем в процессе этногенеза в состав узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, казахов, каракалпаков, сложились около тысячи лет назад, в эпоху раннего средневековья. На протяжении IX—XVI вв. они сформировались в народности с присущей каждой из них спецификой уклада жизни, быта, культуры, языка и т. д.

Разумеется, многие особенности современных этнических процессов в значительной мере объясняются спецификой этнической ситуации, сложившейся в дореволюционный период. До революции процесс консолидации буржуазных наций и связанного с ним формирования национального самосознания узбеков, казахов, туркмен, таджиков, киргизов, каракалпаков не был завершен, ибо на его пути стояли феодально-патриархальная отсталость, феодальная и племенная раздробленность, закреплявшаяся и культивировавшаяся царизмом. Не вполне сложившись в буржуазные, они сформировались уже в социалистические нации в процессе строительства социализма.

«Не являясь чем-то застывшим, раз навсегда данным, национальное самосознание, как и национальная психология,— отмечает Ш. Р. Рашидов,— изменяется в процессе исторического развития народа. Коренное преобразование общественного строя закономерно ведет к качественным сдвигам в национальном самосознании. Так, в

² Bennigsen A. Islamic or local consciousness among Soviet nationalities?— In: Soviet nationality problems, New York—London, 1971, pp. 174—175.

процессе социалистических преобразований качественно изменилось национальное самосознание народов Советского Востока»³.

Консолидации узбекской социалистической нации сопутствовал интенсивный процесс оседания полукочевников, слияния их с оседлым населением, роста их национального самосознания, изживания сознания своей принадлежности к определенной родоплеменной группе. Одним из важных факторов, обусловивших этническую консолидацию узбеков и других народов Средней Азии и формирование их в социалистические нации, стало образование их национальной советской государственности. Она не только ускорила развитие и социалистическое преобразование экономики и культуры республик Средней Азии, но и форсировала важные этнические процессы — стирание былых родоплеменных различий, этническое сплочение и консолидацию, развитие национального самосознания социалистических наций. Была преодолена былая территориальная разобщенность узбекского и других среднеазиатских народов.

В процессе быстрого роста экономики и культуры формировались все элементы социально-экономической и этнической общности узбекской социалистической нации, присущие нациям эпохи социализма.

Одним из важных направлений национальной консолидации узбекского народа было окончательное слияние так называемых сартов (узбекоязычных) с узбеками, что отразилось на этническом самоназвании этих групп. Широко распространившееся в этот период национальное самоназвание «узбек» вытеснило из оборота слово «сарт» и отодвинуло на задний план родоплеменные названия других групп узбеков, хотя у некоторых еще не было изжито двойственное этническое самосознание (узбек-конграт, узбек-мангит и т. д.).

Более устойчивой оказалась обособленность этнических групп тюрк, кипчаков Ферганской долины, кураминцев Ташкентской области, выражавшаяся в их этническом самосознании, и лишь последующие переписи населения и этнографические исследования установили их постепенную интеграцию и растворение в составе узбекской нации.

Различные этнические группы узбеков все интенсивнее сливались с основной их массой, ускорялось сложение единой узбекской социалистической нации, изживание сознания принадлежности к какой-либо родоплеменной группе или местности, преобладавшее в прошлом над национальным самосознанием.

Так, по переписи населения 1926 г. общая численность курама, проживавших в Узбекистане, составляла 50 078 человек, а в ходе переписей 1939 и 1959 гг. они уже называли себя узбеками. В 1926 г. в Фергане было учтено 33,5 тыс. кипчаков, а в 1959 г. к кипчакам причисляли себя около 100 человек. Если в 1926 г. тюрками называли себя более 60 тыс. человек, то в 1959 г. — немногим более 2 тыс. Итоги переписи населения 1959 г. убедительно показали большую этническую монолитность узбекской социалистической нации. Не «мусульманин», как утверждают буржуазные «советологи», а этноним «узбек» стал единым национальным самоназванием узбеков. Теперь среди всего узбекского населения господствует единое национальное самосознание и самоназвание.

Лишь при социализме утвердилось подлинно национальное самосознание, полностью отражающее действительно коренные интересы

³ Рашидов Ш. Р. Социалистический образ жизни и национальное самосознание. — «Проблемы мира и социализма», 1975, № 9, с. 9.

всего узбекского народа. В условиях развитого социализма идет процесс дальнейшего укрепления, углубления и обогащения национального самосознания народов. «Неуклонный рост классового и национального самосознания народных масс,— указывается в Программе КПСС,— характерная черта современного периода общественного развития»⁴. Коммунистическая партия проявляет особую заботу о дальнейшем развитии самосознания советских социалистических наций.

Национальное самосознание социалистических наций СССР — это новый тип национального самосознания, рожденный в процессе коренных социалистических преобразований, которому чуждо ограниченное, узконациональное самосознание. Социалистический интернационализм прочно утвердился в сознании советских людей, вытесняя из него пережитки национальной замкнутости и обособленности.

Главное, что характеризует советских людей,— это чувство принадлежности каждого, независимо от национальности, к новой исторической общности — советскому народу. Интернациональная социально-политическая общность — советский народ — находит отражение и в самосознании. У советских людей причисление себя к какому-либо определенному этносу обычно сочетается с сознанием принадлежности к советскому народу. А когда граждане СССР бывают за рубежом, сознание общесоветской принадлежности выступает на первый план. Итак, национальное самосознание неразрывно связано с общенациональной гордостью советских людей, которая, как отмечал Л. И. Брежнев, «глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну»⁵.

Воплощая единство национального и интернационального, национальное самосознание социалистической нации соответствует социалистическому образу жизни, открывающему в перспективе возможности перерастания социалистического сознания наций и народов в сознание, свойственное коммунистическому обществу.

Большое влияние на весь облик узбекской социалистической нации оказала урбанизация, в процессе которой преодолевались существенные различия в пропорциях городского и сельского населения, ускорились трансформация многих традиционных форм быта, интернационализация всех сфер жизни народа. Только с 1959 по 1975 г. городское население УзССР выросло с 2729 тыс. до 5259 тыс. человек, а удельный вес городских жителей в общей численности населения республики — с 33,6 до 38,4%.

Однако буржуазные «советологи», в частности Дэвид К. Шиплер, изображают урбанизацию в нашей стране как резкую миграцию из сел в города в связи с «недовольством» сельских жителей, особенно молодежи, «лишениями» сельской жизни⁶.

Этносоциологические исследования, проведенные в разных регионах нашей страны, в том числе в Узбекистане, свидетельствуют о росте удовлетворенности сельских жителей всеми сторонами их жизни и работы.

Узбеки, живущие в сельской местности, часто бывают в городах, ценят городскую культуру, но в подавляющем большинстве не намерены менять сельскую жизнь на постоянную городскую. Характерно и оседание на селе большей части специалистов с высшим образова-

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 49.

⁵ Брежнев Л. И. О пятидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, с. 122.

⁶ Shipler David K. Low living standard in Soviet rural areas impels youths to cities.—„The New York times“, 1976, April 20, p. 10.

нием. И это не случайно. Сфера приложения умственного, высококвалифицированного труда для различных специалистов, культурно-бытовые условия села все больше приближаются к городским. В то же время любовь к родным местам, прочные родственные и дружеские связи являются важным стимулом, побуждающим интеллигенцию и молодежь оставаться и работать в своем селе.

Буржуазные «советологи» стремятся выдать распространенность однонациональных браков за свидетельство национализма (Уэлс А. Фишер)⁷, утверждая, якобы национализм можно измерить числом смешанных браков (Ричард Пайпс)⁸. Однако это отнюдь не решающий фактор определения характера национальных отношений. Гораздо большее значение имеет расширение межнациональных контактов в производственной и бытовой сфере. Как и по всей стране, в Узбекистане национальные отношения на производстве отличаются высокой степенью интернационализма. Деятельность партийной организации республики по укреплению дружбы между народами находит реальное воплощение в благоприятных межнациональных отношениях и национальных установках людей, дружеском общении представителей разных национальностей.

Практически в республике нет такого трудового или учебного коллектива, который не был бы многонациональным. Исследования показали, что около одной трети узбеков в городах заняты в коллективах, где не менее половины работников составляют лица других национальностей. Подавляющее большинство городских и сельских узбеков положительно относятся к межнациональным контактам в трудовом коллективе и в быту, имеют друзей среди представителей иных национальностей.

Да и в вопросе о межнациональных браках дело обстоит не так, как это представляют «советологи». Ныне одна треть городских узбеков имеет родственников, состоящих в национально-смешанных браках. На селе также все более частыми становятся смешанные в национальном отношении браки, особенно в совхозах с их многонациональным составом населения. Большинство опрошенных благоприятно относятся к национально-смешанным бракам. По данным переписи 1970 г., 13% узбеков состоят в разнонациональных браках, число которых продолжает расти.

Совершенно несостоятельны и домыслы буржуазных фальсификаторов о положении женщин в СССР, в том числе в Узбекистане. Чего стоит, например, утверждение Дэвида К. Шиплера, якобы «советское общество осталось изолированным от ...сил движения за женскую эмансипацию, которые возникли на Западе. В результате позиции и мужчин и женщин здесь проникнуты убеждением в интеллектуальной неполноценности и эмоциональной неустойчивости женщины, как и в ее долге вести домашнее хозяйство без ожидания особой помощи со стороны мужа»⁹.

Общезвестно, что Советская власть сразу же после революции приняла ряд декретов, направленных на раскрепощение женщин. Как указывал В. И. Ленин, «от неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнус-

⁷ Fisher Wesley A. Ethnic consciousness and intermarriage correlates of endogamy among the major Soviet nationalities.—In: „Soviet studies“, Glasgow, 1977, July, v. 29, N 3, pp. 395—408.

⁸ Pipes R. Introduction: The Nationalities problems.—In: Handbook of major Soviet nationalities. Z. Katz et al. (eds). New York, 1975.

⁹ „New York times“, 1976, August 9.

ное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью»¹⁰.

Коммунистическая партия и Советское государство придают важнейшее значение заботе о женщине-труженице, женщине-матери. Законы социалистического государства гарантируют условия, позволяющие сочетать счастливое материнство с участием в производительном труде, общественно-политической жизни.

В Узбекистане нет сейчас такой отрасли экономики и культуры, где бы не были заняты женщины. Они составляют 43% всех рабочих и служащих — около 1600 тыс. человек, что в 51 раз больше, чем в 1928 г. Количество женщин-специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых во всех отраслях народного хозяйства, достигло 460 тыс. человек, что почти в 5 раз больше, чем в 1959 г.

Велика роль женщин в деятельности органов государственной власти. Многие из них выдвинуты на руководящую работу в партийных, государственных, хозяйственных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организациях. В рядах Коммунистической партии Узбекистана насчитывается 128 тыс. женщин, или 24% ее состава. 117 женщин республики удостоены звания Героя Социалистического Труда, 74 тыс. награждены орденами и медалями СССР и т. д.¹¹

В корне изменилась и ориентация населения на занятие домашним хозяйством, взаимоотношения и распределение ролей в семье, система поведения в быту. Женщины участвуют во всех делах семьи наравне с мужчинами. Более половины опрошенных в ходе этносоциологических исследований ответили, что в их семье муж помогает жене в хозяйстве и воспитании детей. Престиж трудовой деятельности женщин весьма высок и в городе, и на селе.

Итак, изучение современных этнических и этно-культурных процессов, происходящих в нашей стране, в том числе в Узбекистане, дает богатый материал для решительного, аргументированного отпора лживым домыслам буржуазных «советологов», тщетно пытающихся извратить характер этих процессов в условиях развитого социализма.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 369.

¹¹ Усманходжаев И. Великое социальное завоевание.— «Коммунист Узбекистана», 1979, № 12, с. 36.

Б. С. МАННАНОВ

БУРЖУАЗНАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В последнее время в западной «советологии» заметно усилилась разработка отдельных вопросов истории международных отношений средневосточного региона. С начала 70-х годов на страницах многих журналов одна за другой начали появляться обширные статьи, посвященные различным аспектам так называемой «большой игры» — англо-русским противоречиям в XIX в. в Средней Азии, Афганистане и Иране¹. Был издан также ряд книг монографического характера по общим и частным вопросам этой проблемы². Заново публикуются десятки давно забытых и ставших библиографической редкостью произведений — путевых очерков, воспоминаний и т. д. британских агентов, офицеров, дипломатов, посетивших в XIX в. те или иные районы данного региона³. Ныне, как показывают факты, ни один «научный форум» западных «специалистов» по Советскому Востоку не проходит без рассмотрения событий XIX в., особенно англо-русских отношений, и почти каждый из их участников, обсуждая актуальные вопросы западной «советологии», считает своим долгом провести хоть какую-нибудь историческую параллель из истории имперской политики России и Англии для доказательства своего тезиса. Мы не говорим уже о тех специальных докладах по истории колониальной политики России и Англии, включение которых в официальную программу подобных «научных» совещаний стало обязательным явлением.

Чем же объяснить чрезмерное увлечение нынешних «советологов» событиями столь далекого прошлого и какую цель они при этом преследуют? Быть может, речь идет о неразработанных с научной точки зрения «белых пятнах» истории международных отношений XIX в.? Нет, конечно. При внимательном ознакомлении с содержанием их сочинений, посвященных проблемам истории стран Среднего Востока

¹ См., напр.: Rhineland L. Hamilton. Russia's imperial policy. — „Canadian Slavonic papers“, 1975, v. XVII, N 2—3, pp. 218—235; Strong John W. The Ignatiev mission to Khiva and Bukhara in 1858. — „Canadian Slavonic papers“, 1975, v. XVII, N 2—3, pp. 236—259, и др.

² К их числу относятся: Lewis Bernard. History—remembered, recovered, invented. Princeton, New Jersey, Princeton university press, 1975; Ingle Harold N. Nesselrode and the Russian rapprochement with Britain, 1836—1844, Berkeley, University of California press, 1976; Gillard David. The Struggle for Asia 1828—1914. A study in British and Russian imperialism. Methuen, London, 1977, и др.

³ См.: Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1880 and Anglo-Russian question. London, Cass., 1967 (first published—1889); Krausse Alexis. Russia in Asia. A Record and a study, 1558—1899, London, 1973 (first published—1899; second edition—1900), и др.

XIX в., становится ясным, что основная часть этой литературы призвана фальсифицировать узловые вопросы истории международной жизни данного района и приспособить их к требованиям сегодняшней буржуазной идеологии.

В одном из подобных сочинений — книге эксперта по странам Среднего Востока Бернарда Льюиса «История — как она вспоминается, воссоздается, выдумывается» — автор делит историю на три категории. В последнюю он включает «выдуманную историю, приукрашивающую прошлое или устранившую то, что нынешнее общество может находить неприятным и заменяющую его чем-то более приемлемым для нынешних целей»⁴. Разумеется, эта фраза отнюдь не адресована Льюисом собратьям по перу — буржуазным «советологам». Однако данное высказывание, хотел этого автор или нет, звучит как объективная оценка той литературы, о которой мы упомянули.

В рамках одной статьи невозможно охватить все вопросы богатой сложными политическими событиями истории международных отношений на Среднем Востоке, которым посвящено множество сочинений западных «советологов». Поэтому здесь мы остановимся лишь на некоторых из них, чтобы показать несостоятельность выдвигаемых в них «научных» тезисов.

В большинстве работ буржуазных специалистов, посвященных истории рассматриваемого периода, как правило, вновь и вновь поднимается на щит избитый тезис «о русской угрозе Индии» и в связи с ним вопрос о том, что Россия якобы была более агрессивной, чем Англия, в проведении колониальной политики на Среднем Востоке в XIX в. Несоответствие данного тезиса исторической правде давно уже показано в советской историографии⁵. Однако все это снова оспаривается буржуазными историками, ссылающимися на некие новые архивные документы, которые прежде будто были им недоступны. При этом они не ограничиваются повторением старых тезисов, которыми в свое время удобно прикрывались британские колониальные власти на Среднем Востоке, а выдвигают в пользу своих утверждений дополнительные мотивы.

Одна из интерпретаций тезиса «о русской угрозе Индии», как известно, заключалась в том, что царское правительство якобы было неспособно держать под контролем своих офицеров на границах, и те во многом поступали по своему усмотрению, а когда их действия увенчивались успехом, центральные власти воспринимали их как совершившиеся факты. В подтверждение приводились примеры русской экспедиции в Хиву (1839 г.), завоевания Ташкента генералом Черняевым в 1865 г., деятельность Романовского в 1866 г., кампания Кауфмана в 1869 г. и др. С этим «аргументом» мы встречаемся на страницах многочисленных английских изданий того времени, например, в книгах А. С. Крауссе «Россия в Азии», Ф. Х. Скрайна и Е. Д. Росса «Средняя Азия», Генри Роулинсона «Азия и Россия на Востоке», Керзова «Россия в Средней Азии» и др. Все они, оправдывая агрессивные

⁴ Lewis Bernard. Op. cit., p. 1.

⁵ См.: Штейнберг Е. Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв. — «Исторические записки», 33. М., 1950, с. 47—66; его же. История британской агрессии на Среднем Востоке (от французской буржуазной революции до второй мировой войны). М., 1951; Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века). Ташкент, 1957; его же. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX века). М., 1965; Хидочтов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Ташкент, 1969, и др.

действия Англии на Среднем Востоке, выдвигали данный аргумент в пользу тезиса о «русской угрозе» Индии⁶.

Американский профессор Ф. Каземзаде в своей монографии «Россия и Англия в Персии, 1864—1914 гг.» решил пойти дальше этой, как он выражается, «на многие годы установившейся интерпретации»⁷ вопроса. Он выдвинул тезис о том, что среднеазиатские военные власти находились «под пристальным контролем из Санкт-Петербурга, так что все их шаги решались на высшем правительственном уровне». Согласно Каземзаде, экспансия России на Востоке, желанная для всех, проводилась «с большей или меньшей решимостью в зависимости от обстоятельств, но поддерживаемая с твердой последовательностью»⁸.

Этот вопрос занимает центральное место и в обширной статье Питера Морриса «Русские в Средней Азии, 1870—1887»⁹. По его утверждению, в истории XIX в. одним из мощных имперских натисков была экспансия Российской империи в Средней Азии. «В свое время,—отмечает автор,— к этому вопросу наивысший интерес проявляли в Англии. К этому привело отнюдь не праздное любопытство, а очень реальное беспокойство по поводу намерений России. Возник, в частности, фундаментальный вопрос о том, означает ли ее экспансия угрозу для безопасности Индийской империи»¹⁰. Полностью соглашаясь с тезисом Каземзаде о наличии официальной русской угрозы Индии, П. Моррис делает попытку проследить основные этапы присоединения Средней Азии к России именно с этой точки зрения. Из архивов Министерства иностранных дел Англии («Форин Оффис») он приводит ряд документов — сообщений английских послов в Петербурге о том, что им было известно от членов МИД России об искажении воли русского правительства его местными военными представителями. «Это,—резюмирует Моррис,— была хорошая маскировочная басня для объяснения пропасти между обещаниями русских и действительными событиями»¹¹. Таким образом, и он делает особый акцент на агрессивность русской имперской политики на Востоке. При этом умалчивается об экспансионистской политике английских колонизаторов в этом регионе.

Буржуазные специалисты настолько увлеклись доказательством этого тезиса, что он теперь находит свое отражение даже в трудах, претендующих на более или менее объективное освещение исторических событий. К числу таких работ, например, относится монография Дэвида Джилларда¹². Хотя во введении автор специально констатирует, что существование в прошлом русской угрозы Индии или британской угрозы Средней Азии до сих пор остается спорным, однако через несколько страниц отмечает, что «Россия, постепенно поглотив

⁶ Krausse Alexis. Op. cit.; Skrine F. H. B. and Ross E. D. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan. London, 1901; Rawlinson Henry. England and Russia in the East. London, 1875; Gurzon G. N. Op. cit.

⁷ Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia. 1864—1914. New Haven, 1968, p. 15.

⁸ Там же.

⁹ Morris Peter. The Russians in Central Asia. 1870—1887.—The Slavonic and East European review*. Published by Cambridge university press for the school of Slavonic and East European studies. University of London, 1975, October, v. LIII, N 133, pp. 521—538.

¹⁰ Там же, с. 521.

¹¹ Там же, с. 523—524.

¹² Gillard David. Op. cit.

мелкие государства на Востоке, оказалась в такой позиции, которая представляла разностороннюю опасность для Индии»¹³.

Другая группа «специалистов» взяла на себя непосильный труд «оправдать» экспансионистскую политику Англии по отношению к народам Афганистана, Ирана и Средней Азии с самого начала XIX в.

Так, в 1973 г. полковник британской службы Джеральд Морган на страницах журнала «Эйшн Эффейрс» выступил со специальной статьей, посвященной оправданию деятельности британской разведки на Среднем Востоке в XIX — начале XX в.¹⁴ Он выражает недовольство тем, что советские историки «нисколько не сомневаются в том, что мы имели некую «макиавеллиеву»¹⁵ систему, наводнявшую Среднюю Азию агентами — и английскими, и индийскими, и делавшую все, что от нее зависело, для того, чтобы помешать законной экспансии России в этом регионе». И сразу же заключает, что «правда не совсем такова»¹⁶.

По словам Моргана, как в самой Англии, так и в Британской Индии до середины XIX в. и в помине не было специально организованной разведывательной сети, направленной против Афганистана, Ирана, Средней Азии, а «с 60-х годов XIX в. во всем английском правительстве был только один эксперт по России, который состоял при Ведомстве по делам Индии («Индия Оффис»), и только в 1876 г. было предложено, чтобы его исследования в области России и его переводы были сделаны доступными для Министерства Иностранных Дел и Военного Министерства. Подобно этому, в Индии был только один эксперт по Китаю — Ней Элиас, да и то бывавший большую часть времени вдали от Калькутты, занятый другими обязанностями»¹⁷.

Откуда же тогда бралась вереница британских агентов, наполнявших в прошлом столетии страны Среднего Востока, в том числе ханства Средней Азии? По Моргану, это были представители Топографического отдела Индии и офицеры индийской политической службы. «Топографический отдел, — пишет он, — как говорит его название, имел ответственность за топографические съемки Индии, и в нем не было ничего секретного... в раннюю пору его существования в нем были заняты только английские топографы». Затем, по его словам, поскольку Англия «так мало знала о странах», расположенных между британской и русской территориями, возникла необходимость в обследовании этнографии, флоры и фауны этих стран. Хотя некоторые из английских топографов, отмечает Морган, в своей деятельности «обрели гораздо более широкие поприща», однако на выполнение новых задач решено было «набрать особый класс индийцев — так называемых пандитов, т. е. людей со знанием того, как обращаться с научными приборами», ибо «невозможно было послать английских топографов на выполнение таких задач: они непременно привлекли бы внимание, навлекли бы на себя подозрения, и они слишком рисковали бы быть убитыми»¹⁸. Пандиты не имели военной или политической

¹³ Там же, с. 33.

¹⁴ Morgan Gerald. Myth and reality in the Great Game. — Asian affairs, (Journal of the Royal Central Asian Society). London, 1973, February, v. 60, part I.

¹⁵ Макиавелли (1469—1527) — политический деятель и писатель Флорентийской республики. Макиавеллизм — политика, не останавливающаяся для достижения своих целей ни перед какими коварными средствами борьбы — обманом, предательством, убийством.

¹⁶ Morgan Gerald. Op. cit., p. 55.

¹⁷ Там же, с. 57.

¹⁸ Там же, с. 56.

подготовки,— пишет Морган,— поэтому они никогда не могли оценить такие дела. Как показывают их отчеты, деятельность России была совершенно вне их компетенции, и ни один из них даже никогда не был послан в Западный Туркестан»¹⁹.

Что касается другой организации — Политической службы Индии, созданной в 1820 г. Ост-Индской компанией и управляемой ее Ведомством иностранных дел, то, по словам Моргана, она была лишь неудачно названа, а на самом деле «это был дипломатический корпус компании, и он функционировал как таковой во всех отношениях»²⁰. Морган выражает свое недовольство и тем, что компания, занимаясь якобы лишь обычной коммерческой практикой, именовала офицеров Политической службы агентами, что будто бы и дало повод к созданию неверного представления у советских историков. «Русские,— сетует Морган,— склонны читать английское слово «агент» в смысле «шпион», и эта путаница стала источником новых подозрений»²¹.

«Доказав» подобным образом «непричастность» названных учреждений к подрывной деятельности Англии в странах Среднего Востока, Морган объясняет многочисленные факты посещения стран этого региона десятками представителей указанных организаций отчасти путешествиями, совершенными чуть ли ни по личной инициативе тех «офицеров, которым наскучила жизнь в военных поселениях и у которых была склонность к приключениям и языкам». Подобные путешествия, по его словам, «одинаково нравились также штатским, которые находили конторскую жизнь утомительной или не ладили со своим начальством». Поэтому, резюмирует он, «в плане какой-то действительной системы шпионажа они просто не кодируются»²². Многие из них, по его утверждению, приносили большую пользу тем странам, которые они посещали, но их деятельность в целом не была полезной для британских властей, а потому «три вице-короля — Нортбрук, Райнон и Дафферин — находили их обузой,— особенно потому, что они всегда писали книги и давали сообщения в газеты для сведения общественности (и русских),— и отказывались позволять таким людям переходить индийскую границу»²³. Но Морган почему-то предпочел умолчать о тех фактах, когда некоторые из этих агентов, которых он называет «любителями» или «авантюристами», якобы бесполезными для британского правительства, после возвращения в Англию удостоивались правительственных наград и даже дворянских титулов. Разве это не говорит об их причастности к официальной политике тогдашней Англии? Эту сторону вопроса полковник Морган почему-то оставляет открытой.

В то же время он принимается разоблачать, как он выражается, «русских двойников их», какими, по его мнению, были, например, полковник Пржевальский и капитан Громбчевский. «Многие из них,— пишет Морган,— были чрезвычайно большими профессионалами и в какой-то степени поощрялись Императорским Географическим Обществом. Естественно, что каждая из сторон смотрела на таких людей как на шпионов, но с нашей стороны это был поистине класс авантюристов»²⁴.

¹⁹ Там же, с. 57.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, с. 59.

²³ Там же, с. 60.

²⁴ Там же.

Морган уверен, что на основе его «расследования», явившегося, как он пишет, «результатом довольно кропотливого исследовательского труда в архивах Ведомства по делам Индии («Индия Оффис»), можно вывести заключение, что в Средней Азии никогда не было организованной из центра разведывательной сети, ...как утверждают советские историки»²⁵.

В 1975 г. на страницах журнала «Истори тудэй» появилась еще одна статья²⁶, посвященная оправданию деятельности двух английских агентов — Аббота и Шекспира, посланных в 1839 г. со специальным заданием в Хиву английским резидентом в Герате майором Д. Арси Тоддом.

Автор признает, что «до I англо-афганской войны и в следующие два года Ост-Индская компания посылала в Среднюю Азию несколько офицеров, чтобы разведать и попытаться убедить три основных ханства — Бухарское, Хивинское и Кокандское — связать свою судьбу с Индией, а не с Россией»²⁷. Однако эти лица изображаются невинными посредниками между Россией и Хивой, освободителями русских пленных из ханской неволи, которым, впрочем, удалось, по его словам, на определенное время сохранить независимость Хивинского ханства.

Известно, что в это время англичане, оккупировав Афганистан, особо активизировали свою деятельность и в Средней Азии. Упомянутые агенты были срочно посланы в Хиву, когда до англичан дошли слухи о готовящейся экспедиции Перовского. Целью их засылки было помешать присоединению Хивы к России и укрепить британские позиции в этом районе Средней Азии. Экспедиция Перовского окончилась неудачей. Однако оренбургские власти, чтобы освободить русских пленных-рабов, находившихся в Хиве, объявили о задержании, в качестве заложников, хивинских выходцев в Оренбурге.

В переговорах по этому вопросу между Хивой и Оренбургом по своей личной инициативе приняли участие и упомянутые английские агенты. В результате переговоров из хивинской неволи были выручены и отправлены в Россию 416 человек. Заслугу в этом Морган полностью приписывает, хотя и без всяких к тому оснований, деятельности Аббота и Шекспира.

Что касается шпионской деятельности названных британских представителей, то она трактуется автором как факт, не имеющий особого значения, ибо пославший их в Хиву Тодд, оказывается, получил от Аббота одно, а от Шекспира — лишь несколько донесений, в которых, де, не содержалось особо важных сведений, и их надо рассматривать как результаты простого любопытства частных путешественников. В то же время Морган сильно тревожит одно обстоятельство, сводящее на нет его измышления. Дело в том, что Шекспир, как пишет Морган, по своей оплошности допустил одну непростительную ошибку — он забыл часть своих бумаг в Хиве, которые «ему следовало уничтожить». Это были черновики донесений, переводы русских военных статей и «копия письма Палмера к английскому послу в Петербурге с указанием на необходимость предупреждения русского правительства о том, что аннексию Хивы» англичане могут «использовать как повод для объявления войны»²⁸. Моргана не устраивает,

²⁵ Там же, с. 61.

²⁶ Morgan Gerald. Two forgotten missions. — „History today“, London 1975. July, v. XXV, N 7, pp. 495—502.

²⁷ Там же, с. 495.

²⁸ Там же, с. 500.

что эти документы «попали в руки русских» и ныне «находятся в государственном архиве Советской Средней Азии», а советские историки, основываясь на них, делают выводы о том, что эти два британских подданных и другие, приезжавшие в те годы в Среднюю Азию, были шпионами, «занимавшимися деятельностью по подготовке к британской оккупации этого региона»²⁹.

Разумеется, Моргана не устраивают подобные выводы. Он хочет, чтобы советские историки, закрыв глаза на эти факты, соглашались с его оценкой результатов указанных миссий, которые, по его словам, «имели замечательные результаты не для Индии (Англии.— Б. М.), как хотел Тодд, а для России». Поэтому он огорчен тем, что «видные русские историки молчат об этом уникальном примере непрошенной британской помощи»³⁰.

Подобная подтасовка буржуазными специалистами исторических фактов, касающихся международных отношений XIX в. на Среднем Востоке, как это видно из приведенных выше примеров, настолько очевидна, что иногда вызывает резкие возражения даже со стороны их же коллег. Например, некий Ларс-Эрик Ньюман в своей статье³¹ написанной как бы в ответ на работу Дж. Моргана, «Миф и реальность в «Большой игре», прямо отмечает, что «невинность, которую многие английские историки разыгрывали в последнее время относительно намерений и операций своей страны в районе Центральной Азии, повела к серьезному переделыванию истории на основе скорее чувств, чем фактов»³².

В ряде работ западных «советологов» мы встречаемся с еще одним новым тезисом, в основе которого лежит утверждение, якобы британский колониализм был гуманнее, чем царский. Этот очередной домысел впервые прозвучал в речи одного из ярых «советологов» Джеффри Уилера, произнесенной им 18 марта 1970 г. в Королевском Среднеазиатском обществе на тему: «Английские и русские имперские позиции в Азии»³³.

Уилер, сравнивая положение Индии и Средней Азии в период колониального господства Англии и России, отмечает, что «главным различием между административными системами, применяемыми в Индии и Средней Азии до 1917 года от начала до конца, было то, что британская система по существу была гражданской, в то время как царская была военной», что «царская система колониального управления... никогда не рассматривала вопрос окончательного самоопределения для подчиненных ею народов», а Британия, видите ли, еще с самого начала XIX в., оказывается, «подала мысль о желательности и полной возможности самоуправления для Индии»³⁴.

²⁹ При этом он ссылается на статью Н. А. Халфина «Британская экспансия в Средней Азии в 30—40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира» («История СССР», 1958, № 2, с. 103—112).

³⁰ Morgan Gerald. Two forgotten missions...p. 500.

³¹ Nyman Lars-Erik. The Great Game: a comment.—«Asian affairs», London, October 1973, v. 60, part III, pp. 299—301. Редакция журнала дает следующие сведения об авторе: «Мистер Ньюман—аспирант, готовящийся на степень доктора философии в Лундском университете в Швеции, работает над диссертацией о британских, китайских, русских и японских интересах в Синьцзяне и Тибете...» (там же, с. 299).

³² Там же, с. 300—301.

³³ Wheeler Geoffrey. British and Russian imperial attitudes in Asia. — «Asian affairs» (Journal of the Royal Central Asian Society), London, v. 57 (New series, v. I), part III, October 1970, pp. 256—264.

³⁴ Там же, с. 259.

Значит, английскую колониальную политику на Востоке вовсе не следует порицать, а, наоборот, надо восхвалять, ибо она, по Уилеру, приносила чуть ли ни счастье покоренным народам, в данном случае — Индии. И распад этой империи произошел, по Уилеру, не в результате борьбы народов против ненавистного им чужеземного господства, а по той простой причине, что Англия, оказывается, сама добровольно отказалась от господства над ними. «Справедливо или нет,— пишет Дж. Уилер,— Британия отказалась от своей ответственности, передав теперь независимым государствам Индии и Пакистана наследие европеизированных правительственных, высших образовательных и военных систем. Теперь они могут делать все, что они хотят, с этими системами: они могут оставить, видоизменить или заменить их...»³⁵

Россия же, по утверждению этого небезызвестного антисоветчика, все еще продолжает удерживать свои колонии. Развивая данное измышление, Уилер в очередном опусе, включенном в специальный выпуск «Докладов канадских славистов»³⁶ за 1975 г., предлагает свою периодизацию так называемой «колониализации» Средней Азии. По его мнению, послеоктябрьский период истории Советской Средней Азии составляет очередной, четвертый этап колонизации этого района.

Предвидя возражения против такого беспардонного антисоветского подхода к истории Советской Средней Азии со стороны даже западных ученых, Уилер тут же пишет: «Некоторые западные авторы пытаются создать впечатление, что захват советскими властями Средней Азии после 1917 года не был, как отмечалось выше, очередным этапом в установлении присутствия русских, а явился началом совершенно новой эры. Маловероятно, чтобы азиатские историки будущего смотрели на это дело именно в таком свете. С точки зрения мусульманского населения, подпавшего под непосредственное русское господство, главным переломным моментом было то, что их судьба перешла из рук деспотичных местных правителей в руки не знакомых и загадочных людей другой расы и культуры. Приход к власти Советов,— резюмирует он свои разглагольствования,— не изменил радикально этого положения»³⁷.

Один из участников симпозиума, проведенного в Вашингтоне в 1976 г. по проблеме «Национальности и национализм в СССР: советская дилемма», профессор Принстонского университета Бернард Льюис, давая обзор «экспансии европейских наций на протяжении истории на Востоке», восклицал: «Теперь, 500 лет спустя, великая эпоха европейской экспансии пришла к концу. Последними, кто отказался от своих империй, были португальцы; только русские остались имперской нацией, потому что они сохранили то, что остальные из нас утратили»³⁸. В других докладах данного антисоветского симпозиума также встречаются подобные утверждения. Например, Тереза Раковска-Хармстоун прямо утверждала, что «исторически господствующая роль русских имеет свое продолжение и в советский период»³⁹.

Как видно из приведенных примеров, специалистов Запада влечет к активному изучению вопросов международных отношений на

³⁵ Там же, с. 261.

³⁶ Wheeler Geoffrey. Presence of Russians in Central Asia.— „Canadian Slavonic papers“, 1975, v. XVII, N 2—3, pp. 189—200.

³⁷ Там же, с. 189—190.

³⁸ Nationalities and nationalism in the USSR: a Soviet dilemma. Washington, 1977. p. 13.

³⁹ Там же, с. 3.

Среднем Востоке в XIX в. отнюдь не простое любопытство. Эти экскурсии ведутся ими с заранее намеченной целью — доказать любым путем агрессивность России в прошлом и, перекинув мост между политикой России и Советского Союза, показать наличие некоей «преемственности» во внешней политике СССР на Среднем Востоке. Исходя из этого главного тезиса, которому подчиняются все фальшивки, делается вывод о каких-то «особых» замыслах Советского Союза по отношению к странам Среднего Востока и даже Южной Азии, идентичных замыслам царской России в XIX в.⁴⁰ Эти лживые домыслы не только всячески муссируются на страницах различных западных изданий, претендующих на наукообразность, но и широко используются в передачах известных радиоцентров Запада в целях запугивания народов зарубежного Востока «угрозой коммунизма».

Советские историки призваны убедительно, с классовых позиций разоблачать подобные измышления буржуазной историографии, направленные на фальсификацию истории международных отношений, а также миролюбивой и дружественной внешней политики Советского Союза в отношении стран Среднего Востока и Южной Азии. Надо сосредоточить усилия наших специалистов на создании фундаментальных трудов по узловым вопросам истории международных отношений указанного региона, что явится достойным отпором наскокам буржуазной идеологии и пропаганды по данной проблеме.

⁴⁰ Wheeler Geoffrey. Nationalism versus Communism in Asia. — „Asian affairs“, 1977. v. 64, part I, p. 46.

ХРОНИКА

СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ УЗБЕКИСТАНА

18 января 1980 г. в Ташкенте состоялось созданное Академией наук УзССР, Институтом истории партии при ЦК КПУз, Министерством высшего и среднего образования УзССР и Министерством просвещения УзССР совещание историков Узбекистана, посвященное задачам дальнейшего развития исторической и историко-партийной науки в свете постановлений ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

В работе совещания приняли участие ученые-обществоведы Академии наук Узбекской ССР и Каракалпакского филиала АН УзССР, Института истории партии при ЦК КПУз, заведующие кафедрами вузов республики, руководящие работники Министерства высшего и среднего специального образования, Министерства просвещения Узбекистана и др.

Совещание открыл вступительным словом вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупов, охарактеризовавший основные черты общественно-политической и народнохозяйственной жизни страны и республики за время после исторического XXV съезда КПСС.

Особое место в жизни страны занимают сейчас решения ноябрьского (1979 г.) Пленума ЦК КПСС, программное по своей глубине и марксистско-ленинскому анализу выступление на нем Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, в котором подведены итоги деятельности партии и советского народа в нынешней пятилетке и обоснованы коренные проблемы дальнейшего подъема экономики страны, повышения народного благосостояния.

Как всегда, партия и правительство продолжали уделять огромное внимание развитию науки в СССР, включая сферу общественных наук, в том числе исторической науки. Роль общественных наук в решении задач дальнейшего улучшения идеологической, политико-воспитательной работы становится еще более актуальной в свете постановления ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г.

Э. Ю. Юсупов осветил круг наиболее важных проблем исторической науки в Узбекистане. Необходимо, подчеркнул он, и дальше развивать исследования и создавать капитальные труды по истории Великой Октябрьской социалистической революции, раскрывая активное участие в ней народов Средней Азии; по истории формирования, развития и дальнейшего укрепления дружбы узбекского и других народов нашей страны, совершенствованию национальных отношений.

В центре внимания продолжает стоять проблема глубокого и всестороннего изучения истории советского общества времени зрелого социализма.

Надо всегда и во всем помнить, что сердцевину идеологической работы составляет именно общественные науки, в том числе историческая наука. Деятели этих наук призваны на высоком теоретическом уровне, ярко и убедительно раскрывать идейное богатство и всепобеждающую силу марксистско-ленинской теории и практики, огромный творческий вклад в ее развитие, вносимый Коммунистической партией и ее Центральным Комитетом во главе с Л. И. Брежневым.

Особую актуальность приобретают углубленное изучение вопроса о возрастании роли партийного руководства народным хозяйством, культурным строительством и всей жизнью республики в современных условиях, всестороннее исследование процесса укрепления союза рабочих и крестьян, развития советского образа жизни, изменений в социальной структуре общества, изживания существенных различий между городом и селом, истории социалистических городов, истории колхозов и совхозов и многих других проблем.

Нуждаются в дальнейшей углубленной разработке и некоторые проблемы древней и средневековой истории, этногенеза узбекского и других народов Средней Азии. Ждут своего раскрытия в историко-философском плане ленинские положения

о соединении национально-освободительного движения с революционным движением пролетариата, о некапиталистическом пути развития и др.

Историкам высших учебных заведений, как никогда ранее, следует органически связывать свою научно-исследовательскую работу с работой идейно-воспитательной, исходя из установки партии о необходимости подготовки таких молодых специалистов, которые на деле являлись бы активными проводниками политики партии, способными решать сложные проблемы науки и техники, культуры и экономики в современных условиях.

Надо вести бескомпромиссную наступательную борьбу против идеологии современного антикоммунизма, аргументированно раскрывая несостоятельность буржуазных концепций общественного развития.

По всем этим и другим вопросам необходимо создавать значительно больше коллективных трудов историков, а по некоторым комплексным проблемам — осуществлять такие коллективные труды на базе совместных усилий историков, экономистов, философов, правоведов, востоковедов, этнографов, литературоведов и других представителей общественных наук. Надо обратить внимание на разработку методологии исторического исследования.

Должны быть повышены также научный уровень и роль журнала «Общественные науки в Узбекистане».

Не снята с повестки дня задача изжития мелкотемья в работе историков. Надо значительно улучшить постановку координационной работы, поднять ее на должную высоту. Для обмена опытом и обсуждения актуальных проблем исторической науки и было создано настоящее совещание.

Директор Института истории АН УзССР, член-корр. АН УзССР М. А. Ахунова в докладе «Актуальные проблемы дальнейшего развития исторической науки в Узбекистане на современном этапе» охарактеризовала состояние научно-исследовательской работы историков за период после XXV съезда партии и за три года, минувших после предшествующего совещания историков республики. В десятилетней пятилетке были подготовлены и опубликованы такие труды, как «Октябрь и расцвет Советского Узбекистана», двухтомная «История интеллигенции Узбекистана», «История рабочего класса Советского Каракалпакистана», «История Бухары», «История Хорезма», «Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм», «Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане» и др. Выходит из печати коллективная монография «Дружба народов — характерная черта социалистического образа жизни», завершается работа над первым томом двухтомного исследования «История колхозного крестьянства Узбекистана».

Расширились и окрепли контакты историков Узбекистана с историками других республик Советского Востока, научными центрами Москвы и Ленинграда. Историки республики участвуют в работе научных конгрессов, симпозиумов, конференций. Институт истории АН УзССР стремится координировать свою работу с историками вузов, совместно с которыми, в частности, были подготовлены некоторые из упомянутых выше трудов. В настоящее время с участием ученых ТашГУ, СамГУ, Ташкентского государственного педагогического института иностранных языков, ТашГПИ, Института истории партии готовится к печати трехтомная работа «Узбекистан в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.)». В одиннадцатой пятилетке историками совместно с работниками вузов, археологами и искусствоведами будет создано фундаментальное трехтомное исследование «История Ташкента с древнейших времен до наших дней», будут выпущены книга «Узбекистан в период развитого социализма», двухтомный труд «История культуры народов Узбекистана с древнейших времен до наших дней».

Институт истории АН УзССР и вузы республики учитывают также пожелания участников предыдущего совещания историков о создании серии учебных пособий для школ и вузов, хрестоматии по истории Узбекской ССР. В частности, намечено подготовить капитальный свод известий об Узбекистане авторов древних, средних веков и нового времени.

Отрадно, что все большее место в трудах наших историков занимает история Узбекистана периода зрелого социализма.

Вместе с тем надо признать, что еще наблюдаются распыление научных сил, мелкотемье, дублирование тематики работ. Необходимо дальнейшее объединение специалистов-обществоведов для изучения актуальных комплексных проблем, повышение идейно-теоретического и научного уровня исследований. Намечаемое создание республиканского координационного совета по историческим наукам будет способствовать решению этих задач.

Необходимо улучшить работу и по подготовке кадров. Сейчас ощущается большая потребность в высококвалифицированных кадрах в области этнографии, древней и средневековой истории, археологии, историографии. Поэтому целесообразно увеличить количество мест в очную аспирантуру, а также предоставлять Институту истории и вузам республики целевую аспирантуру в научных учреждениях Москвы

и Ленинграда, практиковать стажировку наших специалистов в главных научных центрах страны.

Заместитель директора Института истории партии при ЦК КПУз, канд. ист. наук В. Г. Чеботарева в докладе «Некоторые итоги и задачи дальнейшего улучшения исследований в области историко-партийной науки в республике» осветила научную деятельность Института за последние несколько лет, подчеркнув огромное влияние руководящих партийных документов, выступлений Л. И. Брежнева и других руководителей партии и правительства на дальнейшее развитие историко-партийной науки, обогативших ее новыми теоретическими выводами и положениями.

Три года назад состоялось совещание историков при ЦК Компартии Узбекистана. Рекомендации его были учтены, и сегодня можно констатировать, что ряд поставленных вопросов, получает свое решение. Расширились масштабы историко-партийных исследований. Ученые республики приняли участие в создании многотомной истории КПСС. Положительную оценку научной общественности получили такие обобщающие труды, как «Минувшая капитализм», «На путях к коммунизму», «Национальная политика КПСС в действии», «Коммунистическая партия Узбекистана во главе социалистического строительства» и другие, созданные совместными усилиями специалистов по общей истории и истории партии. Одновременно разрабатывались и отдельные конкретные темы историко-партийной науки. Вышли в свет труды, раскрывающие руководящую роль Компартии Узбекистана в области экономики республики, деятельность партийной организации Узбекистана по повышению научно-технического уровня и эффективности производства, организации социалистического соревнования. Появились первые работы, освещающие в плане партийного руководства системный, комплексный подход к управлению производством и культурой.

В публикациях последних лет обобщается теоретический и практический опыт Компартии Узбекистана — боевого отряда КПСС — в борьбе за утверждение диктатуры пролетариата и решение задач социалистического и коммунистического строительства. Важнейшей тенденцией исследований по истории партии и партийному строительству является возросшее внимание ученых к раскрытию закономерностей деятельности партии в условиях развитого социализма, усиления ее политического, идейного и организационного влияния на все стороны жизни советского общества. На одиннадцатую пятилетку Институтом запланированы издание обобщающих трудов — «Теория и практика партийного строительства в условиях некапиталистического развития», «Ленинские принципы партийного строительства в действии (на этапе зрелого социализма)», подготовка к публикации на узбекском языке многотомного издания «КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов» и др.

Вместе с тем остаются недостаточно изученными закономерности и особенности развития политической системы зрелого социализма, усиления роли общественных организаций, трудовых коллективов. Требуют более глубокого изучения руководящая роль КПСС и партийной организации республики в социалистическом преобразовании кишлака, история осуществления аграрной политики партии в период развитого социализма. Настало время обобщить исторический опыт осуществления ленинской программы культурной революции в масштабе всего Среднеазиатского региона, раскрыть международное значение политической деятельности национальных отрядов КПСС в области руководства политическими и социальными процессами, происходящими в советском обществе. Необходимо продолжать исследования по истории распространения марксистско-ленинских идей и формирования социалистического сознания трудящихся Узбекистана. Углубленного изучения требуют проблематика изменения социальной психологии дехканства в ходе социалистического строительства, преодоления пережитков буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и многие другие проблемы.

Заведующий отделом историографии Института истории АН УзССР, проф. Б. В. Луин в своем выступлении остановился на такой важной отрасли исторической науки, как историография. За последние годы в республике наблюдается довольно быстрое и многогранное развитие историографической работы. Умножилось число историографических публикаций и диссертаций. Курсы и спецкурсы по историографии читаются в Ташкентском государственном университете им. В. И. Ленина, педагогических институтах, Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ.

Вместе с тем в этой работе еще немало разобщенности, кустарщины и дилетантизма. В связи с этим был бы полезен созыв первого совещания историков республики, ведущих работу в области историографии. Необходимо уделять больше внимания и подготовке кадров историографов. Хорошо бы также, хоть изредка, выпускать в свет сборники научных работ специально по историографической тематике.

В настоящее время перед исследователями стоит большая задача — создать капитальные историографические труды по таким проблемам, как история национально-освободительного и революционного движения в Узбекистане, история коммунистического движения и партийной организации республики, история сложения и

развития союза рабочего класса и крестьянства в Узбекистане, развития и совершенствования национальных отношений, сложения общества зрелого социализма применительно к территории Советского Востока и многие другие.

Член-корр. АН УзССР Р. Х. Аминова рассказала об исследованиях по истории крестьянства и национальных отношений, которые осуществляются в Институте истории АН УзССР. Особенно актуальны многогранные процессы, происходящие в хозяйственной, культурной жизни современного советского крестьянства Узбекистана. Исключительный интерес представляет изучение процесса реализации курса партии на агропромышленную интеграцию и межхозяйственную специализацию. Предметом детальной и разносторонней разработки должна стать и история национальных отношений на современном этапе. Историкам республики надо приступить к созданию большой серии работ «История городов и сел Узбекистана», для подготовки которой следует разработать подробные проспекты привлечь, помимо специалистов, и общественность. Историкам республики пора овладеть математическими методами обработки историко-статистических материалов, что приумножит и расширит базу исследований.

Надо также чаще практиковать выездные сессии историков, их встречи с учеными Москвы, Ленинграда и других научных центров, осуществлять широкое обсуждение новых исторических работ.

Заведующий кафедрой истории КПСС вечернего отделения ТашПИ, доктор ист. наук К. Х. Хасанов обратил внимание на необходимость дальнейшего изучения великого наследия В. И. Ленина по Востоку, отметив, в частности, что до сих пор неполно изучен вопрос о непосредственном руководстве В. И. Лениным деятельностью партийных организаций Средней Азии. Имеет место отставание историко-партийных исследований по вопросам социалистического интернационализма и по историографии истории Коммунистической партии Узбекистана. Надо активизировать исследовательскую работу и по разоблачению фальсификаторов истории социалистического и коммунистического строительства в нашей республике. Желательно организовать специальный, может быть, региональный совет для всей Средней Азии и Казахстана, который содействовал бы координации и усилению работы по данной проблеме. Необходимо также улучшить подготовку кадров историко-партийной науки через аспирантуру и изменить порядок предоставления вузам прав на издание их научных трудов.

Акад. АН УзССР М. Ю. Юлдашев констатировал, что по изучению советского периода истории Узбекистана в республике работает много способных и талантливых историков. Вместе с тем у нас отстает подготовка кадров исследователей по изучению дореволюционной истории Узбекистана. Необходимо обратить самое серьезное внимание на подготовку специалистов, в совершенстве владеющих восточными языками — арабским, персидским, а также арабской графикой узбекского языка, чтобы они могли изучать в оригинале ценнейшие исторические источники.

Декан исторического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, проф. Г. А. Хидоятов подчеркнул, что постановления ЦК партии нацелены на поднятие удельного веса общественных наук, в том числе исторической науки. Историкам нельзя забывать, что история советского общества, в том числе Средней Азии, является важным объектом идеологической борьбы. Известно, например, что в Стенфордском университете (Калифорния) и других научных центрах США готовятся обширные работы по истории Средней Азии, в частности двухтомная работа по «истории национализма» в Средней Азии. Можно заранее предвидеть, что многие ее аспекты будут представлены в упомянутых изданиях в кривом зеркале антисоветизма. Таким образом, одной из центральных задач, стоящих перед нами, является усиление борьбы с зарубежными фальсификаторами прошлого и настоящего народов Средней Азии. Надо, далее, неуклонно поднимать научный и идейно-теоретический уровень исторических работ. Нельзя не отметить, что в республике еще издаются труды, которые содержат простой перечень фактов и не показывают, какой, к примеру, острой классовой борьбой сопровождалось становление Советской власти в Узбекистане. С этим связана и проблема подготовки научных кадров. Современному историку требуются глубокие и разносторонние знания. В нем должны сочетаться философ и социолог; надо уметь обобщать, делать глубокие выводы, а не только констатировать, что и как происходило в таком-то веке, в таком-то году.

Необходимо усилить координацию научной деятельности Института истории УзССР как головного научного учреждения в Узбекистане и научной деятельности вузов республики. Назрела необходимость создания в ТашГУ им. В. И. Ленина кафедры историографии и источниковедения.

Член-корр. АН УзССР М. М. Хайруллаев подчеркнул значение взаимной информации между представителями различных отраслей общественных наук, без которой невозможно их дальнейшее развитие. Координатором, информатором всех общественных наук в республике должен стать журнал «Общественные науки в Узбекистане». Само комплексное решение крупных научных проблем следует осуществлять совместными усилиями философов, экономистов, историков, юристов и других

специалистов и держать под контролем Отделений общественных наук и Президиума АН УзССР. Именно так, например, Институт философии и права АН УзССР наметил создать трехтомный труд «Социально-экономическое и культурное развитие села Узбекистана». Объединение усилий всех обществоведов необходимо и для борьбы с лженаучными концепциями буржуазных фальсификаторов.

Заведующий кафедрой истории КПСС ТашМИ, проф. А. Ф. Водолазский выступил с конкретными предложениями о создании ряда трудов по актуальным проблемам историко-партийной тематики. Так, была бы своевременной подготовка фундаментальных работ, посвященных реализации партийных норм в жизни общества в условиях строительства коммунизма, а также философским основам партийного строительства. Институт истории партии сделал бы доброе дело, подготовив к печати брошюру, раскрывающую основные вехи истории образования и деятельности ЦК Компартии Узбекистана и издав ее массовым тиражом на узбекском и русском языках. Это облегчило бы работу ученых, преподавателей вузов и студентов. По мнению выступавшего, большее место в исследовательской деятельности историков партии должна занимать и общепартийная, общегосударственная проблематика.

Декан исторического факультета ТашГПИ им. Низами, проф. Д. А. Алламурадов охарактеризовал задачи педагогических вузов в области изучения истории, отметив, что в развертывании научно-исследовательской работы за последние годы достигнуты определенные успехи. Ведется комплексное исследование тем, положено начало изданию многотематических сборников, особенно в вузах, где имеются исторические факультеты или отделения. Но в организации научной работы есть еще недостатки. Так, не во всех педвузах созданы для этого соответствующие условия. Не всегда преподаватели, получающие творческие отпуска, стажировки, направления в ИПК, используют полностью эти возможности. Недостаточное внимание уделяется аспирантам и соискателям. Не везде имеются для них постоянно действующие научно-теоретические семинары и др.

Наша главная задача — повысить идейно-теоретический и научный уровень проблемных исторических исследований. Необходимо также более серьезное отношение к научным публикациям. Речь должна идти не просто о том, чтобы дать возможность побольше печататься, но и отбирать то, что действительно достойно опубликования.

Заведующий кафедрой истории КПСС Самаркандского сельскохозяйственного института Т. Саидкулов поделился опытом координации научно-исследовательской работы кафедр и вузов, осуществляемой Советом ректоров при Самаркандском государственном университете им. Навои, а также сообщил, что в 1981—1985 гг. кафедры общественных наук будут работать над проблемой «Дальнейшее совершенствование общественных отношений в процессе индустриализации сельскохозяйственного производства в Узбекистане». Настоящее совещание убеждает, что эта тема весьма актуальна. Самаркандские ученые проявляют интерес и к вопросам историографии, в частности исследуют историографию истории комсомола. Назревшей задачей является также широкое изучение истории социалистических городов и сел.

Пользуясь случаем, хочется отметить необходимость расширения исследований по проблемам каллиграфии и эпиграфики и подготовки соответствующих кадров специалистов.

Заведующий кафедрой истории КПСС ТашГПИ им. Низами, проф. А. М. Юлдашев обратил внимание на неудовлетворительное состояние научного аппарата многих диссертационных работ, а нередко и трудов историков, даже ведущих ученых. В частности, некоторые авторы заимствуют архивные данные из научных трудов других исследователей, а ссылаются при этом прямо на архивные фонды. Подобные факты, безусловно, нетерпимы.

Представляется весьма важным вопрос о публикации специальными сборниками ценнейших архивных документов.

Надо одобрить предложение об улучшении координации в области историографических исследований и о созыве совещания историков, работающих по этой проблеме.

Выступивший с заключительным словом акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупов выразил уверенность, что высказанные участниками совещания советы, пожелания и рекомендации помогут поднять на еще более высокий уровень историческую науку в Узбекистане, и ознакомил присутствующих со структурой и намеченным составом создаваемого сейчас республиканского координационного Совета по исторической науке, который будет функционировать при Президиуме АН УзССР. Совещание единодушно одобрило мероприятия в этом направлении.

Л. С. Иванова

МУНДАРИЖА

Ўзбекистонда хотин-қизлар масаласининг ҳал қилиниши ва унинг халқаро аҳамияти	3
Э. Ю. Юсунов. Идеологик курашнинг актуал масалалари ва Ўзбекистон жамиятшуносларининг вазифалари	9
М. К. Нурмухамедов. Ҳозирги замон буржуа советологларининг Урта Осиё халқлари маданиятини ўрганишдаги айрим тенденциялари	18
М. М. Хайруллаев. СССРда маданий меросни ўрганиш ва буржуа фальсификаторларини танқид	26
М. Б. Баратов. Ленинизм ва ҳозирги замон миллий озодлик ҳаракати идеологияси	32
Э. И. Фозилов. СССРда миллий тиллар тараққиёти ва унинг антикоммунизм идеологлари томонидан бўлиб талқин қилиниши	39
Р. Ҳ. Аминова. СССРда миллий масаланинг ҳал қилиниши бўйича буржуа концепцияларини танқид (Ўзбекистон мисолида)	46
Ҳ. Ш. Иноятов. Совет историографиясининг СССР миллий муносабатларининг сохталаштирувчилари билан кураши	53
А. У. Улмасов, Т. Д. Қосимбеков. Совет Ўзбекистони экономикасининг ривожланиши бўйича буржуа концепцияларини танқид	57
Л. П. Қаюмов. Ўзбек адабиёти ва унинг чет элик танқидчилари	62
А. Хўжаев. Маонзм — буюк давлатчилик шовинизми ва миллатчилик идеологияси	67
А. М. Масалиев. Халқаро сионизмнинг реакцион моҳияти тўғрисида	74
С. М. Мирҳосилов. Ўзбекистонда ҳозирги этник ва этник-маданий жараёнларнинг буржуа «советологлари» томонидан баҳоланиши	78
Б. С. Манпонов. Урта Шарқдаги халқаро муносабатлар тарихининг буржуача фальсификацияси	84

Хроника

Л. С. Иванова. Ўзбекистон тарихчиларининг кенгаши	93
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

Решение женского вопроса в Узбекистане и его международное значение	3
Э. Ю. Юсупов. Актуальные вопросы идеологической борьбы и задачи обществоведов Узбекистана	9
М. К. Нурмухамедов. Некоторые тенденции современной буржуазной советологии в изучении культур народов Средней Азии	18
М. М. Хайруллаев. Изучение культурного наследия в СССР и критика буржуазных фальсификаторов	26
М. Б. Баратов. Ленинизм и идеология современного национально-освободительного движения	32
Э. И. Фазылов. Развитие национальных языков в СССР и его искажение идеологами антикоммунизма	39
Р. Х. Аминова. Критика буржуазных концепций решения национального вопроса в СССР (На примере Узбекистана)	46
Х. Ш. Иноятов. Советская историография в борьбе с фальсификацией национальных отношений в СССР	53
А. У. Ульмасов, Т. Д. Касымбеков. Критика буржуазных концепций развития экономики Советского Узбекистана	57
Л. П. Каюмов. Узбекская литература и ее зарубежные критики	62
А. Ходжаев. Маоизм — идеология великодержавного шовинизма и национализма	67
А. М. Масалиев. О реакционной сущности международного сионизма	74
С. М. Мирхасилов. Современные этнические и этно-культурные процессы в Узбекистане в оценке буржуазных «советологов»	78
Б. С. Маннанов. Буржуазная фальсификация истории международных отношений на Среднем Востоке	84

Хроника

Л. С. Иванова. Сопещение историков Узбекистана	93
--	----

НАШИ АВТОРЫ

- Э. Ю. Юсупов** — вице-президент АН УзССР, академик АН УзССР.
- М. К. Нурмухамедов** — академик-секретарь Отделения истории, языкознания и литературоведения АН УзССР, академик АН УзССР.
- Р. Х. Аминова** — заведующая отделом колхозного крестьянства и отделом истории дружбы народов Института истории АН УзССР, член-корреспондент АН УзССР.
- М. Б. Баратов** — ректор Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ им. В. И. Ленина, член-корреспондент АН УзССР.
- Э. И. Фазылов** — заместитель директора Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, член-корреспондент АН УзССР.
- М. М. Хайруллаев** — директор Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, член-корреспондент АН УзССР.
- Х. Ш. Иноятов** — заведующий отделом истории Великой Октябрьской революции и гражданской войны Института истории АН УзССР, доктор исторических наук, профессор.
- Л. П. Каюмов** — редактор газеты «Узбекистон маданияти», доктор филологических наук, профессор.
- А. У. Ульмасов** — заведующий кафедрой политэкономии Ташкентского института народного хозяйства, доктор экономических наук, профессор.
- Б. С. Маннанов** — руководитель Центра научной информации по общественным наукам при Президиуме АН УзССР, кандидат исторических наук.
- А. М. Масалиев** — старший научный сотрудник Института востоковедения АН УзССР, кандидат философских наук.
- С. М. Мирхасилов** — заведующий отделом этнографии советского периода Института истории АН УзССР, кандидат исторических наук.
- А. Ходжаев** — старший научный сотрудник Института востоковедения АН УзССР, кандидат исторических наук.
-

Цена 40 к.

Индекс
75349